

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

*Геополитика и проблемы
международных отношений*

*Geopolitics and Problems of
International Relations*

Козлов Л. Е.

7

Kozlov L. E.

Применение культурных
инструментов в современной
внешнеполитической практике

Using of cultural instruments in
contemporary foreign policy

Ким В. С., Бохан Я. А.

17

Kim V. S., Bokhan Ya. A.

Трансформация стратегии «мягкой
силы» КНР в современных
условиях

Transformation of “Soft Power”
strategy of China in modern
conditions

Мухаметов Р. С.

21

Mukhametov R. S.

Грузия в политике НАТО

Georgia in the politics of NATO

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

А. Ю. Шатин – главный редактор
А. В. Мельников – зам. главного редактора
Г. В. Сачко – главный редактор научного
направления
М. Г. Смирнов – ответственный секретарь
Н.Р. Сайфутдинова – технический секретарь

*И. Н. Бекмуратов (Ташкент), В. Г. Будыкина, Д. Г. Зайнуллин
(Казань), В. А. Зорин, В. С. Ким, Н. А. Комлева. (Екатеринбург),
А. М. Маннанов (Ташкент), А. К. Муминов (Алматы), А. Б. Невелев,
Д. Г. Пазий, А. Л. Пастухов (Санкт-Петербург), А. В. Уфимцев,
Б. Г. Фаткулин, А. Л. Худобородов*

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения
авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и
качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться
на сайте ЧелГУ www.csu.ru.

Адрес редакционной коллегии:
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129
Тел.: (351) 799-71-28
e-mail: pnv@csu.ru

Журнал зарегистрирован в Упринформпечати
Администрации Челябинской области. Рег. № 87
Индекс 73855 в каталоге российской прессы
«Почта России»

Редактор *М. В. Загидуллина*
Компьютерная верстка *А. А. Селютина*
Художественное оформление *Н. Ю. Смирновой*

Подписано в печать 04.05.12.
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 18,4.
Тираж 1000 экз. Заказ 52.
Цена договорная

ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный
университет»
454001 Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

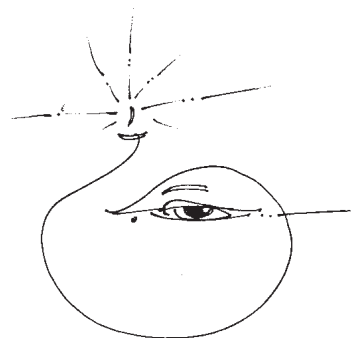
Издательство
Челябинского государственного университета
454021 Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57 б

Гердт Я. В. Истоки российской геополитики	26	Gerdt Ya. V. The beginning of Russian geopolitics
Политическая теория и идеология		Political Theory and Ideology
Смирнов М. Г. К вопросу о развитии политических идеологий. Идеология натурализма	31	Smirnov M. G. To the question of development political ideologies. Ideology of naturalism
Лаврентьева Т. В. Особенности осуществления защитных функций общественными и государственными институтами в истории Киевской и Московской Руси	37	Lavrenteva T. V. Special features of defensive functions of social and state institutions in the history of Kievan and Moscow Russia
Прикладная политология и политические процессы		Applied Political Science and Political Processes
Дубина Ю. А. Современная образовательная политика и проблема формирования языковой компетенции научных работников в системе последипломого образования	44	Dubina Y. A. Educational policy of modern Russia and the problem of forming free proficiency in foreign language of scientific workers in the system of postgraduate education
Сачко Г. В. Почему сходные реформы высшего образования в России и Китае ведут к разным результатам?	48	Sachko G. V. Why do similar reforms of higher education in Russia and China lead to different results?
Пастухов А. Л. Управление знаниями в образовании: международный опыт	56	Pastukhov A. L. Knowledge management in education: international experience
Зыков А. А. Дальний Восток России как актор трансграничного сотрудничества	60	Zykov A. A. Russian Far East as the actor of transboundary cooperation
Великая О. В. Партийная система современного Казахстана: политико-методологический анализ	66	Velikaya O. V. The political system of modern Kazakhstan: political and methodological analysis
Васильева С. А. Особенности инновационных политических процессов в Турецкой республике	69	Vasileva S.A. Special features of innovative political processes in Republic of Turkey

Вершилов С. А. Культура военной безопасности: в поисках ее основного противоречия	73	Vershilov S. A. Culture of military safety: in search of its main contradiction
История Востока		Eastern history
Суровень Д. А. Брачные связи государя Ō-Садзаки (Нинтоку) и внутривосточная борьба в Ямато в конце 10-х – первой половине 20-х годов V века	87	Suroven D. A. Marriage connections of sovereign Ō-Sazaki (Nintoku) and internal political struggle in Yamato in the end of 10–beginning of 20 years of V century
Джуряев Д. А. Хивинский историк Комёб и его произведения как вклад в изучение истории народов Центральной Азии	103	Djurayev D. A. Historian Komyob from Khiva and his works as a contribution to the study of history of Central Asian nations
Восточная филология и восточные языки		Oriental Philology and Oriental Languages
Бултаков И. Ю. Формульность как стилистическая особенность арабского героического эпоса (в свете теории Парри-Лорда)	107	Bultakov I. Y. Formulaicity as a stylistic peculiarity of Arabic heroic epos (according to Parrie-Lord's theory)
Бегматов Э. А., Исламов У. Х. Аль-Фараби о языке и культуре речи	110	Begmatov E. A., Islamov U. Kh. Al-Farabi about language and the culture of speaking
Бекмирзаев И. И. Кодикология рукописных произведений по фикху «ал-Мухит», написанных в Мавераннахре	114	Bekmirzaev I. I. Codicology of manuscript works on fiqh “al-Muhit” written in Maverannakhr
Эшанкулова С. И. Поэтическое толкование образа Хызра в лирике поэтессы Надиры бегим	119	Eshankulova S. I. Poetic interpretation of Hyzr image in the lyrics of poetess Nadira begim
Насырова М. А. Мавераннахр в контексте арабских лингвистических школ	122	Nasyrova M. A. Maverannakhr in the context of Arabic linguistic schools
Касымова С. С. Способы изложения синтаксических отношений в произведении «Мукаддима» Хамидуддина Дарири	127	Kasymova S. S. Ways of exposition of syntax relations in the work “Mukaddima” of Khamiduddin Dariri

Турсунова Д. Ш. Семантические особенности сложного глагола в персидском языке	132	<i>Toursunova D. Sh.</i> Semantic peculiarities of complex verb in Persian language
Абдулхайров М. Х. Методы исследования текстов произведений Алишера Навои	134	<i>Abdulkhairov M. Kh.</i> Methods of Alisher Navoi's texts analysis
Султанходжаева С. У. Моделеобразующие глаголы в соматических фразеологизмах персидского языка	137	<i>Sultankhodjayeva S. U.</i> Model forming verbs in somatic phraseological units of Persian language
Ерофеева Ю. А. Нетрадиционные формы проведения уроков китайского языка в начальной школе	140	<i>Erofeeva Y. A.</i> Alternative forms of conducting Chinese language lessons in primary school
Отзывы и рецензии		<i>Reviews</i>
Ким В. С. Рецензия на книгу Чарльза Уильямса «Китайская культура (мифы, герои, символы)»	146	<i>Kim V. S.</i> Review on a book by Charles Williams "Chinese culture (myths, heroes, symbols)"
Аннотации	148	<i>Abstracts</i>
Сведения об авторах	153	<i>Index</i>

ГЕОПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Л. Е. Козлов

ПРИМЕНЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ №11-33-00361a2
«Интерференция внешней и региональной политики Российской Федерации»
и гранта Минобрнауки РФ №РНП.2.2.2.3.15146 «Сравнительный анализ
культурной дипломатии иностранных держав в Германии и России».

Глобализация культуры и средств массовой коммуникации стимулирует национальные правительства к большему использованию культурных инструментов в иностранных делах. Культурная дипломатия стала обязательной частью современной внешней политики, наряду с военными и экономическими инструментами. В статье анализируется внешнеполитическая роль культуры в свете социальных перемен, обуславливаемых технологическим прогрессом в производстве и трансляции культурного материала.

Ключевые слова: культурная дипломатия, внешняя политика, международные отношения, глобализация, популярная культура.

Мировое развитие в начале XXI века характеризуется неуклонным расширением глобализационных процессов. Унификация национальной жизнедеятельности и становление единой системы международного взаимодействия полностью изменяют внешнюю среду, в которой действуют государства. Устойчивость во времени и комплексность мировой политической системы означают, что любое действие любого правительства регулируется какими-то устоявшимися правилами и в какой-то степени влияет на глобальное соотношение сил. Относительно стабильное соотношение военных и экономических потенциалов ведущих держав заставляет их изыскивать новые способы, стратегии и тактики внешней политики, чтобы повысить свой статус на международной арене.

Глобализация культуры и средств массовой коммуникации стимулирует национальные правительства к использованию культурных инструментов в иностранных делах. Культурная дипломатия, если она грамотно разрабаты-

вается и проводится в жизнь, может эффективно дополнять общую международную стратегию правительства, что актуально, в первую очередь, для тех стран, чей имидж не соотносится с политическими амбициями, чье духовное влияние заметно уступает их военному или экономическому ресурсу.

В представляемой статье анализируется внешнеполитическая роль национальной культуры в свете социальных перемен, обусловленных прогрессом технологий производства и трансляции культурной продукции. Помимо экспертной литературы, статья опирается на личные включенные наблюдения автора, проводившиеся в последнее десятилетие, главным образом, на Дальнем Востоке, в Москве и Германии. Под культурной дипломатией в статье понимается совокупность приемов, методов и практических мероприятий, разрабатываемых и реализуемых органами внешних сношений и / или другими уполномоченными на то государственными органами, поддерживающих основную дипломатическую деятельность госу-

дарства трансляцией образцов национальной культуры на зарубежную аудиторию.

Обладание военным или экономическим могуществом не ведет автоматически к культурному влиянию. Лидерские позиции в этой сфере нуждаются в дополнительном подтверждении. Культурные инструменты внешней политики имеют два очевидных плюса в сравнении с «жесткой силой». Во-первых, они требуют принципиально меньших расходов на свое проведение; к примеру, ежегодные расходы США на культурную дипломатию в России не превышают стоимости одного военного самолета¹. Во-вторых, культурная дипломатия гораздо реже способствует возникновению исторического реваншизма, чем военное или экономическое давление на зарубежные страны (хотя имеются и такие прецеденты, например, в современных американо-французских или российско-украинских отношениях). Применение военной силы или угрозы силы в международных отношениях стало слишком дорогим и в прямом, и в переносном смысле.

Культурная дипломатия в ее нынешнем виде зародилась и оформилась в полноценный метод внешней политики в XX веке. Правда, принцип ее действия – очарование зарубежного партнера с помощью артефактов национальной культуры – прослеживается в давней дипломатической практике обмена подарками. Чем более изящным и технически совершенным был преподносимый предмет, тем лучшее впечатление о творческом и производственном потенциале своей страны он создавал.

Регулярное использование культурной дипломатии началось между Первой и Второй мировой войнами. В идеологической борьбе гитлеровской Германии, сталинской России и западных демократий культура должна была доказывать прогрессивность того или иного политического режима. Весьма плодотворно сказались на культурной дипломатии холодная война. Конкурирующие сверхдержавы постепенно научились, взамен грубой и прямолинейной пропаганды военного времени, изощренному воздействию на массовое сознание. Культурно-идеологическое соперничество СССР и США также велось в других странах, колебавшихся в выборе политико-экономической модели. Холодная война показала, что прямая экономическая или военно-техническая помощь менее эффективна в приобретении союзников, чем эмоциональная солидарность.

Именно в период холодной войны в обиходе дипломатической службы утвердилось понятие «культурная дипломатия», а в зарубежных представительствах появились специальные атташе и консулы по вопросам культуры. «Культурные связи с их специфическим инструментарием влияния на общественное мнение растапливали лед недоброжелательного отношения ко всему советскому. Искусство облагораживало портрет страны, ретушируя следы воздействий менее благотворного происхождения. Рукоплескания советскому балету перекрывали раскаты артпропаганды всех недоброжелателей», – констатирует российский дипломат Е. А. Шмагин². США придавали аналогичное значение культурному фактору внешней политики. Содержание американских кинофильмов, планировавшихся к международному прокату, было выверено идеологически в той же степени, что и советских. Правительство США неоднократно обращалось к творческой интеллигенции, призывая осознавать свою роль в острой идеологической борьбе и поддерживать официальный курс. В 2000 году президент США Билл Клинтон публично заявил, что холодную войну выиграл Элвис Пресли³. Примечательно, что сложившиеся тогда ключевые институты культурной дипломатии США, в основном, действуют до сих пор.

Окончание холодной войны на некоторое время свернуло интерес западных правительств к культурной дипломатии, но теракты 11 сентября 2001 года вернули ситуацию в прежнее русло. Стратегия национальной безопасности США провозгласила, что война с терроризмом ведется, среди прочего, на идеологическом фронте, где Америка должна превзойти других. Основным объектом внимания США и ведущих европейских держав теперь стали исламские страны⁴. Вдобавок, Запад крайне обеспокоился возвышением Китая. Выйдя на второе-третье место по величине национальной экономики в мире, Китай – в дополнение к экономическому процветанию – нацелился на достижение военного паритета с Америкой к середине XXI века. Не доверяя миролюбивым декларациям Пекина, США и Евросоюз готовятся к идеологической борьбе с Китаем за третьи страны, а также стараются постепенно внедрять западные ценности в сознание китайского общества.

Использование культурных инструментов во внешнеполитической практике началось намного раньше, чем под культурную дипло-

матию была подведена теоретическая база. В течение XX века культурная дипломатия проводилась, очевидно, по наитию, поскольку ни теория, ни методика ее проведения в специальной литературе не излагалась. Только на рубеже XX–XXI веков культурная дипломатия была теоретически обоснована через концепцию «мягкой силы». Профессор Гарвардского университета Джозеф Най определил ее следующим образом: «Мягкая» сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или подачек. <...> Когда ты можешь побудить других возжелать того же, чего хочешь сам, тебе дешевле обходятся кнуты и пряники, необходимые, чтобы двинуть людей в нужном направлении»⁵. Особенно много статей на тему культурной дипломатии публикует такое американское издание, как «Journal of Arts Management, Law&Society». В России наиболее интересны с практической точки зрения статьи Е. А. Шмагина, имеющего опыт работы в Департаменте по культурным связям и делам ЮНЕСКО МИД РФ, а полноценный теоретический труд – «Мягкая сила» культурной дипломатии США» (М., 2010) – был впервые опубликован совсем недавно Г. Ю. Филимоновым.

Обращает на себя внимание тот факт, что и после формирования необходимой теоретической базы в публикациях о культурной дипломатии продолжает излагаться, преимущественно, экспертный опыт. Кроме того, довольно часто встречаются не подкрепленные количественными или качественными исследованиями рассуждения о пользе культуры во внешнеполитической деятельности. Нередко в специальной литературе приводятся отрывочные сведения, не позволяющие в полном объеме представить соотношение мягкой и жесткой силы в решении внешнеполитических задач. Знакомство с официальными сайтами университетов и научных институтов показывает, что для большинства авторов соответствующих публикаций культурная дипломатия является второстепенным предметом научных интересов. Четкая и структурированная методика выработки, организационной подготовки, реализации и контроля над исполнением решений в сфере культурной дипломатии остается перспективным предметом научных изысканий.

Несмотря на изложенные проблемы, новейшая история международных отношений содержит явный аргумент в пользу культурной дипломатии как внешнеполитического инстру-

мента: государства, которые не проводят подобных мероприятий, неизменно находятся на задворках мировой политики. Необходимость привлечения культуры для нужд внешней политики также вытекает из концепции публичной дипломатии, утвердившейся в практике большинства стран во второй половине XX века. Ее смысл состоит в том, что дипломаты могут обращаться к жителям другой страны с разъяснениями своей внешней политики, в обход правительства данной страны. Если эти разъяснения будут восприняты благожелательно, общественное мнение данной страны окажет давление на свое правительство⁶. Поскольку публичная дипломатия обращается к широкому массам, она должна быть понятной и приятной массовому сознанию, то есть использовать яркие и запоминающиеся образы, желательные визуальные, ведь основной массив информации человек получает через органы зрения. Такие образы можно и должно создавать культурными акциями, предваряющими или сопровождающими публичную дипломатию.

Один из главных принципов современной модели дипломатии гласит, что переговоры и другие международные контакты не должны заканчиваться победой одного участника над другим, иначе они порождают обиду и желание реванша. Самая эффективная дипломатия завершается взаимной удовлетворенностью обеих сторон. Культурная дипломатия помогает очаровать оппонента, обращаясь к его эмоциям, что отметил дипломат В. И. Попов, автор одного из лучших отечественных учебников по дипломатической службе: «Некоторые посольства предпочитают влиять на внешнюю политику страны пребывания не напрямую, а путем пропаганды своего образа жизни, культивируя политические симпатии к своей стране. <...> Для пропаганды образа жизни, культуры и искусств нужно приглашать из своей страны выдающихся деятелей искусства. На их концерты, приемы придут самые влиятельные люди государств, культурная элита, и ваши контакты с ними умножатся»⁷.

За долгую историю культурной дипломатии государства выработали стандартные схемы ее организационной и содержательной части. Культурная дипломатия невозможна без подготовительной работы внутри страны, прежде всего, без производства необходимого культурного материала, что требует проведения целостной государственной политики и усилий широкого круга органов власти, культурных

организаций и частных лиц – творческих личностей.

Культурная дипломатия по своему характеру имеет много общего с маркетингом и рекламой. Например, художественная выставка за рубежом преследует примерно те же цели, что и промоакция, а спутниковый канал на иностранном языке – что и серия рекламных роликов. Очевидно, что культурная дипломатия требует схожих расчетов, но в специальной литературе редко встречаются четкие указания, каким образом отбирать проекты культурных мероприятий, какими методами исследовать их целевую аудиторию, из каких источников финансировать и т. д. Можно предположить, что в этой сфере действуют закономерности менеджмента культуры и рекламного дела. Но относительно культурной дипломатии следует учитывать два важных обстоятельства: как правило, ее организуют и реализуют непрофессионалы в менеджменте культуры и, как правило, в условиях нехватки финансирования. Не случайно, дипломаты в своих статьях постоянно сетуют на недооценку значения культурной дипломатии министерством финансов своей страны, а творческие деятели – на отсутствие государственной координации культурных мероприятий за рубежом⁸.

Непонимание характеристик зарубежной аудитории и национального места в современном пространстве мировой культуры может частично или полностью воспрепятствовать достижению поставленных целей, в крайнем случае – даже ухудшить международный имидж государства. Показательной здесь является Олимпиада 2008 года в Пекине. Ее организаторы рассуждали в духе холодной войны: хорошая организация игр и спортивные успехи собственной команды докажут успешность китайской политико-экономической модели, сочетающей рыночные принципы экономической свободы с авторитарным контролем государства в идеологии и общественной жизни. Это действительно произошло, но отнюдь не сделало восприятие Китая за рубежом более позитивным. США и Евросоюз, самые важные для Китая внешнеполитические партнеры, увидев его силу на Олимпиаде, стали еще больше опасаться возможной китайской гегемонии в XXI веке. Поэтому внимание западной публики сконцентрировалось на издержках Олимпиады: экологических нарушениях, отсутствии свободы слова, «потемкинских деревнях», допинге и т. п.⁹.

Существует два основных подхода к институциональной организации культурной дипломатии. Ведущие страны создают специальные институты, сотрудниками которых, преимущественно, являются менеджеры или деятели культуры, с отделениями в странах, на которые требуется оказать культурное воздействие. Работа этих институтов курируется дипломатическим ведомством или непосредственно правительством. Страны, испытывающие нехватку финансовых и творческих ресурсов, ограничиваются мероприятиями своих заграничных представительств, то есть культурную дипломатию осуществляют сами дипломаты. Также в реализацию культурной дипломатии обычно бывают вовлечены другие ведомства, отвечающие за сферы искусства, науки, образования, спорта, туризма, массовой информации.

Государственный департамент США имеет в своем составе Бюро по делам образования и культуры, а также курирует работу множества автономных (в том числе негосударственных) институтов, вроде Информационного агентства США, Совета по международным исследованиям и обмену, Агентства США по международному развитию, Ассоциации некоммерческих неправительственных организаций, Корпуса мира. Большую роль в культурной дипломатии США играют частные благотворительные фонды (Сороса, МакАртуров, Рокфеллеров, Гугенхайма и др.), поскольку государственные ассигнования на культуру США значительно уступают взносам филантропов¹⁰. Широкое сотрудничество с некоммерческими организациями отличает дипломатию США. Там считается, что государственные органы используют бюджетные средства менее эффективно, чем сторонние организации, берущие подряды.

Культурную дипломатию Германии осуществляют Институт Гёте, Германская комиссия по делам ЮНЕСКО, Германский археологический институт, Институт зарубежных связей, телерадиокомпания «Немецкая волна», Центр школьного образования за рубежом, Германская служба академических обменов и Фонд Гумбольдта. О размахе германской работы свидетельствует тот факт, что один Институт Гёте, по состоянию на 2008 год, имел 129 отделений в 75 странах мира¹¹. Решение о выделении средств на культурные мероприятия за рубежом принимает бюджетный комитет федерального парламента после представления правительства, тщательно изучившего от-

четный доклад министерства иностранных дел за прошедший финансовый год и представленную смету расходов на следующий год.

Через какой-либо централизованный институт также реализуется культурная дипломатия Франции («Альянс Франсез»), Великобритании (Британский Совет), Испании (Институт Сервантеса), Японии (Японский фонд). В России основным институтом подобного рода является Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), курируемое Министерством иностранных дел. Ввиду традиционно слабого развития гражданского общества в России, культурная дипломатия нашей страны проводится исключительно по линии государственных министерств и ведомств, причем ее финансирование заметно уступает развитым странам. Бюджеты государств – лидеров культурной дипломатии составляют не менее 1 млрд долларов в год и, как правило, распределяются органом внешних сношений, причем другие ведомства обязаны согласовывать с ним любую культурную деятельность за пределами страны¹².

Китай усиленно наверстывает свое отставание от Запада в плане культурной привлекательности. Правительство и ученые КНР осознают, что нынешний статус страны как всемирной фабрики, изготавливающей продукцию для транснациональных корпораций, не повышает ее авторитет на мировой арене. В то же время пассивный баланс Китая в обмене культурной продукцией (главным образом, американской массовой культуры) растет быстрыми темпами. Поэтому на XVII съезде Коммунистической партии Китая действующий председатель КНР Ху Цзиньтао прямо призвал сограждан «повышать культурную мягкую силу государства». Основным инструментом популяризации китайской культуры стал Институт Конфуция. Сеть его отделений при зарубежных университетах стала разветвляться с невероятной для мировой практики скоростью, так что в начале 2007 года в 49 странах действовали уже 123 института¹³.

Китайское правительство, не вполне уяснив механизм политического воздействия культурной дипломатии, стало развивать этот проект в такой форме, которая позволила бы сразу измерить его выгоду. В результате институты Конфуция, по сути, превратились в коммерческие школы китайского языка, где прочее зна-

комство с китайской культурой происходит в ограниченном масштабе и от случая к случаю, например, в ходе Года культуры Китая в какой-либо стране. Важно понимать, что культурная дипломатия мировых лидеров рассчитана на долговременное применение и достижение стратегических целей. Она может приносить коммерческую прибыль только спустя многие годы, когда культурные образцы представляемой страны войдут в повседневную жизнь зарубежного общества. Впрочем, Китай проявляет способность к быстрому обучению и наверняка замечает сделанные ошибки. Стремление Китая к приобретению мягкой силы привлекает повышенное внимание его конкурентов, о чем свидетельствует поток публикаций на данную тему в западных журналах после XVII съезда КПК (см., например, базы данных «ProQuest» и «EBSCO Publishing»).

Эффективная культурная дипломатия невозможна без определенного количества и качества культурного материала, которым она оперирует. Ключевыми элементами современной культурной дипломатии являются популярная художественная культура, высшее образование, наука, спорт, туризм, журналистика. Декларация Всемирной конференции по культурной политике 1982 года описывает самый широкий круг возможных культурных связей, осуществляемых на межправительственной основе, но вышеупомянутые направления на практике оказывают наибольшее воздействие на зарубежную публику при сравнимых материальных затратах, прикладываемых усилиях и длительности производства.

Основными ресурсами в производстве культурного материала обладают США, где расположены крупнейшие киностудии, телестудии, музыкальные компании, самые престижные университеты, передовые научные институты, спортивные академии и т. д. Второй эшелон производства современной культуры составляет Европа. Развивающиеся страны способны лидировать в отдельных сегментах мировой культуры, если этому благоприятствуют природные или исторические условия. К примеру, индийский Болливуд ежегодно производит огромное количество специфических кинофильмов, весьма популярных в восточных странах, а Египет привлекает миллионы туристов памятниками древней архитектуры и приморскими курортами.

О международной привлекательности какой-либо национальной отрасли можно судить

по тому, сколько готова заплатить иностранная публика за ее продукцию. Разумеется, это довольно утилитарный подход к культуре, который не может полностью оценить ее воздействие на сознание (в особенности, подсознание) человека. Но в современных условиях это один из немногих количественных методов, который позволяет сравнить популярность отдельных стран и их культурных образцов. Несколько сот миллионов долларов являются стандартными сборами для любого голливудского блокбастера от ведущих режиссеров, который выходит на мировые киноэкраны каждый месяц. Американский кинофильм «Аватар», изготовленный с применением столь передовых технологий трехмерной графики, что критики заявили о начале нового этапа в киноискусстве, установил рекорд прокатных сборов в 2,8 млрд. долларов¹⁴. При этом в международный коммерческий прокат вообще попадают кинофильмы не более чем из десятка стран, а во многих странах Африки, Южной Азии, Океании, Центральной Америки они попросту не снимаются.

В науке и высшем образовании вычислить воздействие на мировую культуру помогают индекс цитируемости, индекс Хирша и импакт-фактор, отражающие количество и качество публикаций в научных журналах. Высокие индексы вызывают доверие абитуриентов и докторантов к вузам и научным институтам какой-либо страны. Доминирование авторов из англоязычных стран в мировом массиве индексируемых публикаций вполне соотносится с численностью иностранных студентов, которых они привлекают. В 2007 году 52% студентов, получающих образование за рубежом, привлекли США, Великобритания, Австралия и Канада¹⁵.

Чтобы вызывать общественный резонанс своими культурными мероприятиями, дипломатам надо опираться на известные, «раскрученные» во всем мире символы. В условиях глобализации культуры и гигантского потока информации, обрушивающегося на современного человека, всё сложнее привлекать внимание мировой публики к национальной культуре. Публика ожидает культурной продукции с определенными характеристиками: яркой, понятной, актуальной, высокотехнологичной. Если национальная культура не производит интересного материала (и не накопила его в ходе своей истории), культурная дипломатия такой страны будет очень скромной. В данных усло-

виях дипломаты могут рассчитывать лишь на то, чтобы информировать определенную часть зарубежного общества о самом факте существования национальной культуры. Например, подобную акцию провело в 2010 году посольство Чили в Москве, разместив в московском метрополитене плакаты со стихами чилийских поэтов.

Негативный опыт продвижения национальной культуры в неподготовленную и незаинтересованную зарубежную аудиторию имеет Япония. Как указывает Е. Л. Катасонова, в начале 80-х годов японские власти стали активно пропагандировать свою традиционную культуру (театр кабуки, цветочную аранжировку икебана, борьбу сумо и т. п.) в других странах, планируя впечатлить мир ее уникальностью и многовековыми традициями. Некоторый подъем интереса к Японии за рубежом, действительно, произошел, но имел ограниченный охват и вскоре прекратился¹⁶.

Правда, здесь следует подчеркнуть: если деятели национальной культуры чересчур буквально принимают международные правила, их творчество перестает быть национальным, и зарубежная публика не соотносит его со страной-производителем, что наиболее заметно в популярной музыке. Несмотря на общую коммерциализацию искусства, традиционная культура, транслируемая в разумном объеме и с определенными поправками на технологический прогресс, хорошо помогает популяризации образа страны за рубежом. Традиционные искусства, складывавшиеся столетиями в условиях относительной географической изоляции, более своеобразны, чем современное культурное наследие. Поэтому они вызывают более прочные ассоциации с какой-либо национальной культурой, вроде восточных боевых искусств, которые устойчиво ассоциируются со странами Восточной Азии.

Большое значение в культурной дипломатии имеет наличие технологий трансляции своих культурных продуктов. Трансграничная передача информации осуществляется, главным образом, через спутниковое телевидение и Интернет. Основные мощности и того, и другого сосредоточены в развитых странах, которые, соответственно, имеют больше возможностей знакомить со своей культурой зарубежную аудиторию. К средствам трансляции стоит также отнести продюсирование; и в этой сфере западные державы владеют отработанными приемами, организационными формами, обратными

денежными средствами, позволяющими опережать конкурентов из других регионов мира.

Повседневная трансляция национальной культуры поддерживает информированность зарубежной публики о данной стране, так что целевые акции впоследствии адресуются более или менее подготовленной аудитории. Эти акции, преимущественно, разрабатываются в форме Года, Недели или Дней культуры какой-либо страны за рубежом. Их проведение подразумевает наличие относительно хороших отношений между принимающей и представляющей сторонами, а также некоторый паритет культурного потенциала, поскольку они требуют соблюдения дипломатического правила взаимности. Если же отношения между странами прохладные или враждебные, средства массовой информации остаются единственной возможностью культурного воздействия на оппонента.

При отсутствии регулярной трансляции сам факт проведения культурных мероприятий какой-либо экзотической страны сегодня вызывает мало интереса у кого-нибудь, кроме специалистов. В данной связи все страны мира, заинтересованные в повышении своей доли в мировом культурном пространстве, развивают телекоммуникационные технологии. Официальный спутниковый телеканал является непременным атрибутом государства с мировыми амбициями, вроде французского «Пятого канала», «Немецкой волны» ФРГ, английской «Би-Би-Си». Из Китая с 2000 года вещает круглосуточный англоязычный канал Центрального телевидения «ССТV International». Не оставаясь в стороне от мировой тенденции, Россия запустила несколько информационных каналов на английском и даже арабском языке.

Целевой аудиторией культурной дипломатии традиционно являлись лидеры общественного мнения. Согласно расчетам политологов, это примерно 10–12% населения каждой страны, характеризующиеся социальной активностью, относительной обеспеченностью, высоким уровнем образования, стремлением получать информацию из разных источников, обычно состоящие в браке и воспитывающие детей¹⁷. Лидеры распространяют свои впечатления в остальной части общества посредством личных контактов, причем их мнение пользуется у сограждан повышенным доверием.

Прогресс технологий массовой коммуникации на рубеже XX–XXI веков позволил дипломатам напрямую обращаться ко всем слоям зарубежного общества. Среди них по двум

причинам особую ценность представляет молодежь: во-первых, ей принадлежит будущее данной страны, во-вторых, ее сознание легче подвергается внешнему воздействию, чем ригидное сознание взрослых. Но обращение к массовому сознанию требует более простых форм и более простого материала, чем коммуникация между национальными элитами. В этом плане поп-культура, конечно, производит своими мероприятиями гораздо больший резонанс в принимающих странах, чем высокая культура, тем более что массовым стереотипам подвержены в значительной степени и элитные группы. Однако многие дипломаты – в силу своей консервативной интеллигентности – до сих пор чуждаются работы с «низкопробной» культурой масс.

Высокая культура, к которой привыкли обращаться дипломаты за прошедшие десятилетия, в нынешних условиях должна быть яркой, рельефной или иметь сформированную популярность, как опера «Ла Скала» или музей «Эрмитаж». Дипломаты должны внимательно изучать предпочтения зарубежного общества и не рассчитывать априори, что кажущиеся им великими деятели отечественной культуры вызовут интерес у неподготовленной публики. Явно учитывая указанные обстоятельства, российская дипломатия выбрала в качестве стартового мероприятия Года России в Италии (2011), на котором присутствовали главы обоих государств, выставку картин Александра Дейнека, классика социалистического реализма. На советскую эстетику давно существует мода в образованном слое западного общества, поэтому данный выбор следует признать вполне обоснованным.

Новый стимул к сохранению высокой культуры в арсенале дипломатии дают те отрасли, которые сочетают в себе духовные и утилитарные функции, прежде всего, высшее образование, наука и передовая инженерия. Развивающиеся страны охотно включаются в данные связи, чтобы компенсировать свое отставание в плане профессиональной подготовки от мировых лидеров. Их осуществление, безусловно, не ограничивается простой передачей знаний, но сопровождается идеологическим влиянием. В специальной литературе уже началось обсуждение научно-технической дипломатии как особого инструмента внешнеполитической деятельности¹⁸.

Парадоксально, но именно американские дипломаты ограничиваются образцами высо-

кой культуры на своих официальных мероприятиях, вроде классического джаза или черно-белой фотографии. Они могут себе это позволить, потому что продукция поп-культуры США распространяется по каналам массовой коммуникации, не нуждаясь в дипломатическом сопровождении. Поп-культура США изначально организована по принципу коммерческого предприятия, где талант и творческое самовыражение не играют первостепенной роли, где производство поставлено на поток, а потребители культуры рассматриваются в качестве рынка сбыта¹⁹.

Смелее других привлекает массовую культуру к реализации внешнеполитических задач Япония, в течение XX века отстававшая от мировых лидеров мягкой силы. Большую роль в модернизации ее культурной дипломатии сыграла инициатива тогдашнего министра иностранных дел и будущего премьер-министра Таро Асо, известного поклонника комиксов. Для концептуализации мягкой силы Японии в 2004 году был создан Совет по содействию культурной дипломатии, который был убежден в том, что миру следует представлять глубоко японские образцы, с выраженной национальной спецификой. Однако уже было ясно, что традиционная культура страны слишком непривычна и сложна для восприятия иностранцев, поэтому дипломаты сделали акцент на современные популярные образцы, чтобы через них плавно подвести зарубежную публику к постижению всей глубины японского духа. Зарубежные фанаты комиксов манга, мультфильмов анимэ и стиля одежды кawaii стали рассматриваться как главные проводники японской культуры²⁰.

Теперь во многих столицах мира – в том числе, в Москве – под патронажем посольств Японии проходят фестивали японской поп-культуры. Значительную часть работы по организации и проведению этих фестивалей, собирающих тысячи зрителей, выполняют местные фанаты. Мировой интерес к моде кawaii стал столь высоким, что японская дипломатия вынуждена выбирать официальную Лолиту, представляющую страну перед зарубежными фанатами, хотя этот субкультурный образ апеллирует не к чему иному, как к провокационному роману Владимира Набокова. Следует подчеркнуть, что широкое развитие ориентированных на Японию субкультур было непосредственно связано с регулярной трансляцией ее культурных продуктов через телевидение,

кинопрокат, массовую печать в зарубежных странах.

Атташе или консул по культуре становится сегодня неотъемлемым сотрудником заграничного представительства. Он должен обладать приятной внешностью, демократичными манерами, знать правила ораторского искусства, то есть быть готовым к общению с большой аудиторией. В задачи этого сотрудника входят обобщение и анализ культурных событий страны пребывания, подготовка культурных обменов, кураторство культурных мероприятий представляемой страны, их информационное сопровождение. Атташе по культуре готовит тезисы выступления посла на культурных мероприятиях, поддерживает от имени посольства постоянные контакты с местными деятелями культуры и выполняет множество других публичных обязанностей²¹.

Западный опыт дипломатической службы показывает эффективность привлечения на должности атташе или консула по культуре деятелей искусства, науки, образования, спорта, журналистики. В. И. Попов положительно выделяет статус и подготовку культурных атташе Франции: «Они сами являются деятелями культуры и искусства и легко устанавливают контакты с интеллигенцией страны пребывания»²².

Карьерные дипломаты зачастую считают культурное направление третьестепенным, в сравнении с военно-политическими или экономическими вопросами, поэтому приглашение профессионалов из сферы культуры активизирует соответствующую деятельность посольства²³. Деятели национальной культуры, широко известные за рубежом, периодически привлекаются дипломатическими службами непосредственно на должность посла, чтобы их положительный образ ассоциировался с политикой представляемой страны. Например, послом Азербайджана в России был назначен известный советской публике эстрадный певец Полад Бюль-Бюль оглы.

В заключение следует отметить, что культурные инструменты прочно вошли в арсенал внешней политики. За время их использования были выработаны эффективные методы и приемы, стали понятны пределы влияния культуры на зарубежных участников международных отношений. Культура не способна заменить военные инструменты внешней политики, о чем свидетельствует судьба Германии и Японии, безуспешно пытающихся войти в состав

постоянных членов Совета безопасности ООН. Также она не компенсирует в полной мере дефицит экономических ресурсов в международных отношениях, что демонстрируют некогда чрезвычайно влиятельные в культурном плане Италия и Испания. Однако страны, не располагающие культурным влиянием, успеха в мировой политике не добивались, поэтому правительства, стремящиеся к высоким позициям на мировой арене, так или иначе занимаются популяризацией национальной культуры за рубежом.

При планировании культурных мероприятий за рубежом следует учитывать позитивные и негативные стереотипы о своей стране в местном обществе. Свободный доступ к реальной информации об экономической, политической и культурной жизни страны позволяет иностранцам самостоятельно формировать такое представление о ней, которому они будут доверять. Пропагандистский подход в культурной дипломатии вызывает недоверие тех, кому она адресована. Если правительство стремится оказать культурное воздействие на зарубежную аудиторию, оно должно создавать внутри своей страны условия для раскрытия творческого потенциала, для развития технологий производства и передачи национальной культуры, чтобы культурный материал экспортировался как бы сам собой, а дипломаты только корректировали этот поток. Без накопления определенного культурного багажа простое учащение культурных мероприятий за рубежом не даст значительного эффекта.

В условиях ограниченных ресурсов дипломатам важно знать, какие образцы их национальной культуры имеют уже сложившуюся популярность за рубежом. В нынешних условиях речь идет, скорее всего, о продукции массовой культуры и некоторой доли традиционной культуры. Эти знания позволяют оптимизировать материальные затраты и творческие усилия, необходимые для зарубежных акций. Высокая культура, безусловно, обобщает передовые достижения духовной жизни нации, но надо учитывать, что ее использование в культурной дипломатии будет воздействовать исключительно на интеллектуальную элиту принимающей страны. В целом, понимание закономерностей массовой культуры и стереотипов массового сознания позволяет значительно расширить долю страны в мировом культурном пространстве современности.

Примечания

¹ См.: Рожков, И. Имидж России : ресурсы, опыт, приоритеты / И. Рожков, В. Кисмерешкин. М. : РИПОЛ классик, 2008. С. 220.

² Шмагин, Е. Вперед, культур-атташе! // *Международ. жизнь*. 2008. № 6. С. 21.

³ См.: Шмагин, Е. Культура и дипломатия // *Международ. жизнь*. 2002. № 3. С. 67.

⁴ См.: Schneider, C. P. Cultural Diplomacy : Hard to Define, but You'd Know It If You Saw It // *Brown Journal of World Affairs*. 2006. Vol. 13, issue 1. P. 191.

⁵ Най, Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения // *Центр исследований постиндустриального общества*. М., 2004. URL : <http://postindustrial.net/2004/11/myagkaya-sila-i-amerikano-evropejskie-otnosheniya>.

⁶ См.: Зонова, Т. В. Современная модель дипломатии : истоки становления и перспективы развития. М. : РОССПЭН, 2003. С. 141–154.

⁷ Попов, В. И. Современная дипломатия : теория и практика. Дипломатия – наука и искусство : курс лекций. 2-е изд, доп. М. : *Международ. отношения*, 2003. С. 215–216.

⁸ См.: Шмагин, Е. Культура и дипломатия... С. 66; Schneider, C. P. The Unrealized Potential of Cultural Diplomacy : «Best Practices» and What Could Be, If Only // *Journal of Arts Management, Law & Society*. 2010. Vol. 39, issue 4. P. 260.

⁹ См.: Heberer, T. **Reform, Demokratisierung, Stabilität oder Kollaps?** Literaturbericht zur Entwicklung des chinesischen Herrschaftssystems / T. Heberer, A. Senz // *Politische Vierteljahresschrift*. 2009. Bd. 50, nr. 2. S. 306–326.

¹⁰ См.: Филимонов, Г. Ю. «Мягкая сила» культурной дипломатии США : монография. М. : РУДН, 2010. С. 125.

¹¹ См.: Павлов, Н. Культура – третье измерение внешней политики // *Международ. жизнь*. 2008. № 8–9. С. 118–120.

¹² См.: Шмагин, Е. Вперед, культур-атташе! С. 25–26.

¹³ См.: Борох, О. Скромное обаяние Китая / О. Борох, А. Ломанов // *Pro et Contra*. 2007. № 6. URL : <http://www.polit.ru/research/2008/04/07/china.html>.

¹⁴ См.: All Time Worldwide Box Office Grosses // *Box Office Mojo*. 2011. URL : <http://www.boxofficemojo.com/alltime/world>.

¹⁵ См.: Prußky, C. Wie weit leuchtet Ihre Uni? // *DUZ-Magazin*. 2008. Nr. 4. URL : http://www.duz.de/docs/artikel/m_04_08leuchten.html.

- ¹⁶ См.: Катасонова, Е. Япония : поп-дипломатия и поп-культура // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 2. С. 56.
- ¹⁷ См.: Рожков, И. Имидж России... С. 224.
- ¹⁸ См.: Yakushiji, T. The Potential of Science and Technology Diplomacy // Asia-Pacific Review. 2009. Vol. 16. № 1. P. 1–7.
- ¹⁹ См.: Филимонов, Г. Ю. «Мягкая сила»... С. 29.
- ²⁰ См.: Катасонова, Е. Япония : поп-дипломатия и поп-культура. С. 59.
- ²¹ См.: Шмагин, Е. Вперед, культур-атташе! С. 14–19.
- ²² Попов, В. И. Современная дипломатия... С. 214.
- ²³ См.: Mulcahy, K. V. Cultural Diplomacy in the Post-Cold War World // Journal of Arts Management, Law & Society. 1999. Vol. 29, issue 1. P. 3–6.

В. С. Ким, Я. А. Бохан

ТРАНСФОРМАЦИЯ СТРАТЕГИИ «МЯГКОЙ СИЛЫ» КНР В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье рассматриваются различные аспекты «мягкого» китайского влияния на внешний мир. Анализируются основные направления внешней политики КНР в осуществлении концепции «мягкой силы», где акцент делается на развитие отношений с развивающимися странами Африки, Латинской Америки, Юго-Восточной Азии с целью получения доступа к ресурсам этих стран. Дается классификация основных групп, составляющих особенности «мягкой силы» Китая.

Ключевые слова: китайская культура, политические ценности, экономические инструменты «мягкой силы», диаспора, инвестиционная политика.

Известно, что в основе концепции «мягкой силы» лежит идея, что государства могут достичь желаемых целей не только силовым путем («жесткой силой»), но и путем привлекательности своей культуры, идеологии, системы ценностей для других субъектов международных отношений¹.

Отличительной чертой «мягкой силы» является отсутствие принуждения. Единицей ценности «мягкой силы» определены культура, экономическая модель развития, внешняя политика. Когда оперирование этими единицами рассматривается как законное действие, они образуют нормы, которые, в свою очередь, способны определять поведение и мотивировать к действию.

Джозеф Най в своей концепции даже сформулировал следующее правило: «обольщение почти всегда эффективнее, чем принуждение», искусство убеждения, использование нематериальных ресурсов культуры и политических идеалов в целях оказания влияния на людей в других странах результативнее иных методов².

Однако китайское видение концепции американского политолога значительно расширило границы ее применения. Правительство Китая официально признало культуру страны, основанную на конфуцианских морально-этических ценностях, народных традициях, обогащенной секретами китайской медицины методики подготовки высококлассных спортсменов – важным составляющим элементом «мягкой силы». На XVII съезде КПК председатель КНР Ху Цзиньтао отметил, что культура становится все более важным фактором в совокупной государственной мощи, и призвал к повышению роли культурной составляющей «мягкой силы»³.

Вместе с тем, осознавая преимущества сложного состава ингредиентов «мягкой

силы», правительство Китая традиционно стремится углубить отношения со всеми регионами мира, особенно с развивающимися странами Африки, Южной Америки, Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, продолжая курс, провозглашенный на Бандунгской конференции 1955 года⁴. Пекин использует различные инструменты, чтобы усилить своё влияние в развивающихся странах, включая экономические стимулы и военное сотрудничество, однако важным элементом становится и применение «мягкой силы». Хотя основой взаимоотношений по-прежнему остаётся экономика, увеличение культурных обменов, распространение академических программ, привлечение местных китайских общин при посредстве квалифицированных дипломатов оказывают значительное влияние на общий портрет двусторонних взаимоотношений.

У Китая есть свой стиль в осуществлении процесса построения дружественных отношений – всесторонняя дружеская «атака», стремление сотрудничать по всем направлениям (подчеркивая важность государственного суверенитета и невмешательства во внутренние дела) с целью обеспечения стабильного и устойчивого доступа к ресурсам страны и возможности открытия новых экспортных рынков для поддержания своей экономики. Различия в геополитических реалиях, однако, требуют от Пекина специально спланированной «мягкой» стратегии для каждого из основных регионов в отдельности.

Набор инструментов «мягкой силы» Китая может быть классифицирован минимум на пять групп: инвестиции (учитывая современные реалии, мы всё же будем относить этот аспект к элементам «мягкой силы»), гуманитарная помощь, образовательные программы обмена, ди-

пломатия, участие в деятельности международных организаций и работа с диаспорой.

Инвестиции – это, возможно, наиболее значимый и эффективный инструмент «мягкого» влияния КНР. С ростом реального ВВП в среднем на 10% в год Китай, как прогнозируется, станет крупнейшей в мире экономикой через несколько десятилетий⁵. В 2007 году китайский экспорт превзошёл экспорт США, в 2011 году Китай был крупнейшим в мире держателем валютных резервов. Увеличение числа зарубежных предприятий является одним из приоритетов внешней политики Китая, с этой целью китайские инвестиции постоянно увеличиваются почти в каждом регионе мира.

Экономическая стратегия КНР во многом зависит от необходимости получать стабильные поставки сырья и энергоресурсов для поддержания высоких темпов экономического роста. Потребность в ресурсах лежит в основе взаимоотношений со странами на Ближнем Востоке, в Африке и Латинской Америке. Китайские инвестиции особенно привлекательны для развивающихся стран, так как за ними не следуют требования о соблюдении прав человека, принципов правильного, с точки зрения Запада, управления, экологических норм качества, которые неотъемлемы в случае привлечения западных инвестиций. Тем не менее, у Китая тоже есть одно жесткое требование, которое обязательно для исполнения: признание «одного Китая» и разрыв дипломатических отношений с Тайванем как «неотъемлемой частью» суверенной территории КНР.

Инвестиционный портфель Китая имеет высокую концентрацию энергоресурсов, сырья, инфраструктуры и передовых технологий. Энергетика и сырьё имеют важное значение для поддержания экономического роста КНР, а дороги, мосты, плотины и тому подобное имеют решающее значение для роста экономик развивающихся стран, поэтому инвестиции в инфраструктуру позволяют Китаю получить пользу от богатых природными ресурсами развивающихся стран. Инвестиции в передовые технологии обусловлены необходимостью приобретения запатентованных технологий, чтобы быть более конкурентоспособными и обладать большей добавочной стоимостью.

В Китае очень тонка грань между государственными и негосударственными предприятиями, поэтому иногда сложно определить разницу между государственной помощью и частными инвестициями, что играет на поль-

зу китайским интересам. Государство почти всегда обладает частичным пакетом акций в зарубежных китайских компаниях, таким образом, Китай может осуществлять инвестиции, которые несут малые экономические выгоды, но зато политическая отдача весьма значительна. Не редкость для Китая и кредитование на льготных условиях с длительными сроками и условиями погашения долга.

Есть два способа рассмотрения китайских инвестиций в аспекте осуществления политики «мягкой силы»: привлекательность за счёт долларовой дипломатии или «завоевание» друзей путём апелляции к принципу невмешательства во внутренние дела государства-партнёра. Доктрина уважения государственного суверенитета может быть особо привлекательной для авторитарных правительств развивающихся стран.

Поддержание мира и гуманитарная помощь – важный элемент демонстрации «мягкой силы». Китай является активным миротворцем. Китай занимает второе место после Франции среди постоянных членов Совета Безопасности ООН по количеству отправленных под флагом организации миротворцев в «горячие точки» планеты. Медицина также один из важных пунктов гуманитарной помощи Китая. Более 15 тысяч врачей были отправлены в более чем 47 африканских стран и оказали помощь примерно 180 миллионам пациентов. За последние 40 лет более 2000 китайских врачей были направлены в Йемен для проведения медицинских программ помощи местному населению, в ответ на это Китай получил доступ к энергоресурсам⁶.

Нет точных данных по объёму китайской гуманитарной помощи, но можно без сомнения судить о том, что Китай значительно увеличил эту статью расходов. А для рекламирования имиджа ответственного участника международных отношений национальные СМИ КНР активно освещают деятельность Китая в ООН.

Программы обмена занимают центральное место в стратегии в области публичной дипломатии Пекина. Китай значительно расширил свои программы обмена, включая академические, культурно-языковые программы, политическую подготовку для иностранных должностных лиц и иностранных корреспондентов. С целью содействия распространению китайского языка и культуры открыт уже 691 Институт и Класс Конфуция в 96 странах мира и планируется увеличить эту цифру до 1000 к 2020 году. После реформ образования КНР

были определены категории вузов, которые возглавили Пекинский университет и университет «Цинхуа», для которых были разработаны программы, соответствующие лучшим западным вузам. Китайские вузы становятся всё более конкурентоспособными в мире, и, соответственно, растёт число обучающихся в них иностранных студентов. С 2002 по 2009 год число зачисленных в китайские высшие учебные заведения иностранных студентов увеличилось на 30 %, и большинство из них получали стипендии от китайского правительства. Кроме того, многие китайские ТНК часто спонсировали программы обмена, присуждая стипендии для иностранцев, особенно из развивающихся стран, на обучение в вузах КНР.

Дипломатия КНР изменяется, подстраиваясь под потребности «мягкой силы». Китай принял проект более сложной дипломатии, включающей увеличение встреч на высшем и высоком уровне и подготовку более квалифицированных дипломатов. Пекин часто принимает лидеров малых государств, особенно стран Африки и Южной Азии. Будучи осыпанными вниманием, иностранные лидеры выражают глубокую признательность за оказанное гостеприимство в период их обучения в Китае. Политики высшего звена часто посещают с официальными визитами различные государства, а китайские дипломаты демонстрируют высочайшую квалификацию при переговорах. Они получают образование в престижных зарубежных университетах и обладают профессионализмом, не сравнимым с более ранними когортами дипломатов.

В связи с этим американские аналитики предлагают дипломатам США заимствовать эффективные методы и технологии из китайского арсенала: существенно улучшить языковую и страноведческую подготовку, а политикам научиться быть дипломатами, часто выезжать в развивающиеся страны⁷.

Китай становится всё более активным участником международных организаций, в целях повышения своей международной значимости, а также демонстрации своей ответственности в вопросе решения общих проблем. КНР стремится вступать в уже существующие региональные организации Центральной и Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна. К ним относятся Организация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества, Региональный форум АСЕАН, Форум по сотрудничеству Восточной

Азии и Латинской Америки, Межамериканский банк развития, Организация американских государств. Китай также создал несколько международных организаций, в которых не участвуют Соединённые Штаты. Среди них Саммит стран Восточной Азии, ШОС и Форум китайско-африканского сотрудничества.

К тому же Китай, в отличие от США, ведёт активную работу со своей диаспорой за границей. А в 2008 году в Екатеринбурге прошла первая встреча глав четырех быстроразвивающихся стран: Бразилии, России, Индии и Китая – БРИК, преобразованной в 2010 году в БРИКС с участием Южно-Африканской республики⁸.

К настоящему времени политика руководства КНР в отношении зарубежной общины оформилась и приобрела стабильный характер, став важной составной частью стратегии развития Китая. Доля в прямых иностранных инвестициях зарубежных китайцев в экономику КНР составила за период с 1979 по 2010 годы 60%. Её идеологическую платформу, неоднократно озвученную лидерами страны, мы проиллюстрируем выдержками из выступления Председателя КНР, Генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао на 4-й Всемирной дружеской конференции ассоциаций зарубежных китайцев в 2007 году: «Неустанным трудом на протяжении многих поколений в суровых условиях зарубежные китайцы добились выдающихся успехов в целом ряде областей и внесли неоценимый вклад в дело независимости и возрождения китайской нации, в дело реформ, открытости и модернизации Китая, укрепления взаимопонимания и дружбы между китайским народом и народами всего мира»⁹. На будущее Ху Цзиньтао выразил надежду, что «широкие массы зарубежных китайцев, содействуя развитию и прогрессу стран проживания, одновременно будут развивать замечательные традиции китайской нации, станут активно участвовать в модернизации Китая, способствовать великому делу объединения Китая, распространять достижения китайской цивилизации, продвигать дружеские связи китайского народа с другими народами мира, вносить еще более значительный вклад в дело мира и развития во всем мире»⁹.

Примечания

¹ См.: Внешнеполитический процесс в странах Востока / под ред. Д. В. Стрельцова. М., 2011. С. 306.

² См.: Мишина, С. И. Пекинский вариант «мягкой силы» // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 20.

³ См.: Сергеева, А. А. Поиски эффективного использования диаспоры // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 32–35.

⁴ См.: Ганшин, В. Прочность китайской «мягкой силы» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 6. С. 38.

⁵ См.: 中华人民共和国国家统计局 (Государственное статистическое бюро КНР). URL : <http://www.stats.gov.cn/>.

⁶ См.: Chinese Soft Power and It's Implications for the United States. Competition and Cooperation in the Developing World (Мягкая сила Китая и

выводы для Соединённых Штатов. Соперничество и сотрудничество в развивающемся мире) // CSIS : Center for Strategic and International Studies (Центр стратегических и международных исследований). URL : <http://csis.org>.

⁷ См.: Курланчик, Д. Наступление с улыбкой : как «мягкое влияние» Китая преобразует мир. Изд-во Йельского ун-та, 2007. С. 306.

⁸ См.: Архангельская, А. БРИК становится БРИКС // Азия и Африка сегодня. 2011. № 9. С. 2.

⁹ См.: 中国市场与优惠政策吸引海外学者回国 (Китайский рынок и политика благоприятствования привлекают на родину обучавшихся за рубежом). URL : <http://www.chinasite.com>.

ГРУЗИЯ В ПОЛИТИКЕ НАТО

В данной статье излагаются основные причины пристального внимания НАТО к Южному Кавказу. Много внимания уделено факторам, мешающим Грузии стать членом Альянса. В статье говорится о перспективах вхождения Тбилиси в Организацию Североатлантического договора, рассматриваются основные сферы сотрудничества между Грузией и НАТО.

Ключевые слова: Южный Кавказ, Грузия, НАТО, «пятидневная война», региональные конфликты.

Южный Кавказ расположен между Черным морем на западе и Каспийским морем на востоке и граничит с Россией, Турцией и Ираном. В течение столетий данный регион являлся точкой соприкосновения культур и народов. Закавказье является одним из ключевых узлов в мировой политике уже на протяжении нескольких десятилетий. На этой территории не раз происходили столкновения интересов не только стран, географически относящихся к данному региону, но и крупных держав, вершивших мировую политику в то или иное время. Не все государства Южного Кавказа сегодня рассматривают отношения с Россией в качестве приоритетных. На этом фоне особенно ощутимо противодействие политическим и экономическим интересам России со стороны стран-членов НАТО.

Южный Кавказ давно находился в фокусе пристального внимания стран-членов Североатлантического альянса. Такой интерес к региону обусловлен рядом факторов.

Во-первых, экономическое значение региона определяется тем, что он богат углеводородными ресурсами (см. таблицу), к разработке которых прямой доступ имеют американские и европейские энергетические корпорации. В освоении энергетического потенциала Каспия уже вовлечены такие ТНК, как British Petroleum, Statoil, Total и ConocoPhillips.

По мнению российских экспертов, привлекательность каспийских запасов углеводородов обуславливается, во-первых, их сравнительно удачным географическим положением. Ценность Каспия как одного из центров добычи углеводородов только увеличивается в связи с перманентной нестабильностью в регионе Персидского залива. Кроме того, у каспийских стран есть еще одно серьезное преимущество по сравнению с другими нефтеносными районами. Все они обладают малым уровнем потребления углеводородов в связи с небольшой численностью населения, что позволяет говорить об их жесткой ориентации на экспорт¹.

Во-вторых, через данный регион (особенно Грузию) проходят ключевые транзитные маршруты транспортировки нефти и газа. Южный Кавказ является мостом для коммуникаций между Центральной Азией и Европой. Более того, диверсификация маршрутов поставок энергоносителей является одной из основных задач стран-членов НАТО, и Грузия, благодаря своему географическому расположению, способна оказать помощь в достижении этой задачи.

Основным транзитным путем, созданным без участия России, является нефтепровод Баку – Тбилиси – Джейхан (БТД). Общая протяженность нефтепровода – 1768 километров, из которых 443 километра пролегает по территории Азербайджана, 249 километра – Грузии,

Нефтегазовые ресурсы Каспия

	Нефть (в млрд т)	Доля в мировых запасах, %	Газ (в трлн куб м)	Доля в мировых запасах, %
Азербайджан	1,0	0,5	1,31	0,7
Казахстан	5,3	3,0	1,82	1,0
Туркменистан	0,1	0,05	8,1	4,2
Узбекистан	0,1	0,05	1,68	0,9
Всего	6,4	3,6	12,91	6,8

Источник: BP Statistical Review of World Energy June 2010. URL : <http://www.bp.com>

1076 километра – Турции. Проектная пропускная мощность – 50 миллионов тонн нефти в год или один миллион баррелей в сутки. Начало строительству трубопровода БТД было положено 18 сентября 2002 года. 25 мая 2005 года был открыт азербайджанский участок нефтепровода, 12 октября 2005 года состоялось открытие грузинского участка. 13 июля 2006 года в Турции состоялась официальная церемония открытия нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан².

Еще один нефтепровод, идущий не по территории России, это Баку – Тбилиси – Супса. Данный трубопровод является частью «Евразийского нефтетранспортного коридора», который предусматривает транспортировку «черного золота» из Азербайджана через Грузию по нефтепроводу Баку – Супса, затем танкерами в Одессу и далее в Польшу по трубе Одесса – Броды.

Наконец, газопровод Баку – Тбилиси – Эрзерум, который является частью «Южного газового коридора» («Southern gas corridor»). Планируемый коридор состоит из трех звеньев: Транскаспийский газопровод (данный проект предусматривает доставку природного газа из Казахстана и Туркменистана в Азербайджан), Баку – Тбилиси – Эрзерум (из Азербайджана через Грузию в Турцию) и Nabucco (от турецкого Эрзерума до австрийского Баумгартена через Болгарию, Румынию и Венгрию).

Таким образом, Грузия, которая не обладает собственными крупными запасами нефти и газа, как, например, Азербайджан и Казахстан, играет далеко не последнюю роль в данном регионе и с недавних пор стала рассматриваться в качестве основного объекта стратегических интересов западных стран. Грузия претендует на статус транзитной страны, коридора, по которому углеводороды поступают из Каспия на мировые рынки, а также стратегических ворот энергетических и торговых маршрутов, соединяющих Восток и Запад.

Начиная с администрации Клинтона, подход Вашингтона к разработке и транспортировке каспийской нефти и газа определялся больше геополитическими, чем коммерческими соображениями. В ЕС и США данные трубопроводы рассматриваются не только в качестве важного ресурса мировой экономики, но и как средство избавления от российской энергетической зависимости.

С геополитической точки зрения, создание транспортного коридора в направлении с

востока на запад в обход России, по замыслу Брюсселя и Вашингтона, позволит:

- диверсифицировать маршруты поставок энергоносителей в целях ослабления зависимости стран ЕС от России и обеспечить таким образом энергетическую безопасность;

- демонтировать транспортную систему бывшего СССР, во многом проходящую по территории России и обеспечивающую стратегический контроль над экспортом каспийских энергоресурсов;

- открыть Европейскому союзу путь к сотрудничеству со странами, стремящимися к созданию независимых от России маршрутов транспортировки энергоносителей;

- установить контроль над углеводородными запасами региона и не допустить, чтобы эти ресурсы попали в распоряжение России;

- за счет контроля над энергоресурсами обеспечить установление политического контроля США и ЕС над странами региона;

- установить геополитический плюрализм, независимость (от России) новых независимых государств (НИГ).

Для защиты энергетических интересов необходима стабилизация в транспортном коридоре, проходящем через Грузию. Западные страны поддерживают позицию Тбилиси при обсуждении ее территориальных проблем в международных организациях – ООН и ОБСЕ, не уделяя внимания требованиям «сепаратистских провинций». Страны-члены Североатлантического альянса заявили не только о своем жестком осуждении одностороннего решения России о признании независимости Абхазии и Южной Осетии, но и, более того, призвали другие государства не признавать эту провозглашенную независимость. Позицию против признания независимости самоотделившихся грузинских регионов они обосновали своей приверженностью «принципам независимости, суверенитета и территориальной целостности, которые признаны международным правом, Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и резолюциями СБ ООН»³.

До «пятидневной войны» на Кавказе западные предложения по урегулированию грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов (документ Бодена для Абхазии и Баденский документ для Южной Осетии) не дали практических результатов, т. к. приверженность «абсолютному уважению единства и территориальной целостности Грузии» про-

ходит красной нитью через все документы по данной проблематике. Принимая активное участие в разрешении конфликтов, Вашингтон и Брюссель всегда поддерживали суверенитет и территориальную целостность Грузии в пределах международно-признанных границ.

В-третьих, Южный Кавказ в военно-стратегическом отношении – это удобный стратегический плацдарм для сдерживания или же возможного силового давления на Иран. США и ряд других стран Запада обвиняют Иран в разработке ядерного оружия под прикрытием программы мирного атома и добиваются от него приостановки работ по обогащению урана, которые могут представлять угрозу режиму ядерного нераспространения. Тегеран все обвинения отвергает, заявляя, что его ядерная программа носит исключительно гражданский характер и направлена исключительно на удовлетворение потребностей страны в электроэнергии⁴.

В-четвертых, расширение НАТО на страны Южного Кавказа – это как способ увеличить свою собственную сферу влияния, так и возможность сократить сферу влияния России, т. е. Соединенные Штаты продолжают рассматривать их как своих стратегических партнеров на постсоветском пространстве и главный противовес региональным амбициям России. Это фактически означает, что Вашингтон постарается сделать все возможное, чтобы Тбилиси не оказался в сфере влияния Москвы. Более того, Грузия должна поддерживать текущий характер «негативно сдержанных» отношений с РФ, все больше ориентируясь на интеграцию в систему контролируемых США наднациональных объединений. Выступая в качестве главного «волнореза» «ближнего круга» российской внешней политики, Тбилиси сохраняет роль статусного субъекта, сдерживающего рост авторитета РФ на международной арене. Для Белого Дома «ограничительный потенциал» Тбилиси имеет стратегическое значение, так как он позволяет не только сдерживать влияние РФ на постсоветском пространстве, но и препятствовать усилению её позиций на международной арене.

Общеизвестно, что заинтересованность НАТО Грузией вызвана целым рядом выше-названных факторов, обусловленных, в первую очередь, геополитическим положением страны, а также взятым ею внешнеполитическим курсом. Однако к этому стоит прибавить и благодарность за активное участие Грузии в миротворческих операциях и операциях по

урегулированию кризисов, осуществляемых под руководством Альянса. В частности, с 1999 по 2008 год грузинские военнослужащие и военнослужащие стран НАТО вели совместные миротворческие действия в Косово: в составе германской бригады действовала грузинская рота, а в составе турецкого батальона служил пехотный взвод ВС Грузии. В 2004 году взвод грузинских военнослужащих действовал совместно с великобританским батальоном в составе Международных сил содействия безопасности (ИСАФ), помогая обеспечивать безопасную обстановку во время проведения президентских выборов в Афганистане. Грузия по-прежнему оказывает существенную поддержку: в настоящий момент для оказания содействия ИСАФ Грузия выделила специалистов-медиков, работающих в составе литовской Группы восстановления провинций. Грузия также участвует в антитеррористической операции НАТО в районе Средиземного моря – операции «Эктив Индевор»⁵.

Основной причиной сотрудничества республик Южного Кавказа с НАТО является обеспечение безопасности и стабильности в регионе. Наиболее активной и заинтересованной в углублении взаимоотношений с Альянсом можно считать Грузию. Здесь просматриваются следующие причины стремления стать членом Североатлантической организации. Во-первых, закавказская республика видит в НАТО гарантию своей национальной безопасности и территориальной целостности, помощника в решении внутренних проблем (например, этнотерриториальных конфликтов). Как считают грузинские эксперты, «в основе тяги режима Саакашвили к вступлению в НАТО отнюдь не приверженность западным ценностям, а осознание собственной беспомощности в решении грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов»⁶. Второй причиной является стремление окончательно избавиться от политического и военного влияния России. Наконец, Грузия питает надежду, что расширение альянса, спровоцировав конфронтацию с Россией, превратит ее в «прифронтовое» государство с соответствующим увеличением политической поддержки и экономической помощи⁷. Так, после «пятидневной войны» на Кавказе 22 октября 2008 года в Брюсселе под эгидой Евросоюза и Всемирного банка состоялась международная донорская конференция по Грузии, в ходе которой ряд стран и организаций заявили о готовности выделить Тбилиси в 2008–2010

годах около 4,5 миллиарда долларов на постконфликтное восстановление. Наиболее существенный вклад в реконструкцию экономики Грузии пообещали внести США (около 750 миллионов евро), ЕС (500 миллионов евро) и Япония (150 миллионов евро)⁸.

Для России неприемлемо членство закавказских стран в НАТО. Позицию Москвы можно сформулировать следующим образом. У России имеются опасения, что членство Грузии в НАТО укрепит создаваемый, по мнению некоторых российских экспертов, Западом по периметру ее границ санитарный кордон из недружественных и ориентированных преимущественно на США государств. Во-вторых, членство Грузии в НАТО может подтолкнуть Тбилиси к попытке силового решения проблемы Абхазии и Южной Осетии, что может привести Россию к опасной конфронтации с НАТО, так как большинство жителей обеих непризнанных республик являются российскими гражданами⁹. Наконец, в данном регионе Россия хотела бы соседствовать с дружественными или, по крайней мере, с нейтральными государствами. Появление же на Южном Кавказе страны-члена НАТО, который в Москве рассматривают в качестве организации, которая несет потенциальную угрозу для России, будет однозначно воспринято как прямой и провокационный вызов ее национальным интересам. Все это в совокупности, как мы полагаем, обуславливает резко негативную оценку Россией перспектив вхождения Грузии в Альянс.

Позиция России – не единственный препятствующий фактор на пути Грузии в НАТО. Основным препятствием для вступления Грузии в НАТО является нерешенность территориальных проблем. По мнению экспертов, неурегулированность конфликтов на территории южно-кавказской республики помешает членству, поскольку «государства, вовлеченные в этнические споры или внешние территориальные споры, в том числе в споры, связанные с проблемой ирредентизма, а также во внутренние споры, связанные с вопросами юрисдикции, должны уладить эти споры... до того, когда станут членами»¹⁰.

Рассматривая перспективу вхождения Грузии в НАТО, надо иметь в виду три важных элемента: готовность той или иной страны к вступлению в НАТО, формирование общественного мнения в стране, желающей вступить в НАТО, и достижение консенсуса по данной стране.

Свой статус самого ревностного и преданного союзника США на Южном Кавказе Грузия неоднократно доказывала, направляя свои воинские контингенты в состав Сил для Косово (СДК), Международных сил содействия безопасности (ИСАФ) в Афганистане.

На современном этапе сотрудничество между Брюсселем и Тбилиси осуществляется в рамках программ «Партнерство ради мира» (с 1994 года) и «Процесс планирования и анализа» (с 1999 года). Грузия была также первой страной, с которой альянс начал сотрудничать в рамках «Индивидуального плана действий партнерства» (2004 год). В сентябре 2006 года НАТО предложила Грузии начать Интенсифицированный диалог о ее намерениях стать членом организации.

Активное сотрудничество Грузии с НАТО выражается в предоставлении Тбилиси права приобретения в странах блока оружия и военной техники; принятии грузинской стороной на себя обязательств выделить в распоряжение НАТО некоторые свои военные объекты и элементы инфраструктуры; целенаправленной подготовке военных кадров для грузинской армии в натовских учебных заведениях; участии Грузии в совместных с западными партнерами военных учениях; создании условий для совместного с силами блока обеспечения охраны проходящих через территорию Грузии трубопроводов, а также транзит через территорию Грузии сил и персонала НАТО в Афганистан¹¹.

Грузия является наиболее предсказуемой, понятной и идейно монолитной в своих устремлениях и их мотивации стать членом НАТО. 5 января 2008 года вопрос о присоединении к Североатлантическому альянсу был вынесен на всенародное обсуждение по инициативе главы республики Михаила Саакашвили. Согласно официальным данным, присоединение к НАТО поддержали 77% избирателей. За членство в Альянсе традиционно выступают все основные политические партии и все без исключения правительства Грузии в посткоммунистический период.

Тем не менее, на саммите Организации Североатлантического договора в апреле 2008 года в Бухаресте страны-члены НАТО не достигли консенсуса в предоставлении Грузии Плана действий по членству (ПДЧ). По данным из дипломатических источников, Франция, Германия, Италия, Испания, Бельгия, Люксембург и Нидерланды посчитали преждевременным предоставление ПДЧ Грузии.

В поддержку их принятия в НАТО решительно выступили США, Великобритания, Польша и страны Балтии.

Таким образом, политика стран-членов НАТО в отношении Южного Кавказа является составной частью их глобальной стратегии по расширению своего влияния на евразийском пространстве. Выгодное геополитическое положение Южного Кавказа, наличие энергетических ресурсов, четкая стратегия некоторых государств региона на установление союзнических отношений со странами-членами НАТО стимулируют интерес Североатлантического альянса к региону.

Примечания

¹ См.: Муханов, В. Состояние энергоносителей в Каспийском регионе и роль России в их транспортировке на мировой рынок // Внутренние и внешние факторы в динамике современного развития Кавказа : анализ. зап. 2008. № 6. С. 22.

² См.: Нефтепровод Баку-Тбилиси-Джейхан им. Гейдара Алиева. Справка от 17.04.2009. URL : <http://www.rian.ru>.

³ Заявление Североатлантического совета по поводу официального признания Россией Южной Осетии и Абхазии, регионов Грузии. URL : <http://www.nato.int>.

⁴ См.: Атомная программа Ирана. Справка от 15.05.2011. URL : <http://www.rian.ru>.

⁵ См.: Отношения между НАТО и Грузией. URL : <http://www.nato.int>.

⁶ Вступление Грузии в НАТО : «за» и «против». URL : <http://www.newcaucasus.com>.

⁷ См.: Чирибка, В. Абхазия, Грузия, Россия и НАТО // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Вып. 14 : Возможные последствия вступления Грузии в НАТО для Грузино-Абхазского мирного процесса. Берлин, 2007. С. 100.

⁸ См.: Страны-доноры пообещали выделить на восстановление Грузии \$4,5 млрд. URL : <http://www.rian.ru>.

⁹ См.: Чирибка, В. Указ. соч. С. 109.

¹⁰ Пихчадзе, Ш. Грузия : путь в НАТО и конфликт в Абхазии // Аспекты грузино-абхазского конфликта. Вып. 14 : Возможные последствия вступления Грузии в НАТО для Грузино-Абхазского мирного процесса. Берлин, 2007. С. 110.

¹¹ См.: Геворкян, Н. Политика НАТО в регионе Южного Кавказа. URL : <http://ap.rau.am>.

ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ

В данной статье рассматривается проблема возникновения российской геополитики, анализируются геополитические идеи отечественных общественно-политических деятелей второй половины XIX – начала XX века, выделяются основные подходы к восприятию пространства.

Ключевые слова: российская геополитика, пространство, военная статистика, панславизм, основатели геополитики.

Интерес к геополитике, в общем виде изучающей взаимовлияние географического (и иного) пространства и государства, появившийся в отечественной политологии в 1990-х годах, не иссякает до сих пор. За этот период многие аспекты геополитики подверглись тщательному анализу российских исследователей, но при этом значительные лакуны остаются как в отечественной, так и зарубежной геополитической науке.

Одним из ключевых и актуальных вопросов для политологии остается проблема зарождения, становления и развития российской геополитики. История развития геополитики вообще достаточно известна, как и имена и идеи ее основателей и классиков, будь то представители континентальной или англо-американской школы с различными их вариациями. При этом первое же упоминание о российских представителях вызывает множество вопросов: когда появилась геополитика в России, кто является ее исследователем, в чем особенность отечественных геополитических идей, существует ли вообще российская геополитическая школа и т. д.

Действительно, за последние 20 лет четкие ответы на эти вопросы так и не получены: они либо обходятся стороной, либо предлагаются различные, диаметрально противоположные варианты. Так, одной из ключевых проблем является определение основателей (или первых представителей) отечественной геополитической мысли. Можно ли считать «основателями» авторов первых учебников по политологии, в которых встречается раздел о геополитике? Как правило, в таких разделах содержался пересказ идей западных классиков, а самостоятельные разработки авторов в этой области (появившиеся несколько позже) вряд ли можно считать полноценными геополитическими концепциями.

Безусловно, среди ученых конца XX–начала XXI века есть имена, которые оставят свой

след в истории отечественной геополитики (не имея возможности сделать подробный обзор, приведем в пример В. Л. Цымбурского, автора таких работ, как «Россия – Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика», «Геополитика для «евразийской Атлантиды» и пр.), но являются ли они первыми представителями российской геополитической мысли? Многие работы наших современников написаны на основе, переосмыслении и переработке уже имеющихся в отечественной традиции взглядов на взаимосвязь пространства и государства, в связи с чем мы предполагаем, что «основателей» следует искать в более раннем историческом периоде. Поскольку в СССР геополитика и все связанные с ней разработки были запрещены, обратимся к мысли Российской Империи.

В отечественной политологии можно встретить различные предположения относительно «начал» российской геополитической мысли: так, первыми носителями геополитического мировоззрения называются евразийцы начала XX века, Д. И. Менделеев, А. И. Воейков, Р. А. Фадеев, Н. Я. Данилевский, В. О. Ключевский, представители славянофильского движения, Филофей за концепцию «Москва – Третий Рим», Иван IV¹ и пр. Как очевидно из этого далеко не полного перечня, на эту роль претендуют представители самых разных эпох и занятий, что является дополнительным свидетельством отсутствия у современных исследователей четкого представления об истоках отечественной «науки о пространстве».

Ко второй половине XIX века (хотя первые предпосылки появились еще раньше, в 1830-х годах) в России в результате воздействия целого ряда как внутригосударственных, так и внешнеполитических факторов у представителей различных наук формируется новое представление о пространстве, географии и

ее значении для государства, и, как следствие, развивается и геополитическое мировоззрение. Здесь стоит немного подробнее остановиться на роли в этом процессе «внешнего» фактора, поскольку роль эта была весьма значительна.

Прежде всего, он проявился в знакомстве отечественных ученых и общественно-политических деятелей с западными разработками в этой области. Так, настоящим событием первой половины XIX столетия стала натурфилософия Шеллинга, гласящая о единстве и многообразных проявлениях природы. Высказанные им положения в совокупности с колоссальным количеством открытий в области химии, физики, биологии, медицины и др. привели к распространению в науке идеи о «самодостаточности» природы, т. е. о наличии причин всех происходящих явлений в ней самой. Осознание взаимозависимости на первых взгляд не связанных друг с другом явлений и законов природы стало во многом поворотным пунктом в научном мировоззрении. Достаточно быстро концепция детерминизма экстраполировалась и на другие сферы интеллектуальной жизни, и отечественные публицисты и философы обратились к поиску законов взаимовлияния и взаимодействия человека (общества) и окружающего его пространства. С этого момента ученые, исследователи, публицисты, историки, географы не ограничивались простым описанием явлений, но пытались выяснить причины их возникновения, определить законы их существования. Рост интереса к естествознанию был одной из характерных черт общественных настроений в России в 50–60-х годах XIX века.

Идеи «предшественников» западной геополитики Александра фон Гумбольдта и Карла Риттера были широко известны в российских интеллектуальных кругах и, безусловно, оказали влияние на мировоззрение общественно-политических деятелей. Так, К. Риттер был убежден, что условия страны в большой степени воздействуют на человека и что значение природы в этом смысле существенно недооценено. Известно, что его идеи оказали существенное влияние на убеждения будущих европейских геополитиков: Ф. Ратцеля, П. Видаля де ла Бланша и др. Но в то же время подобное влияние было оказано и на отечественных ученых: его идеи были знакомы М. П. Погодину, Н. И. Надеждину, Т. Н. Грановскому, С. М. Соловьев лично слушал лекции К. Риттера в Германии и, по утверждению А. Н. Пыпина, заинтересовался ими².

Со знакомства с западными идеями началось и формирование военной школы отечественной геополитики, если за таковую мы примем разработки Д. А. Милютина и его последователей в области военной статистики. Уже в начале XIX века в европейской военной мысли утвердилась мысль о значительной (если не определяющей) роли географического пространства для тактики и стратегии, в связи с чем военные деятели вели исследования в этой области, а в военных училищах утверждались соответствующие учебные курсы. В 1827 году П. А. Языков, предшественник и учитель Д. А. Милютин, перевел с французского языка сочинение барона Жомини «Краткое начертание военного искусства или новый аналитический обзор главнейших соображений стратегии высшей тактики и военной политики», посвященное указанной проблеме. Идеи, высказанные в работе, показались П. А. Языкову интересными, и он серьезно занялся исследованием роли ландшафта в военных действиях. В 1831 году он начал преподавать военную географию в Институте Корпуса путей сообщений, став первым в России специалистом по данной теме. В 1832 году при планировании открытия новой Императорской Военной Академии в Генеральном Штабе был объявлен набор офицеров, желающих взять на себя преподавание некоторых дисциплин. П. А. Языкову также был предложен ряд курсов, и он по собственной инициативе выбрал для преподавания военную географию, очевидно, наиболее отвечавшую его научным интересам. Он начал преподавать в самом известном военном учебном заведении России и получил возможность доносить свои идеи до слушателей академии и напрямую влиять на будущих офицеров, а впоследствии опубликовал и собственное сочинение «Опыт теории военной географии»³, в котором он подробно анализировал работы своих европейских предшественников, а также предлагал собственное видение влияния ландшафта на тактику и стратегию.

Из вышеуказанного следует, что в большинстве своем идеи о взаимосвязи географического пространства и государства, о взаимовлиянии географии и политики были привнесены в Россию из Европы, где они позже анализировались, перерабатывались под российскую действительность, применялись для анализа отечественной политики и пространства, дополнялись опытом и выводами отечественных ученых. Именно эти переосмысленные, транс-

формированные идеи легли в основу отечественной геополитики, которая, несмотря на изначально европейские корни, в дальнейшем развивается в некотором роде автономно, превращаясь в итоге в оригинальный, многогранный и уникальный продукт отечественной общественно-политической мысли.

Анализ российских геополитических идей второй половины XIX–начала XX века позволяет выделить четыре основных подхода к рассмотрению пространства.

1. Первый подход, характерный в большей степени для представителей военных кругов, разрабатывался в рамках военной статистики (П. А. Языков, Д. А. Милютин, А. Е. Снесарев). Основной особенностью данного подхода является некоторая ограниченность его практического применения, поскольку все его разработки были ориентированы на использование в военной сфере при реализации военной тактики и стратегии. В данном случае изначально речь идет об «упрощенном» понимании пространства как совокупности географических характеристик, как то: ландшафт, климат, наличие и особенности конкретных географических объектов и пр. Однако уже у Д. А. Милютина встречается тенденция расширить рамки исследования, увеличив набор рассматриваемых факторов. Географическое пространство при этом остается основой анализа территории, но при этом, по сути, является лишь первым из условий. В предложенном Д. А. Милютиным военно-статистическом анализе⁴ (который можно смело назвать подробным алгоритмом геополитического анализа) после оценки географического пространства следует рассмотрение населения, экономического, политического состояния территории, менталитета населения и пр., и лишь последним, третьим, этапом выступает изучение собственно военных сил государства. Еще одной особенностью данного подхода к пониманию пространства и оценке его роли можно считать его практический характер, т. е. идеи, созданные в рамках военного подхода, носили не столько теоретический характер, сколько были ориентированы на дальнейшее практическое воплощение и направлены на выработку конкретных рекомендаций.

2. В рамках второго подхода оценивается влияние пространства на развитие общества и историю государства, причем пространство здесь уже не ограничено географическими объектами, но включает в себя хозяйственно-

экономическую деятельность человека, находящиеся в практически неразрывном взаимодействии. Наиболее яркими представителями можно считать С. М. Соловьева и Л. И. Мечникова, которые подробно разрабатывали проблему зависимости истории от географических условий. Так, С. М. Соловьев⁵ стал одним из первых популяризаторов идеи об определяющей роли географических характеристик государства для его дальнейшего развития: различные природные условия определяют и различия истории государств. Он подчеркивал, что особенно велико влияние географического фактора на начальном этапе развития общества, когда человек еще не научился подчинять себе силы природы. Со временем же отношения в системе «человек-природа» меняются, и теперь уже окружающая действительность преобразуется обществом под его нужды, но при этом связи между ними не исчезают. Не менее интересна и теория представителя географического детерминизма Л. И. Мечникова, которую он изложил в сочинении «Цивилизация и великие исторические реки»⁶, изданном в конце XIX века. Будучи сторонником идеи о значительной роли географического фактора в развитии общества, он в результате своего исследования пришел к выводу о том, что из всех географических объектов приоритетное значение для общества имеет река, поскольку именно в долинах больших беспокойных рек зарождались первые наиболее успешные цивилизации. Это положение имеет под собой и теоретическое обоснование: река отражает совокупность всей системы природных условий данной территории, так как ее характер напрямую зависит от ландшафта, климата, наличия природных объектов и т. д. Интересно и разделение периодов развития мировых цивилизаций, основанных в соответствующих гидрологических системах. Так, в истории человечества Л. И. Мечников выделял три последовательных периода развития цивилизации, которые протекали в своей собственной природной среде: речной, морской, океанический.

3. Представители третьего подхода (Ф. И. Тютчев, Н. Я. Данилевский, В. И. Ламанский⁷) рассматривают пространство как необходимую составляющую цивилизации, в работах отечественных общественно-политических деятелей оно предстает также как особая форма организации славянского мира. Концепции данного подхода больше, чем предыдущие, напоминают, собственно, геополити-

тику, потому что имеют идеологическое основание и конкретно практическую направленность. Здесь мы встречаем пан-идеи, а именно концепции панславизма, в которых предстает образ новой России, значительно большей по своим масштабам, базирующиеся на особенном понимании пространства как неотъемлемой составляющей цивилизации. В данном случае речь идет о пан-идеях, оперирующих сложными комплексными понятиями, будь то «мир» или «культурно-исторический тип», которые включают в себя множество компонентов. Они описывают существование некоего «цивилизационного пространства», которое объединяет в себе этнос, его культуру, политику (внутреннюю и внешнюю), особенности менталитета и национального характера и т. д. Но примечательно то, что данное «цивилизационное пространство» не существует само по себе абстрактно, но проецируется, воплощается на конкретной территории, которая тоже становится частью данного «цивилизационного пространства». Следует обратить внимание на то, что представители описанного подхода исходили как бы от более абстрактного к более конкретному, а не наоборот, как это было характерно для представителей двух предыдущих подходов. Для них первична цивилизация с ее духовной культурой, а география является неким «завершающим» компонентом, необходимым для целостности всей цивилизации. В связи с этим именно достижение географической «полноты» становится конечным пунктом при оформлении цивилизации, и следовательно, провозглашается ее жизненной необходимостью. Особенностью данного подхода становится его ярко выраженный идеологический характер, когда образ некоего идеального пространства становится доминирующим и определяет внешнюю политику, конечной целью которой провозглашается «оформление» цивилизационного пространства, а значит, и значительные территориальные приращения.

Указанные панславистские концепции можно соотнести с концепциями классиков немецкой геополитики Р. Челлена и Ф. Ратцеля, которые также с помощью идеологических постулатов пытались мотивировать экспансионистскую политику Германии.

4. Наиболее поздним, но уже в полной мере геополитическим, является четвертый подход. Наиболее ярким представителем его является малоизвестный современным исследователям военный историк Е. Н. Квашнин-Самарин⁸.

Особенно интересными представляются в полной мере геополитические рассуждения Е. Н. Квашнина-Самарина о значении пространства в межгосударственных отношениях. Он ввел понятие «мировой центр», обозначающий сосредоточие мировых материальных и духовных ценностей, находящееся в какой-то географической точке и постепенно мигрирующее. По теории историка, политика любого государства может быть успешной только вблизи от мирового центра. Поэтому неизменная цель всякого сильного государства заключается в достижении мирового центра с помощью любых доступных способов. Теория мирового центра позволила автору по-новому оценить историю России и, например, ее борьбу за Балтийское побережье. Данная теория является ярким примером геополитического мышления, когда интересы государства, его внешняя и внутренняя политика, отношения с другими странами ставятся в зависимость от определенных ресурсов, расположенных в конкретной географической точке, или территории, особенно ценной по какому-либо критерию. Обладание данной территорией дает государству преимущества по отношению к другим и провозглашается важной целью политики страны.

Таким образом, во второй половине XIX–начале XX века в отечественной общественно-политической мысли формируется новое осознание значимости географического пространства для государства и общества, что можно считать отправной точкой в развитии российской геополитики. В течение нескольких десятилетий эта идея разрабатывается представителями различных наук, переосмысливается и усложняется, что приводит к появлению различных подходов к ее трактовке. Можно утверждать, что к революции 1917 года в России были созданы первые серьезные геополитические труды и заложена база для дальнейшего развития самостоятельной, оригинальной отечественной геополитики.

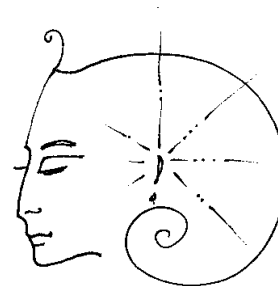
Примечания

¹ См., например: Алексеева, И. В. Геополитика в России : между Востоком и Западом : конец XVIII–нач. XX в. / И. В. Алексеева, Е. И. Зеленев, В. И. Якунин; С.-Петерб. гос. ун-т. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 303 с.

² См.: Соловьев, С. М. Соч. : в 18 кн. Кн. 16. Работы разных лет. М., 1998. 556 С. С. 340.

- ³ Языков, П. Опыт теории военной географии. Ч. 1. Изложение теории. СПб. : Тип. А. Воейкова и К^о, 1838. 269 с.; Языков, П. Опыт теории военной географии. Ч. 2. Краткое руководство, служащее к избранию пунктов для сооружения крепостей. СПб. : Тип. А. Воейкова и К^о, 1838. 200 с.
- ⁴ См.: Милютин, Д. Первые опыты военной статистики. СПб. : Тип. Воен.-учеб. заведений, 1847. 248 с.
- ⁵ См.: Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. I; т. 1–2 / отв. ред. Н. А. Иванов. М. : Мысль, 1998. 752 с.
- ⁶ Мечников, Л. И. Цивилизация и великие исторические реки : статьи. М. : Пангея, 1995. 468 с.
- ⁷ См., например: Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / сост., послесл. и коммент. С. А. Вайгачева. М. : Книга, 1991. 574 с.; Ламанский, В. И. Три мира Азийско-Европейского материка. Петроград : Тип. т-ва А. С. Суворина “Новое время”, 1916. 152 с.
- ⁸ См.: Квашнин-Самарин, Е. Н. Морская идея в Русской земле. СПб. : Морской ген. штаб, 1912. 189 с.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ И ИДЕОЛОГИЯ

М. Г. Смирнов

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ. ИДЕОЛОГИЯ НАТУРАЛИЗМА

В данной статье предлагается альтернативный устоявшемуся взгляд на этапы и проблемы развития политических идеологий. На сегодняшний день большинство политологов считают политические идеологии пережитком ушедшей эпохи идеологического противостояния и либо отрицают значительное их влияние на современные политические процессы, либо констатируют мировую победу неолитерализма и его системы ценностей. Тем не менее, есть основания полагать, что именно в наше время происходит развитие действительно новой идеологии как с точки зрения ее системы ценностей, так и с точки зрения форм воздействия на массы. Эту комплексную политическую идеологию можно назвать натурализмом. И он знаменует новый этап развития идеологий в принципе. Взгляд автора статьи не претендует на роль «новой истины», а содержит лишь попытку взглянуть на знакомое политическое явление с новой стороны.

Ключевые слова: политическая идеология, религия, христианство, общественные ценности, идеология натурализма, свобода, равенство, братство, либерализм, социализм, фашизм, консерватизм.

«Политическая идеология» – некогда очень популярная у политологов тема постепенно исчезает из современных учебников и научных исследований. Политические партии приобретают идеологическую аморфность и многозначность, т. к. ни одна из политических идей на сегодняшний день не способна собрать под свои знамена значительное число преданных последователей. А развитые политические технологии позволяют добиться многого без излишней идеологизации. О политической идеологии сейчас говорить не модно и после заката эпохи биполярного противостояния это явление становится не актуальным. На первый план выходят проблемы, связанные с политическими процессами и способами управления ими. Идеология становится частью истории и культуры. Причин этому называется множество. В основном, исследователи сходятся на мысли о том, что главная причина упадка идеологий кроется в преобладании “функциональной рациональности”, свойственной бюрократии постиндустриального общества, которая

разрушает иллюзорное идеологизированное сознание.

Вместе с тем, история развития явления идеологии и понятия «идеология» далеко не однозначна. Она представляет собой ряд взаимосвязанных процессов, которые в ходе исторического общественного развития неоднократно меняли содержание термина, его эмоциональное восприятие, а также подводили под него различные, не связанные между собой явления. В данной статье мы попробуем представить альтернативный устоявшемуся взгляд на развитие идеологий и на место ее в современной политической и общественной системах. В основу предлагаемого подхода положена эволюция ценностной составляющей идеологий от развития старого до появления принципиально нового.

Прежде всего, следует определиться, что такое идеология в самом общем виде. «Идеология» (ιδεολογία) имеет греческое происхождение и образовано от слов: ιδέα – прообраз, идея; и λογος – слово, разум, учение.

Под идеологией понимается система концептуально оформленных взглядов и идей, выражающая мировоззренческие и стратегические позиции социальных групп различных форм, уровней и видов. Таким образом, идеология определяет взгляд человека как представителя определенной социальной группы или общности на социальный мир и свое место в нем. Кроме того, она определяет его стратегии поведения и реакции на различные события, вызовы и угрозы, а также систему основополагающих жизненных ценностей. Именно система ценностей задает основные параметры функционирования идеологии: цели и средства, алгоритмы восприятия человеком окружающего мира и поведения, способы, подходы к оценке действительности.

Рассмотрим поэтапное развитие идеологий в том виде, как оно представлено в современных работах.

Первым этапом можно считать западное средневековое традиционное общество. Это некий латентный этап развития идеологии, когда ее самой еще не существовало, но функционально ее роль в обществе закреплялась за религией. Этот этап довольно длителен: примерно с образования раннехристианских общин в 30-е годы I века нашей эры, до конца XVII века – периода Английской буржуазной революции.

В традиционном обществе система социальных ценностных ориентаций определялась религией. Церковь в рамках христианской доктрины обосновывала функциональное ранжирование социума при общем единстве перед лицом Бога. А благодаря концепции двух истин (Фома Аквинский), человеческий мир виделся лишь несовершенным отражением божественного – идеального и воспринимался верующими как священный и относительно справедливый. Церковь следила за соблюдением мировоззренческих традиций, которые постоянно ею актуализировались и воспитывались в молодом поколении. Религиозность общества амортизировала социальные диссонансы и кризисы.

Когда традиционное общество вошло в фазу кризисного существования и возник мировоззренческий диссонанс, стали появляться первые представления об идеологии. Сам кризис религиозной системы общественной регуляции начался в эпоху возрождения, с разложения института церкви (духовенства), продолжился в эпоху абсолютизма, когда были по-

дорваны устои феодального класса и затем постепенно распространился на другие сословия, вылившись в череду европейских революций, развивавших идеи секуляризма.

Апогеем кризиса западного традиционного общества стала Великая французская революция, начавшаяся 14 июля 1789 года с взятия Бастилии. В отличие от Английской буржуазной революции, французская смела все устои традиционного общества, превратив Францию из монархии в республику с юридически закрепленной свободой равных между собой граждан. Лозунгом Великой французской революции стал девиз «Свобода, равенство, братство» (фр. *Liberté, Égalité, Fraternité*), провозгласивший основные ценности нового общества и положивший начало классическим идеологиям.

Сам термин «идеология» ввел в научный оборот в 1796 году французский философ и экономист Дестют де Траси в докладе «Проект идеологии». В этом докладе и в появившемся позднее четырехтомном исследовании «Элементы идеологии» де Траси стремился разработать методологию систематизации идей выдающихся мыслителей Нового времени – Бэкона, Локка, Кондильяка, Гельвеция и создать общую «теорию идей». Он называл «идеологию» наукой об идеях, о том, как они возникают, и о закономерностях человеческого мышления. Развить науку об идеях ему было не суждено. Пришедший к власти Наполеон назвал идеологию демагогией и болтовней, придав тем самым термину резко отрицательное значение пустой идейной спекуляции, не имеющей под собой ничего конкретного. Так появилось и устоялось два подхода к пониманию идеологии: первый раскрывал ее как подлинное сознание народа; второй, с подачи Наполеона, как сознание иллюзорное.

Идеология – не наука, хотя может включать в себя научные знания. В отличие от науки, идеология не только представляет собой знание о социально-политической жизни, но также включает в себя оценку тенденций, процессов и различных сил этой социально-политической жизни. По сути, идеология заняла место религии, взяв на себя многие ее функции, а саму религию отгеснила в духовную сферу жизни общества, тем самым жестко закрепив барьер между духовным и светским режимами существования человека. Для религии авторитетным источником воздействия был Бог. Для идеологии в условиях нарастающей секуляризации ценностей таким источником стал народ.

Хотя, конечно, надо отдать должное и упомянуть о том, что религиозные идеологии также впоследствии имели место, в особенности на Востоке, но даже там они сочетали в себе светские и духовные начала. Да и сам авторитет народа подтверждался авторитетом Бога: «Французский народ провозглашает перед лицом высшего Существа следующую декларацию прав и обязанностей человека и гражданина»¹.

Таким образом, *вторым этапом развития идеологии можно считать этап секуляризации основных ценностей социальной доктрины христианства, приведший к появлению «изначальной идеологии»* – идеологии-прародительницы классических политических идеологий. Хронологически это этап с конца XVII века по конец XVIII века, т. е. до конца Великой французской революции. Для того чтобы определить содержание «изначальной идеологии», в свете избранного нами аксиологического подхода, необходимо вернуться к лозунгу Великой французской революции.

«Изначальная идеология» Великой французской революции вытеснила религию, выдвинув вышеупомянутую единую ценностную триаду: свобода, равенство, братство. Эти ценности были зафиксированы в основном документе Великой французской революции – Декларации прав человека и гражданина (фр. Déclaration des Droits de l'Homme et du Citoyen). Декларация была принята Национальным Учредительным собранием (фр. Assemblée nationale constituante) 26 августа 1789 года.

- Свобода, здесь, состояла «... в возможности делать всё, что не наносит вреда другому»².

- Равенство означает, что все граждане равны перед законом «... и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями»². Таким образом, гражданин имел право по закону на необходимое для жизни, а остальное он получал – по способностям.

- Братство определяется следующим образом: «Не делай другим того, что не хотел бы получить сам; делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы по отношению к себе»¹. Это есть возведение семейных ценностей и практики взаимопомощи на уровень государства.

В результате, с точки зрения декларации, свобода человека ограничена свободой других людей, которые делают благо для других, ана-

логичное тому, что вершат для себя, и имеют равные права и возможности перед земным и божественным законом. Таким образом, если приглядеться к содержанию вышеописанной триады, то оно исходит из социальной доктрины христианства и не противоречит ей.

В раннем христианстве категории равенства и свободы понимались в духе социальной справедливости: «Все же верующие были вместе и имели всё общее, и продавали имущества и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого»³. В своем подходе к вопросам собственности, труда и распределения ранние христиане проповедовали принципы всеобщей обязанности трудиться и вознаграждения каждого по его труду. Для правопонимания ранних христиан, апеллировавших к божественному «закону свободы», характерно использование целого ряда естественно-правовых идей и представлений. Но естественность права определялась законом, установленным Богом в период Творения. Существенное значение при этом придавалось принципу равенства всех людей и соблюдению такого равенства в различных сферах человеческих взаимоотношений. Весьма энергично ранние христиане проповедовали основной принцип естественного права и естественно-правовой справедливости – воздаяние равным за равное⁴.

С укреплением церковных институтов и с процессами канонизации в христианстве проповедует мысль о подчинении высшей власти, ответственной перед лицом Бога.

Свобода в христианстве определяется статусом первочеловека – Адама в божественной иерархии. Адам – со-творец Бога. Так же, как и Бог, он обладает даром творчества, который способен реализовывать лишь будучи свободным от ограничений. Человек сам накладывает на себя ограничения сообразно воли Бога, рабом которого он является, и несет ответственность за несоблюдение требований Всевышнего – за грехи. Аналогичным образом видится и свобода человека в Декларации прав человека и гражданина. Закон, перед которым равны граждане, в свете конвенционализма и есть то ограничение, которое человек разумно на себя накладывает, дабы сохранить свободу и возможность делать все, что не нарушает закон.

Что касается братства, то сама идея также была заложена в деятельной доктрине раннего христианства. Не делай другим того, что не хотел бы получить сам, и делай по отношению к другим такие благие поступки, какие хотел бы

по отношению к себе – это основа существования раннехристианской общины. Этому посвящен ряд максим раннехристианской правовой идеологии: «Ибо каким судом судите, таким будете судимы»⁵; «Какою мерою мерите, такою отмерено будет вам»⁶ и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что идеалы Великой французской революции представляют собой секуляризированный вариант христианских идеалов. Более того, они также освещены именем Бога при посредничестве конвенционально ориентированного закона. В этом смысле дальнейшее развитие идеологий представляет собой усиление секуляризации – с одной стороны, и ликвидацию триединства основных ценностей (свободы, равенства, братства) – с другой.

Третьим этапом идеологического развития стало появление классических идеологий. Хронологически он определяется с начала XIX века по 30-е годы XX века. Каждая из трех ценностей Великой французской революции породила одну из классических идеологий соответственно их основному идеалу.

«Свобода» стала основанием для идеологии либерализма (фр. *libéralisme*) – философской, политической и экономической идеологии, исходящей из того, что права и свободы отдельного человека являются правовым базисом общественного и экономического порядка.

«Равенство» стало основанием для идеологии социализма – экономической, социально-политической идеологии, характеризующейся идеями социального равенства, при котором процесс производства и распределения доходов полностью сконцентрирован в руках государства без частной собственности на средства производства, соблюдаются нормы минимального материального обеспечения каждого гражданина, оказывается помощь нуждающимся и воздается каждому по труду. Государство действует во благо общества и вопреки мировоззренческому, политическому и экономическому индивидуализму.

«Братство» стало основанием для идеологии фашизма (итал. *fascismo* от *fascio* «пучок, связка, объединение»), правда, вместо братства использовались термины «национализм» и «национальное единство». В целом, фашизм – это политическая идеология, краеугольной ценностью которой является национальный интерес, приравненный к государственному. Исходя из этого, происходит огосударствление всех сфер жизни общества и оптимизация об-

щества во благо усиления государства во всех сферах жизни.

Еще одной классической идеологией стал консерватизм (фр. *conservatisme*, от лат. *conservo* – сохраняю), несущий в себе амортизационное начало для ликвидации последствий реализации вышеназванных идеологий.

В итоге классические идеологии разбили христианское триединство основных ценностей, абсолютизовав их и положив в основу отличные представления об основном субъекте политической реальности: для либерализма это – индивид (отдельный человек), для социализма – общество с его особой справедливостью, а для фашизма – государство-нация с ее особыми надындивидуальными и сверхобщественными интересами.

В этой форме ценности свободы, равенства и братства стали не просто не сочетаемыми, но и антагонистичными, противоречащими друг другу.

В итоге это вылилось в следующий, *четвертый этап развития идеологии в целом – эпоху идеологического противостояния*, начавшуюся в 30-е годы XX века и завершившуюся в 1991 году с развалом Советского Союза. В рамках этой эпохи можно выделить два периода.

- I период Второй мировой войны – противостояние либерализма (западного социал-либерализма), социализма (советского ленинизма и сталинизма) и фашизма (национал-социализма и фашизма), ознаменовавшееся разгромом последнего.

- II период Холодной войны – противостояние западной либерально-демократической идеологии и советской социалистической, ознаменовавшееся победой неоллиберализма.

Эти два периода представляют собой не только противостояние универсальных классических идеологий, но и их развитие путем гибридизации. К середине XX века, а может быть и раньше, становится очевидно, что ни одна из классических идеологий не является адекватной реальной политике и политической практике и не отвечает всем вызовам и угрозам современности. Идеино-политическая доктринальность перестает быть эффективной политической позицией. Появляются гибридные идеологии, сочетающие в себе ценностные элементы различных классических идеологий в разных пропорциях и сочетаниях. Таковыми явились: социал-либерализм, неоллиберализм, национал-социализм, социал-демократия и др.

Стимулом к их ускоренному развитию было идеологическое противостояние, а результатом – материально-технические и социально-экономические достижения государств-носителей. Одновременно с этим происходит развитие «периферийных» идеологий, не участвовавших в основном противостоянии. Они также подвергаются гибридизации и до сих пор имеют значительный потенциал за счет использования социокультурных ресурсов и ориентиров. К подобным периферийным идеологиям можно отнести, прежде всего, национальные идеологии, такие как пантюркизм и пантуранизм, хиндутва, китайский социализм и др.

С победой неолиберализма в идеологическом противостоянии обозначился пятый, и на сегодняшний день последний, этап в развитии идеологии – появление идеологии натурализма. Хронологически он имеет начало с конца 80-х годов XX века и до сих пор не является завершенным. Идеология натурализма – это не одна, а целый комплекс современных идеологий. К ним можно отнести: современный неолиберализм, глобализм (как идеологию), геополитику (как идеологию), феминизм, современные формы анархизма и др. Их объединяющим ядром является натуралистический подход в определении идеологических основ и призыв к свободной конкурентной циркуляции идеологических ценностей – своего рода идеологическому рынку.

Натурализм появляется из крайне трансформированного в русле развития либерализма комплекса естественно-правовых идей христианства и конвенциализма.

Из теории естественного права исчезает фигура Бога, санкционирующего земное бытие и его законы. Теперь естественное право трактуется скорее в духе социал-дарвинизма и социального биологизма. Природные потребности, имеющие естественное происхождение, переносятся не только в социально-политической и экономической теории, но и в практике на человека, общество и государство. А их развитие есть демократическая, естественная конкуренция спроса и предложения во всех сферах общественной жизни. Это приводит к господству в обществе экономической и геополитической форм мышления. Источником опять же выступает неолиберализм. Именно он активно поддерживает идею человека-потребителя. Более того, он развивает формы и темпы потребления за счет окончательного превращения денег в товар, а товары – в брендовые услуги.

Основными его идеями являются: *монетаризм*, разработанный в трудах Роберта Манделла и Маркуса Флеминга, обосновывающий идею экономической глобализации; *полное отрицание протекционизма в экономике*, плавно перетекающее на иные сферы общественной жизни и поддерживающее наднационального потребителя (принципы деятельности Международного валютного фонда, Всемирного банка и Всемирной торговой организации); *рыночная интерпретация всех типов общественных связей и отношений*, когда все формы отношений, в том числе взаимоотношения работников одной компании или членов семьи, рассматриваются как виды субрыночной конкуренции.

Вследствие развития подобных тенденций к неолиберализму перестали относиться как к политической идеологии, рассматривая его как некую естественную данность – идейно-культурную среду развития человека и общества. Кроме того, зачастую термин «неолиберализм» заменяют другим термином – «демократия», понимая под последним не разновидность политического режима, а свободную, конкурирующую политику, экономику и потребляющее общество. Важно отметить, что натуралистический подход не чувствителен к социокультурному протекционизму и общественной морали, вытесняемой концепцией успеха.

Таким образом, можно прийти к выводу, что новая натуралистическая идеология пятого этапа идеологического развития представляет собой совершенно новый фундамент для формирования идеологий современности, опирающийся на новое сознание и новые ценности – не регламентируемые выросшей из христианской социальной доктрины триадой: свобода, равенство и братство. Более того, трансформируются и сами субъекты политической реальности: человек, теряя антропоморфные качества, превращается в потребителя; общество – в мировое сообщество, представляемое как арена свободной конкуренции во всех сферах жизни; государство – в живой организм, своего рода макроиндивида с его макроиндивидуальными потребностями.

Конечно, идеология натурализма, как детище неолиберализма, – это не единственная идеология современности. Существуют идейные течения, противостоящие ей. К ним можно отнести: неомарксизм, коммунитаризм, традиционализм, национализм и др. Но можно констатировать факт, что ни одна из них не имеет реальной массовой поддержки и практики ни в

одном государстве мира. Это своего рода протестные контр-идеологии.

Если в целом взглянуть на этапы развития политической идеологии, то можно отметить, что, учитывая реальное полное изменение идейно-ценностной основы идеологии, *из пяти этапов остается всего два*:

1) этап появления *изначальной идеологии*, основанной на секуляризированной христианской социальной доктрине и ее ценностях;

2) этап появления *идеологии натурализма*, основанной на естественности и адекватности тварной природы человека и ее экстраполяции на социальные объекты и процессы.

Остальные этапы можно назвать промежуточными. Они обеспечили переход от одной идеологической системы к другой в духе диалектических законов перехода количественных изменений в качественные и закона отрицания отрицания.

Примечания

¹ Конституция Франции от 5 фрюктидора III г. (22 авг. 1795 г.). URL : <http://www.hist.msu.ru>.

² Original Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (1789–1791), UNESCO Memory of the World Programme. URL : <http://www.unesco.org>.

³ Деяния святых апостолов. Новый Завет. 2:44, 2:45. URL : <http://days.pravoslavie.ru>.

⁴ История политических и правовых учений / под общ. ред. акад. РАН, доктора юридич. наук, проф. В. С. Нерсесянца. М. : Норма, 2000.

⁵ Нагорная проповедь // Евангелие от Матфея, первая книга Нового Завета. 7:2. URL : <http://biblia.org.ua>.

⁶ Евангелие от Марка, вторая книга Нового Завета 4:24. URL : <http://biblia.org.ua>.

Т. В. Лаврентьева

ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЗАЩИТНЫХ ФУНКЦИЙ ОБЩЕСТВЕННЫМИ И ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ИНСТИТУТАМИ В ИСТОРИИ КИЕВСКОЙ И МОСКОВСКОЙ РУСИ

В работе анализируются защитные институты в Киевской и Московской Руси: народные вече в русских княжествах, выборные органы средневековых республик, крестьянская община, право административной жалобы. Рассматриваются их защитные функции, направленность развития.

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, институты защиты прав человека.

Актуальность исследования определяется тем, что в современной России обеспечение прав и свобод граждан вызывает пристальное внимание и является одной из самых дискуссионных тем и в научной, и в публицистической литературе. Это вызвано как сложностью и противоречивостью самого процесса становления системы институтов защиты прав граждан, так и острым столкновением идеологических подходов. Западной концепции гражданского общества с ее приоритетом гражданских прав в России противостоит «почвенническая» традиция, отрицающая эту идею и утверждающая, что она не нужна и даже вредна, так как разрушает национальную идентичность русского народа. В этой связи теоретическое осмысление и практическое исследование истории развития и современного состояния институтов защиты прав человека в российской государственности приобретает особое значение.

Новизна исследования заключается в идее органичности подобных институтов для российской государственности. В работе прослеживается динамика развития институтов, в той или иной форме осуществлявших функции защиты прав и свобод человека. Это позволяет глубже понять особенности взаимодействия русского общества и государственных институтов в данной сфере и доказать, что формирование институтов защиты прав и свобод граждан относится в России не к концу XX века, а имеет намного более длительную историю и является частью национального сознания.

Целью работы является выявление специфических черт, присущих институтам защиты прав человека в российской государственности, и особенностей осуществления ими своих функций. Это имеет большое значение прежде всего для построения правильной идеологии Российского демократического государства,

которая будет соответствовать представлениям широких слоев общества и будет принята ими.

Понятие защиты прав человека напрямую сопрягается с выборным началом, развитием представительных (в той или иной степени) органов. Поэтому выборные органы в истории российской государственности практически всегда можно рассматривать как защитные институты и с позиции прав личности в социуме.

«Ошибочно утверждать, что понятие прав человека появилось в России лишь в постсоветское время: еще в средние века Новгородская и Псковская республики воплощали в себе идею широкой народной вольницы»¹, – утверждал, в частности, в 2003 году О. О. Миронов, будучи Уполномоченным по правам человека Российской Федерации.

Конечно, Новгородская демократия в значительной степени мифологизирована. Та система управления, которая традиционно приписывается Новгородской земле (с приглашением и изгнанием князей, ограничением их власти сугубо военными функциями, распределением власти между князем, посадником, тысяцким и епископом) начала складываться лишь в последний период существования древнерусского государства. До середины XII века князь являлся реальным действующим главой Новгорода и не приглашался вече, а занимал свое место в соответствии с принципами лестницы.

С другой стороны, вече не было каким-либо исключительным изобретением Новгорода, а являлось на определенном этапе принадлежностью любого русского княжества.

И, наконец, само по себе вече и избрание на нем должностных лиц не может быть залогом демократичности государственного устройства.

Прежде всего, вече, формируемое из жителей всего лишь одного города, брало на себя

труд решать проблемы всей огромной Новгородской земли, простиравшейся от Балтии до Урала. И далее, независимо от того, считаем ли мы, что на вече были представлены исключительно бояре либо все самостоятельные домохозяева, они, так или иначе, составляли явное меньшинство населения и самого города.

Юридическое оформление взаимоотношений между личностью, обществом и государством с фиксацией (большей частью, правда, односторонней) прав и обязанностей впервые произошло в «Русской правде».

Необходимо понимать, что суть «Русской правды» вовсе не в том, что она письменно зафиксировала существовавшие у славян до этого в преданиях правовые нормы. Наоборот, «Русская правда» отрицала принципы обычного права. Её появление как раз и диктовалось отходом от принципов догосударственного общества, развитием феодальных отношений. Отсюда – необходимость заменить передающиеся из поколения в поколение обычаи юридическими нормами либо ввести новые нормы там, где обычное право отсутствовало.

В то же время «Русская правда» содержала и многочисленные уступки общественному мнению, сложившемуся в потестарный период. В документе отчетливо видны и родимые пятна родо-племенных отношений: так, вовсе не запрещаются отношения кровной мести.

Интересно, что имущество человека, согласно «Русской правде», ценилось больше самого человека. Согласно закону, имущественная безопасность, неприкосновенность капитала обеспечивались личностью человека. Так, несостоятельный должник или потерявший чужое имущество купец мог быть продан в рабство. При этом законодательство относилось к холопам как к имуществу: порча раба приравнивалась к порче имущества и возмещалась равным образом.

Отличительной чертой «Русской правды» было также и то, что она фиксировала расслоение общества на неравные категории, вводя неравные наказания за равные преступления и наоборот. Тем самым «Русская правда» отражала всё усложнявшееся строение общества.

«Русскую правду» отличает явная инвективная направленность: из текста значительно проще понять, какие обязанности имел житель древнекиевского государства и какие наказания ожидали его в случае отступления от требований закона, чем то, какими правами (пусть и неравными) он наделялся.

В полном соответствии с политической практикой, не только отечественной, феодального периода «Русская правда» исповедовала принцип нераздельности власти (в частности, княжеской) и суда.

Безусловно, для этого периода характерно вторичное, подчинённое положение прав по отношению к обязанностям человека. Такие памятники русской политико-правовой мысли, как «Поучение Владимира Мономаха» и «Слово о законе и благодати», значительно более определённо говорили о том, что человек должен, чем о том, что он может делать. И всё же явственно звучащие там призывы к соблюдению нравственных законов общежития позволяют говорить о начальных, зачаточных, но уже имеющихся представлениях о защите прав человека.

Следующим этапом в развитии взаимоотношений личности, общества и государства стал московский период, в недрах которого можно найти как черты, продолжавшие традиции киевского периода, так и новые черты, киевские традиции отрицавшие.

Формирование Московского царства происходило в борьбе между несколькими объединительными центрами, каждый из которых предлагал собственную концепцию политического развития и, опосредованно, различные концепции прав личности в социуме.

Выбор шел, таким образом, не просто между городом, а между различными концепциями политического развития, начало которым было положено уже в киевский период русской истории: демократией (северо-запад), аристократией (юго-запад) и автократией (северо-восток).

Новгород был типичной аристократической или купеческой республикой, представлявшей собой партию – фамилии – торговые дома, в основе консолидации которых лежали экономические интересы. В этих условиях вече было послушным орудием совета господ как органа согласования интересов различных партий, стоявших за решениями вече. Процесс формирования высшего управленческого слоя носил закрытый аристократический характер с признаками замкнутой правительственной олигархии и полностью определялся позицией немногих богатейших семей. В основу социальной иерархии был положен имущественный ценз, что служило причиной глубокой социальной и земской розни.

Единственным воплощением аристократической традиции стала, таким образом, Литва

со сложившимся впоследствии сеймом, в котором господствовал принцип «либерум вето» (принцип единогласия), который можно, конечно, трактовать по-разному, но который в любом случае обеспечивал предельную свободу высказывания депутатов парламента. Таким образом, объединение Руси во главе с Литвой означало бы безусловное вхождение её в Европу.

Достаточно близко к виленскому варианту примыкает и тверской. Здесь ещё очень живы были традиции военной демократии, когда князь принимал решение не иначе, как после совета с ближним кругом.

Выбор Москвы означал, таким образом, и выбор наихудшего варианта развития: она наследовала и владимирской традиции подданничества, и византийской традиции императорского единоначалия, и золотоордынской традиции.

Не случайно поэтому, что одновременно с процессами формирования единого государства вокруг Москвы шли и процессы закрепощения основной массы населения, то есть крестьян, лишения их даже тех немногих прав, которые были за ними закреплены к XV веку. Судебник 1497 года традиционно изображается как начальный акт введения крепостного права: здесь сначала введён, а затем, спустя столетие, отменён Юрьев день.

В этом смысле ключевую роль играют исторические традиции, конкретно-исторические условия функционирования и особенности социально-политических отношений. Именно они определяют для личности границы риска потери иммунитета от власти, в соответствии с которыми выстраиваются отношения личности с этой властью.

В научной мысли чётко различаются понятия свободы и воли: воля не связана с понятием свободы для других.

Что касается России, то свобода здесь воспринимается скорее как воля. Следует отметить, что воля предполагает вседозволенность в рамках дозволенного кем-то или чем-то, то есть определёнными границами (пространственными, административными, экономическими, личными и т. д.), без обязательств перед властью и обществом. Принципиальным отличием свободы от воли в общественном восприятии является то, что воля, по сути, даруется, поэтому волю можно сегодня даровать, а завтра забрать. Не случайно поэтому и В. Даль определял свободу через волю и распространял это понятие на гораздо более ши-

рокий круг явлений, чем допускает западная традиция, вплоть до «полного, необузданного произвола или самовольства»².

В России такое восприятие свободы как воли в большей степени определялось специфическими отношениями власти и собственности, в рамках которых границы собственности субъектов общественных отношений были размыты. Как государство часто вторгалось в пределы частной собственности, так и общество вторгалось в пределы государственной собственности, а индивиды вторгались в пределы иной частной собственности.

Эти своеобразные взаимоотношения между властью и собственностью исторически присущи российской политической системе, независимо от смены общественного строя. Уже в царской России именно государственная власть назначала купцов или промышленников, лишала их собственности, давала преференции. В отличие от западной политической традиции, смена правителей не предполагала не только неприкосновенности подданных, но и неприкосновенности их имущества.

С проблемой собственности тесно связана и проблема свободы. Во всяком обществе человек свободен настолько, насколько он является независимым собственником. Насколько он лишен собственности, настолько он сам является собственностью вышестоящей социальной инстанции. Но понятие о неотъемлемых человеческих правах относится, скорее, к Европе, а не к России, поскольку наш феодализм мало походил на европейский. Российские крестьяне закрепощались не в единичном, но в массовом порядке с опозданием на столетия, когда в большей части Европы, за исключением Польши и некоторых германских княжеств, они везде уже были свободны. Начиная с Петра I, крестьянин попал в состояние рабское, а в отношении раба странно говорить о юридически закреплённом праве собственности и свободе.

Включённость человека в систему сословно-иерархических отношений означала вместе с тем и его социально-правовую защищённость. Однако, с другой стороны, она же означала и ограниченность его прав, их пределы и обязательства социальных институтов перед личностью.

Одним из основных общественных сословных институтов, выполнявших по необходимости также и защитные функции, была община – один из феноменов отечественного общественно-государственного устройства.

Все земледельческое население в деревнях («весах») объединялось в общину («вервь»), которая выступает как административно-юридическая категория. Именно община несла ответственность за действия (прежде всего преступные) своих отдельных членов; она же страховала отдельных общинников на случай неурожая, пожара; она же, с другой стороны, и усредняла уровень жизни людей.

Необходимо отметить, что в условиях, когда государство практически не выполняло социальные функции (эта роль будет осознана государством значительно позже, на волне века Просвещения – XVIII века), община была единственным средством социальной защиты крестьян.

Община же выполняла и карательные функции, обеспечивая порядок и наказание за преступления. В общине существовала круговая порука, которая означала вовсе не покрывательство преступлений, а коллективную ответственность общины за действия её членов и коллективную помощь общины тем, кого мы сегодня назвали бы «социально слабыми» категориями населения.

Община предоставляла своим членам как экономические, так и гражданские права: возможность избирать руководство общины и максимальное самоуправление в её пределах. При этом решения принимала именно вся община: в её собраниях мог участвовать и голосовать любой взрослый общинник.

К сожалению, защитные механизмы приобретали с течением времени всё более иерархический, сословный характер. Правовая защищённость напрямую была сопряжена с принадлежностью к той или иной группе населения, к общине и ранжировалась в зависимости от положения этой группы в обществе. Нераздельность прав означала, вместе с тем, и нераздельность обязанностей внутри общины. Именно община несла коллективную, совокупную ответственность, в том числе и за преступления своих членов.

Объём и распределение прав, особенно экономических, между членом общины и самой общиной с течением времени менялись. Изначально «это был самоуправляющийся союз свободных крестьян на обширной территории, который обычно называют «волостная община» или «волость-община». Члены такой волости-общины владели землей на праве частной собственности, однако самостоятельным субъектом собственности являлась и сама волост-

ная община. В ее владении находились леса, сенокосы, пастбища, озера, вместе с тем она имела некоторые права и на земли, принадлежащие крестьянам на праве частной собственности. Так, в ее владение переходили все выморочные и покинутые собственниками участки. Волость-община охраняла целостность волостной территории и боролась против перехода деревень и пустошей во власть монастырей и других крупных землевладельцев.

Однако впоследствии, «в связи с ростом политической роли крестьянской общины, обнаружилась тенденция к усилению ее власти в регулировании внутриобщинных земельных отношений. По мере увеличения числа членов общины стали ощущаться нехватка удобных пахотных угодий и нарастать так называемое земельное утеснение. Эти два процесса – усиление государственно-политических функций общины и рост земельных утеснений – сыграли роковую роль в исторической судьбе частной крестьянской собственности на землю. Община постепенно расширяла свои поземельные функции. В ряде областей, где особо остро ощущалась нехватка земельных угодий, крестьянский мир на сходах принимал решения под давлением средних и бедных, малоземельных членов общины о справедливом переделе земли. Этим наносился смертельный удар по частной крестьянской собственности на землю»³.

Разрастание функций государства закономерно требовало и все большего вмешательства государства в дела местного самоуправления: государство начинает подминать под себя и заставлять служить своим интересам крестьянскую общину. На неё уже в XVI веке были возложены тягловые функции – развёрстка, исполнение разнообразных повинностей, сборов.

Община, таким образом, с течением времени всё больше стала превращаться из органа местного самоуправления в низшее звено государственного управления, что ещё раз подчеркивало нарастание процесса централизации и унитаризации власти. Это в значительной степени проявилось в реформах так называемой Избранной рады первых лет правления Ивана IV, а именно губной и земской реформы.

Характерно при этом, что как власть, так и население вовсе не считали выборность неким достижением или показателем общественного доверия: государство посредством реформ всего лишь скидывало вниз те полномочия, которые ему самому было осуществлять за-

труднительно, а население воспринимало (во многом справедливо) такую выборность не как право, а как тяжкую повинность и стремилось от неё избавиться. Не случайны репрессии правительства против уклоняющихся от выборов, вплоть до уголовного преследования.

Суть реформы состояла в наделении властными функциями именно выборных учреждений и в насыщении их, помимо всего прочего, и широкими судебными прерогативами. Местные выборные органы должны были отчасти компенсировать слабость государства, уже способного отказаться от кормленщиков, но еще не готового создать бюрократизированную, разветвленную ветвь административной, налоговой и судебной власти на местах. Встроенные в вертикаль власти, земские и губные органы самоуправления были призваны обеспечить функционирование государственной власти в низовом звене.

В первые периоды российской истории формы защиты прав человека были достаточно примитивны и связаны, прежде всего, с обращениями населения к власти предрержащим.

Граждане России имеют давние традиции написания обращений для их последующей подачи на высшие уровни власти. Можно сказать, что, сколько существует государство, столько же существуют и обращения к нему.

Эти обращения изначально существовали в форме жалоб, или челобитий; предложения же государству по совершенствованию его работы либо изменению его структуры не предполагались и не воспринимались ни народным сознанием, ни сознанием элит.

Для исследования феномена обращений граждан необходимо проследить действие механизма так называемой «административной жалобы», подразумевающего, что на всех этапах развития российского государства граждане предпочитали обращаться с требованиями и за поддержкой не в судебные учреждения, а к исполнительной администрации.

Жалобы населения как регулятор деятельности региональных органов представляют собой общественно-государственный институт, являющийся элементом исторически сложившейся структуры принятия решений и определяющий, наряду с выборами и назначениями, формы контроля за реализацией принятых решений. Обращения и жалобы являются сигналами обратной связи не только в экономической системе. Как справедливо отмечает О. Э. Бессонова, они представляют собой важ-

нейший политический институт, регулирующий социальные отношения в сфере власти и формирующий основополагающую структуру принятия и контроля решений по всей властной иерархической вертикали органов регионального управления во главе с центром⁴.

Если в западных странах борьба с ущемлением прав населения со стороны органов власти и управления традиционно реализовывалась, прежде всего, в виде судебных исков, через судебную систему, то в России таким основным механизмом была административная жалоба в вышестоящую инстанцию. В этой сфере под административной жалобой понимается «всякое заявление, сделанное высшей административной власти на действия низшей, по предмету нарушения последней каких-либо личных или имущественных прав или интересов»⁵.

Именно через институт жалоб население и организации в значительной мере могли осуществлять институциональные изменения в соответствии со своими интересами. Д. Норт отмечал, что развитие структуры институтов любого общества даёт возможность людям выражать свои идеи, мнения и убеждения с очень низкими издержками для себя, и именно это позволяет осуществлять изменения в обществе⁶. Для западного общества этой цели служил прежде всего избирательный процесс. В условиях России аналогичной цели служил и институт жалоб, который, так же как и выборы, является формой, механизмом обратной связи. Чем более развит этот механизм, чем шире возможности населения выражать свои жалобы, чем лучше отлажены их учет, контроль и исполнение, тем эффективнее могут быть осуществляемые в обществе преобразования.

В период Московского государства духовенство, служилые люди, посадские, волостные и «всяких чинов» люди «били челом государю, царю и великому князю» о всяких своих тяготах, обидах и разореньях. Посадские и крестьянские старосты и выборные люди несли и везли свои «челобитья великие» в Москву самому царю или в приказы царские. Эти челобитья не оставались гласом вопиющего в пустыне. Хотя московские цари и видели в них «докуку безпрестанную», но ответом на них всегда было рассмотрение затрагиваемого вопроса и почти всегда удовлетворение жалоб и ходатайств⁷.

«Мир» пользовался правом жаловаться на злоупотребления, и жалобы выслушивались, просьбы исполнялись, правительство злоупотреблениям не потакало⁸.

Содержание челобитных было в высшей степени разнообразно и касалось всех вопросов управления в самом широком смысле этого слова: вопросы организации и функций административных учреждений (правда, только местных), вопросы податные и финансовые вообще, вопросы тягло-сословного строя и т. д. Челобитные затрагивали все сферы внутреннего административного строя, все стороны общественных отношений, которые регулировались в значительной степени под влиянием челобитных, и тех предложений и мер, которые указывались московскому правительству в этих челобитных⁹.

Институт административной жалобы в этот период включал также челобитные, подаваемые на земских соборах. За счёт этого расширялся канал связи между управляющими и управляемыми. «Соборы представляются несомненно полезными, как средство непосредственного общения государя с землёй: из челобитных выборных людей государя прямо знакомилась с потребностями страны, недостатками управления и злоупотреблениями органов администрации»¹⁰.

Стоит отметить, что до 1497 года сам институт права граждан на обращение не имел ни практического, ни правового подкрепления в органах государственной власти того периода. Отчасти это связано с тем, что в древнерусском государстве было не принято ратовать, а тем более обращаться к власти за помощью, так как это было чревато последствиями для обратившихся. У простых людей и правящей верхушки отсутствовало правовое сознание и понимание необходимости и важности создания такого правового института, без которого невозможно было дальнейшее цивилизованное развитие российского государства.

В полной мере мы можем проследить законотворчество государства по поводу обращений к нему населения, начиная с XV века. Первым общероссийским законом, регламентирующим работу системы государственной власти, говоря нынешним языком, с обращениями граждан, является Судебник 1497 года.

В Судебнике 1550 года одновременно с ответственностью судей за отказ в правосудии вводилось наказание для жалобщика, который бьет челом не по делу, то есть приносит жалобу на судей, отказавших ему в иске ввиду незаконности последнего. Вынесенное с соблюдением установленной подсудности определение об отказе в иске считалось окончательным.

«В XVI–XVII веках существовал так называемый «ярыжка кабацкий», который писал даже челобитные на имя царя. Это был грамотный посредник между гражданином и властью»¹¹.

Следующим этапным документом было Соборное Уложение 1649 года. В статье 20 Соборного Уложения 1649 года развиты положения статьи 7 Судебника 1550 года, но из всех сюжетов выделен один – запрет обращаться по любому делу непосредственно к царю. Согласно Соборному Уложению приказ являлся обязательной инстанцией, предшествующей обращению к суду самого государя. Только в случае отказа в приеме дела к производству или не решения принятого дела жалобщик мог обращаться непосредственно к монарху.

Как видим, окружение царя не было заинтересовано в его непосредственных контактах с подданными. Этим объясняется строгая – уголовная – ответственность за нарушение статьи 20 Соборного Уложения 1649 года: батоги или краткосрочное лишение свободы. Судебник 1550 года предусматривал за это только тюремное заключение, но без указания срока. Соборное Уложение сохраняет отмеченный в Судебнике принцип подведомственности челобитчика.

Таким образом, можно сделать вывод, что общерусское законодательство только после выхода в 1497 году Судебника дало право, говоря современным языком, обращаться с жалобами ко всем олицетворяющим власть лицам – вплоть до самого государя.

В соответствии с логикой Н. Макиавелли, власть стремилась с помощью жалоб и челобитий добиться не улучшения жизни населения, а усиления контроля за деятельностью управленческого аппарата, стремилась держать этот аппарат в подвешенном состоянии. Челобития позволяли также выпускать пар в моменты чрезвычайных ситуаций, когда центральной власти угрожала опасность, они позволяли отвести от нее гнев и недовольство народа, направив его на средний эшелон управления. Тем не менее, право граждан обращаться в органы государственной власти совершенствовалось, всё более и более отвечая интересам и государства, и широких масс.

В допетровский период шлифовалось прежде всего само право на обращение в те или иные властные структуры, в частности, к царю. Определялись и уточнялись субъекты обращений, порядок работы с челобитными во властных структурах, меры наказания должностных лиц, уклоняющихся от работы с жалобами.

Таким образом, защитные функции в той или иной степени реализовывались такими органичными для российской государственности институтами, как народные вече, выборные органы средневековых республик, крестьянская община, институт жалоб и челобитий. В то же время эти институты отличались значительным своеобразием по сравнению с историей западноевропейской государственности, во многом отражая преобладание интересов государства перед интересами общества и личности, поэтому эти функции были искажёнными и неполными.

Примечания

¹ Состоялась встреча с Уполномоченным по правам человека в РФ Мироновым Олегом Орестовичем. URL : <http://aspirant.rggu.ru>.

² Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 4. М. : ТЕРРА, 1994. С. 151.

³ Кудинов, П. А. Предисловие // Чернышев, И. В. Аграрно-крестьянская политика

России за 150 лет. М., 1997. С. 173.

⁴ См.: Бессонова, О. Э. Институты раздаточной экономики России : ретроспективный анализ. Новосибирск, 1997. С. 97.

⁵ Энциклопедический словарь / изд.: Ф. А. Брокгауз, И. А. Евфрон : в 25 т. СПб., 1896–1906. Т. 11. С. 710.

⁶ См.: Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера. М. : Начала, 1997. С. 111.

⁷ См.: Дитятин, И. Роль челобитных и земских соборов в управлении московского государства : статьи по истории русского права. СПб., 1895. С. 274–275.

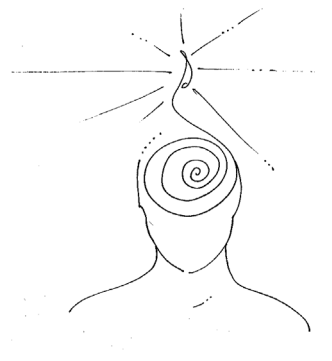
⁸ См.: Соловьев, С. М. История России с древнейших времен : в 18 т. Кн. 5. М. : Мысль, 1988. С. 286.

⁹ См.: Дитятин, И. Указ. соч. С. 275, 281–282.

¹⁰ Там же. С. 295.

¹¹ Вагизов, Р. Г. Институт Уполномоченного по правам человека : история, теория, практика : учеб. пособие. Казань : КазГУ, 2005. С. 15.

ПРИКЛАДНАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Ю. А. Дубина

СОВРЕМЕННАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНЦИИ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ В СИСТЕМЕ ПОСЛЕДИПЛОМНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье отражена проблема формирования языковой компетенции научных работников в системе последипломного образования. Свободное владение иностранным языком необходимо научному работнику не только для коммуникации. Оно является критерием профессионализма, так как от степени владения иностранным языком зависит быстрота ориентации в специальной литературе и извлечения информации. Владение иностранным языком предполагает наличие у научных работников необходимого запаса языковых знаний.

Ключевые слова: образовательная политика современной России, иностранный язык, научный работник, коммуникация, специальная литература, языковая компетенция, информация.

Интеграция России в единое европейское образовательное пространство – важный этап в реализации демократических преобразований, происходящих в нашей стране, успех которых во многом зависит от выбранной образовательной государственной политики, направленность которой определена общемировыми интеграционными процессами в науке, культуре и промышленности. Это обстоятельство требует подготовки качественно новых специалистов, способных к поликультурным контактам в социальной и особенно в профессиональной сфере.

В «Концепции модернизации российского образования», в законе «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» отмечено, что образование выступает в качестве решающего условия формирования ключевых компетенций личности. Именно поэтому одним из приоритетов образовательной политики является коренное улучшение системы профессионального образования, в том числе развитие последипломного, направленного на подготовку молодых научных кадров высшей квалификации для науки, высшей школы и экономики страны в целом¹.

Наука как социокультурный феномен ориентирована на взаимодействие многих людей. Поэтому расширение масштабов социально-профессионального сотрудничества с коллегами делает востребованной и значимой их коммуникативную компетенцию и позволяет выделить один из важных аспектов названной проблемы, связанный с формированием данной компетенции.

Несомненно, изменения социально-экономических и политических условий в России неизбежно влекут за собой изменения требований к системе образования по иностранному языку, к ее основным составляющим, к характеру отношений к ней в образовательных учреждениях.

Социальный заказ общества выражается не в престижности или не престижности знания иностранного языка, а в потребности в специалистах в различных профессиональных областях, практически владеющих иностранным языком как средством общения.

Таким образом, социальный заказ есть стратегический ориентир языковой политики в области последипломного образования на современном этапе.

Весьма актуальным в этой связи оказывается новый компетентностный подход к системе подготовки научных кадров, ориентированный на оптимизацию и совершенствование обучения аспирантов и научных работников иностранному языку, на формирование у них способности эффективного достижения значимых жизненных целей посредством иностранного языка².

Об успешной реализации компетентностного подхода можно судить по тому, насколько обучаемые со знанием иностранного языка оказываются готовыми выдержать конкуренцию на свободном рынке труда и занять там свое достойное место.

Понятия компетенции и компетентности неоднозначны, они исследуются в двух направлениях: общеобразовательном и профессиональном, что позволяет конкретизировать эти понятия на основе выделения целей, которыми характеризуется трудовой пост, и целей, характеризующих человека, занятого на нем.

В первом случае необходимо говорить о знаниях, умениях, опыте и способности мобилизовать их на этом посту, то есть о компетенции, при этом они должны быть доведены до сознания молодого ученого.

Во втором случае молодой ученый субъективирует эти цели, овладевает компетенцией, в этом случае речь идет о компетентности как личностном качестве.

К интегративным составляющим содержания профессионального образования молодых ученых относятся ключевые компетенции, одной из которых является коммуникативная.

Коммуникативная компетенция молодого ученого характеризуется совокупностью знаний, умений, опыта успешной коммуникации и способностью мобилизовать их в различных жизненных ситуациях, в том числе ситуациях профессионального взаимодействия.

В структуре коммуникативной компетенции молодого ученого целесообразно выделить следующих показателей: информативно-когнитивного, социокультурного, прагматико-стратегического, совокупность которых отражает, с одной стороны, ее интегративную природу, с другой – ее целостность.

Для выявления уровня коммуникативной компетенции молодых ученых разработана диагностическая программа, которая включает названные показатели и характеристики каждого уровня (высокий, средний, низкий).

Информативно-когнитивный показатель характеризуется степенью проявления готов-

ности к коммуникативно-мыслительной деятельности, способностью оперировать информацией и выходить на уровень информационно-смысловой дополненности.

Социокультурный показатель связывается со степенью владения социокультурной информацией, культуроведческой осведомленностью, способностью регулировать эмоциональное состояние независимо от обстоятельств³.

Прагматико-стратегический складывается из способностей и умений передавать коммуникативное содержание в контексте конкретной речевой ситуации, устанавливать коммуникативные контакты на основе культурных норм, достигать взаимопонимания через диалог.

Обогащение коммуникативной компетенции молодого ученого, как образовательная стратегия, ориентировано на создание условий, реализацию соответствующих методов, приемов и средств их развертывания.

Реализация первого стратегического условия – насыщение образовательной программы по иностранному языку коммуникативно-развивающими ситуациями – связана с разработкой ситуаций, адекватных показателям коммуникативной компетенции молодых ученых. С учетом родовидового подхода к классификации ситуаций соответственно выделены три типа: репродуктивные, проблемные и эвристические⁴.

Репродуктивные ситуации связаны с активизацией репродуктивной деятельности – усвоением и воспроизведением фиксированных знаний и способов коммуникативной деятельности, что соответствует традиционным формам поведения. Для этих ситуаций сформулированы предписания процедурного типа, к которым отнесены: полное и точное воспроизведение коммуникативных процедур, ритуалов; мысленное представление или проектирование образа оригинального коммуникативного акта и их воспроизведение.

Ситуации проблемного характера связаны с осознанием невозможности разрешить коммуникативные трудности и противоречия средствами наличного знания и опыта. В зависимости от особенностей организации ситуаций взаимодействия педагога и обучающихся условно выделены три уровня ее «развертывания»:

– уровень полусамостоятельной активности характеризуется применением прежних знаний в новой ситуации и участием обучающихся в решении поставленной коммуникативной проблемы;

– уровень самостоятельной активности – выполнение работы продуктивно-поискового типа, когда обучающийся работает самостоятельно, применяет прежние знания в новой ситуации, конструирует, решает задачи среднего уровня сложности, доказывает гипотезы с незначительной помощью;

– уровень творческой активности – выполнение самостоятельных работ требует творческого отображения коммуникативной ситуации, логического анализа и догадки, открытия нового способа решения коммуникативной проблемы, самостоятельного доказательства, самостоятельных выводов и обобщения.

Ситуации эвристического типа связаны с избирательным поиском, творческим решением сложных коммуникативных задач. В отличие от других типов ситуаций данные ситуации характеризуются тем, что обучающимся предлагается решить нестандартные коммуникативные задачи без применения правил и алгоритмов, задачи, требующие доказательств или опровержений.

Второе условие – организация не директивной «продолженной» профессионально-коммуникативной игры – сопряжено с развертыванием игровых ситуаций (мини-игр) коммуникативного характера с акцентом на особенности профессиональной деятельности молодых ученых.

Третье стратегическое условие – реализация коммуникативно-дискурсивных заданий – осуществляется посредством выполнения различных групп заданий, различающихся по своему смыслу и видам.

Выделены две группы заданий, первая связана с участием в коммуникативной деятельности, вторая – с наблюдением за данной деятельностью. В каждую из этих групп, согласно коммуникативной цели и особенностям ситуации общения, включаются четыре вида заданий: исследовательские, творческие, информационные и роле-игровые. Реализация всей совокупности таких заданий способствует осмыслению молодыми учеными собственной дискурсивной практики, опыта других людей, ориентированию в обстановке, сознательному соблюдению коммуникативных норм и правил, правильному выбору дискурсов в контексте конкретной коммуникативной ситуации и по отношению к партнеру, развитию способности концентрировать внимание на коммуникативных сигналах и проявлять коммуникативную мобильность. Данное условие обеспечивает

актуализацию и мобилизацию коммуникативных знаний, умений и опыта молодых ученых в сфере профессиональной коммуникации⁵.

Как показывает практика, свободное владение иностранным языком необходимо научному работнику не только для коммуникации. Оно является критерием профессионализма, так как от степени владения иностранным языком зависит быстрота ориентации в специальной литературе и извлечения информации.

Владение иностранным языком предполагает наличие у слушателей необходимого запаса языковых знаний, т. е. знания языковых единиц и правил их изменения, сочетания и употребления с учетом множества речевых ситуаций общения. Научному работнику по роду своей деятельности необходимо:

– ориентироваться (без словаря) в специальной литературе и хорошо знать структуру научного аутентичного текста для извлечения, анализа и обработки информации;

– понимать иноязычную речь на слух для участия в научных конференциях, совещаниях и обсуждениях;

– адекватно выражать свои мысли средствами иностранного языка, особенно для активного участия в дискуссиях;

– правильно и логично излагать свои мысли в письменной форме для ведения корреспонденции и подготовки научных сообщений для выступления на международных совещаниях и статей для публикации.

Однако современная практика обучения английскому языку научных работников сводится лишь к подготовке и сдаче кандидатского экзамена и не обеспечивает формирования и развития знаний языковых и речевых норм (фонетических, грамматических, лексических, орфографических, каллиграфических и технических), а также умений пользоваться ими во всех видах речевой деятельности (в аудировании, говорении, чтении и в письменной речи), необходимых для научной деятельности.

Следует пересмотреть существующую систему обучения научных работников (аспирантов и соискателей) и усовершенствовать ее, поставив во главу угла проблему формирования коммуникативной компетентности и компетенций, входящих в ее состав.

Таким образом, целенаправленное формирование языковой компетенции как основополагающего вида коммуникативной компетенции у научных работников способствует повышению эффективности обучения иностранно-

му языку в целом в системе последиplomного образования.

Примечания

¹ Бреннан, Дж. Обучение в течение жизни для обеспечения занятости и равенства // Социология образования. 2001. № 7. С. 5–18.

² Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. М. : Исслед. центр по проблемам качества подготовки специалистов, 2004. 38 с.

³ Выготский, Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 2009. 336 с.

⁴ Вокуева, О. Д. Использование текстов разных типов в обучении лексической стороне устной речи на начальном этапе в языковом вузе : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2004. 203 с.

⁵ Колкова, М. К. Модернизация процесса обучения иностранным языкам в рамках стратегии модернизации образовательного процесса в начальной, основной и старшей школе // Обучение иностранным языкам : метод. пособие. СПб. : КАРО, 2003. С. 57–67.

ПОЧЕМУ СХОДНЫЕ РЕФОРМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ И КИТАЕ ВЕДУТ К РАЗНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ?

В статье приводится сравнительный анализ результатов проведения реформы высшего образования в России и Китае. Рассматривается вхождение в европейское образовательное пространство, переход к двухуровневой системе образования, взаимодействие государства и вузов в обеих странах. Автор приходит к выводу, что реформирование образования в КНР имеет гораздо большую эффективность для модернизации страны и социальной жизни общества, указываются факторы, обеспечившие этот позитивный результат.

Ключевые слова: высшее образование, реформа, модернизация общества, сравнительный анализ, Болонский процесс, двухуровневая система.

Очевидным для всех является положение о том, что провозглашённую в нашей стране модернизацию экономики невозможно осуществлять без такого условия, как подготовка специалистов, отсюда и логичным вытекающим следствием предлагается дальнейшее реформирование российского образования.

На наш взгляд, планирование осуществления вышеназванных задач требует как минимум двух условий: подведение итогов с резюмированием плюсов и минусов уже проведённых реформ в образовании и прогнозирование ожидаемых последствий от намечаемых преобразований.

Попробуем и мы сформулировать свою позицию по одному из аспектов этой злободневной проблемы. Речь пойдёт о парадигме, т. е. исходной концептуальной схеме (модели) реформирования образования, а именно: какие цели ставятся и как предполагается их достигнуть?

Если предельно упростить ответ на поставленный вопрос, то можно его представить так: реформированная система образования в России должна по возможности с опережением готовить специалистов для модернизирующейся на инновационных началах экономики России, которая должна войти в сообщество наиболее передовых экономически развитых стран мира.

Именно поэтому первый этап реформирования образования в современной России можно соотносить с началом присоединения России к Болонской конвенции и вхождением её в европейское образовательное пространство.

Ожидаемые «дивиденды» от этого процесса в интересующем нас аспекте могут быть сведены к следующему:

1) переход к двухуровневой системе обучения позволит за более короткий срок (4 года

вместо 5 или даже 6 лет) готовить кадры для экономики;

2) бакалавриат более нацелен на практическую подготовку, чем специалитет, поэтому новые кадры быстрее будут адаптироваться к потребностям рынка;

3) поскольку модернизирующаяся экономика требует неоднократного повышения квалификации, переквалификации и т. д., процесс образования должен быть практически непрерывным, т. е. мотивированным для специалиста и привлекательным, а это станет возможным в связи с тем, что российский студент получает возможность: сочетать обучение в нескольких (в т. ч. зарубежных) вузах, продолжить образование после бакалавриата в известных европейских университетах, повышать квалификацию за рубежом и т. д.;

4) вхождение в европейское образовательное пространство с необходимостью приведёт к модернизации самого российского образования в соответствии с мировыми стандартами: использованию инновационных технологий обучения и развитию соответствующей научной, материально-технической базы учебных заведений; внедрению универсальных зачётных единиц (ECTS), кредитно-модульной и балльно-рейтинговой систем и т. д. и т. п. Всё это позволит осуществлять принципиально иную подготовку российских специалистов, соответствующих новой информационной эпохе;

5) с вхождением в общеевропейское образовательное пространство связывалась надежда на вхождение в общеевропейский рынок, поскольку наше новое поколение специалистов, «по-европейски образованное и подготовленное», сможет не только модернизировать российскую экономику изнутри, но и сопрягать её

с европейским экономическим пространством.

Попробуем посмотреть на эти радужные ожидания через призму первых практических результатов.

Во-первых, согласно данным статистики, численность россиян, выезжающих за рубеж для получения образования, растёт с заметным ускорением: если в 2004 году выехало на обучение 26 500 россиян, то в 2006 году – уже 42 900 человек (более «свежие» статистические данные не найдены).

Во-вторых, как показывают исследования и собственная наша вузовская практика, за рубежом уезжают учиться лучшие – получающие или получившие отличное образование в «родных стенах».

В-третьих, обучение за рубежом сами выезжающие рассматривают, главным образом, как возможность трудоустройства на Западе.

Следовательно, ожидаемый результат – появление, как я их называю, «новых невозвращенцев». Специальный опрос показал: только 6% респондентов намерены трудиться на родине, причём при соблюдении обязательных условий возвратной миграции, таких как: высокая зарплата, наличие высококлассной профессиональной среды, возможность международных контактов и зарубежных поездок, доступ к современному оборудованию и др., т. е. им нужно всё то, что в нашей стране практически неосуществимо.

Мы можем предполагать, что Россия вступает во вторую крупномасштабную волну «утечки умов» после первой (перестроечной), когда из страны валом уезжали наиболее профессиональные кадры и специалисты.

Таким образом, на сегодняшний день первый этап реформирования образования в обозначенном аспекте приносит только ощутимые потери, в том числе и финансовые. По данным А. Фараносова, общие потери от «утечки мозгов» составляют ежегодно около 3–4 миллиардов долларов. Объясняется это тем, что на подготовку одного специалиста мирового класса Московский государственный университет тратит около 400 тыс. долларов. Эта сумма складывается прежде всего из затрат на образование будущих учёных, государственных затрат на оснащение лабораторий, на приобретение оборудования, а также от потери того вклада, который специалисты могли бы сделать для развития науки, производства и страны в целом. Колоссальные расходы государство несёт также при такой «внутренней» утечке мозгов, когда российский специалист живёт в России, но работает на западные компании или

по международным грантам. Потери от такого сотрудничества ежегодно составляют около 600–700 миллионов долларов в год¹.

Но, может быть, такие негативные результаты связаны с кратковременностью функционирования нашей реформированной системы образования и в будущем всё наладится?!

Для ответа на этот вопрос мы можем обратиться к практике самой Европы.

Одной из причин (а может быть главной) введения бакалавриата в Европе была необходимость решать свои демографические проблемы: старение общества ставило задачу привлечения молодых трудовых ресурсов из-за рубежа и ускоренную подготовку профессиональных кадров из иммигрантов для европейской экономики.

Как отмечают специалисты по образованию (и европейские, и российские), переход к двухуровневой системе образования с целью более быстрой и практически ориентированной подготовки кадров не приносит желаемого результата. А именно: узкопрофессионально подготовленный бакалавр в современных условиях ускоряющегося в геометрической прогрессии «устаревания знаний и компетенций» оказывается не способен самостоятельно «переучиваться», а переквалифицировать его каждые два года за счёт государства или бизнеса нереально и накладно.

Недаром наиболее авторитетные и всемирно известные университеты Европы не подписали Болонской Конвенции, и сейчас при подведении итогов её реализации, по словам министра образования университетов и исследований Италии г-жи Марии Стеллы Джельмини, введение трёхлетнего бакалавриата создало определённые проблемы качества специалистов: уровень их подготовки таков, что они не могут себя найти в науке и экономике, и промышленность Италии сегодня уже начала ощущать дефицит инженерно-технических кадров. И такое отношение к Болонскому процессу разделяют другие страны Европы (по материалам пресс-службы Российского Союза ректоров. О посещении с визитом МГУ г-жи М. Джельмини. 23.03.2011).

Это, так сказать, оценка «сверху»: со стороны государства, осуществляющего реформирование образования. Позиция же снизу гораздо более активно-негативная. В конце апреля 2009 года встреча министров образования стран Европы, собравшихся в бельгийском городе Новый Левен для обсуждения дальнейшего хода Болонского процесса, была отмечена волной студенческих протестов. Акции протеста против

реформы прошли не только в Германии, но и в Бельгии, Испании, Австрии и Франции. «Антиболонская» лихорадка захлестнула всю Европу².

От себя прибавим, что негативные последствия понижения качества подготовки кадров в России проявляются более резко, поскольку в той же Италии (откуда родом Болонская система) между ШКОЛОЙ и ВУЗОМ есть одна промежуточная *обязательная* ступень – КОЛЛЕДЖ, но даже это обстоятельство не позволило нейтрализовать сокращение сроков подготовки специалистов. Недаром ректор МГУ Виктор Садовничий не раз говорил, что, приняв Болонскую модель образования, мы «готовим лаборантов для Запада».

Можно, конечно, с целью конкретизации истины отметить, что этот опыт Европы в данном случае не имеет для нашей страны «прямого указания», поскольку наша экономика находится в настоящее время в состоянии «догоняющей» (Европу) модернизации, а следовательно, и последствия от неё должны быть иными.

Исходя из этой, верной в целом посылки, естественно обратиться к опыту страны, доказавшей всему миру успешность своего пути «догоняющей» модернизации. Речь идёт о Китае. Эта аналогия тем более значима для России в силу целого ряда причин: однотипность моделей экономики в наших странах перед началом реформирования (плановая, на основе государственной собственности и централизованного управления); однотипность политической и социальной системы (правящая роль коммунистической партии, социальные гарантии со стороны государства и т. д.), однотипность (что особенно важно для предмета нашего рассмотрения) системы образования в наших странах (массовый характер образования, ориентация на всеобщую грамотность, позже – профессиональную подготовку всех членов общества, полное огосударствление системы обучения и воспитания, подготовки и распределения кадров через централизованное управление на основе 5-летнего планирования, официальной идеологии, трудового и патриотического воспитания; фундаментальность и всесторонность образования, включающая гуманитарный, естественнонаучный, технический и др. циклы).

Не случайно поэтому и в реформировании системы образования в Китае и в России, принимаемой с целью модернизации стран в целом, есть много совпадений. Последние вызваны не только указанной выше «однотипностью» систем образования в наших странах, но и той

прогнозируемой моделью (западной), которая была принята за некий образец.

В 1993 году ЦК КПК и Госсовет Китая приняли «Программу реформ и развития образования» (Проект-211). В ней чётко была сформулирована задача высшего профессионального образования – готовить специалистов для XXI века: информационного общества, основанного на современной науке и высоких технологиях.

С этой целью, во-первых, была проведена реструктуризация вузов: 637 вузов Китая были объединены в 270 многопрофильных институтов и 83 комплексных университета, т. е. сформировались 2 основные модели – научно-исследовательские университетские комплексы широкого профиля (см. Пекинский) и специализированный научно-исследовательский университет. Во-вторых, была проведена оценка приоритетности вузов с выделением 100 университетов, которым был дан статус «передовых». Им было увеличено финансирование из госбюджета на повышение качества преподавания и научных исследований. В-третьих, были изменены взаимоотношения «государство-вуз», а именно регулирующие функции государства ограничивались, а вместе с этим сокращались его финансовые обязательства по отношению к вузам. Последним, в свою очередь, предоставлялось больше автономии.

На следующем этапе в начале XXI века был издан «Проект-985», который предусматривал дальнейшее увеличение финансирования на реформирование образования, реорганизацию университетов, а также установку на многокритериальную оценку их деятельности. Это было реакцией на изменение социально-экономической ситуации в стране. В образование пришли рыночные термины: студенты – это потребители образовательных услуг, поступление в университет – покупка доступа к этим услугам, отсюда и хорошо известное нам, россиянам, следствие: «покупка» диплома стала важнее приобретения знаний, а многие колледжи, институты стремились любой ценой повысить свой статус и стать «университетами». Рыночный спрос породил скачок приёма на специальности – экономика, менеджмент, юриспруденция, иностранные языки, а это, в свою очередь, привело к сокращению приёма в медицинские, педагогические, институты культуры, сельхозвузы.

Вместе с резким ростом числа людей с дипломами о высшем образовании (в 2009 году в вузы КНР поступило более 20 млн. человек, т. е. больше, чем в любой другой стране мира) зна-

чительно увеличилась и безработица среди выпускников вузов. В 2008 году уже около четверти их не могли найти работу³.

Основные причины этого: «массовизация» и «коммерциализация» образования. Первое проявилось в том, что уже к 2009 году 24,2 % трудоспособного населения «превратились» в студентов, а второе, т. е. стремление университетов делать ставку на коммерческих студентов «любой ценой», привело к снижению уровня образования и распаду системы государственного распределения выпускников.

Не миновала Китай и такая проблема, как «утечка мозгов»: с 1978 года по 2009 год на учёбу за границу выехало 1,62 млн человек, а вернулось около 500 тысяч.

Можно было и далее продолжать список негативных последствий, имеющих общий характер для КНР и РФ в результате реформирования образования, но мы вернёмся к ранее поставленному вопросу: почему при всей схожести этих процессов модернизация в Китае осуществляется успешно, а в России – далеко не так?

Первое объяснение, на наш взгляд, связано с тем, что государство Китая быстро и оперативно (в отличие от российской власти) реагировало на отрицательные проявления проводимых реформ. А именно: крупными правительственными инициативами, нацеленными на решение проблемы безработицы выпускников вузов, стали проекты 2003 года и 2005 года. Первый проект «Волонтёрская программа выпускников, отправляющихся на западные территории» охватил к 2006 году около 200 тыс. человек, которые уехали поднимать бедные и неразвитые западные регионы страны. Второй проект «Программа служения выпускников на низовом уровне» был нацелен на распределение выпускников в уезды, посёлки и маленькие города.

Ежегодно, согласно статистике, более 20 тыс. выпускников присоединяются к этому проекту. Какова их мотивация? После 2–3 лет работы на низовом уровне они получают не только практический опыт (так значимый для работодателя), но и преимущества при поступлении в магистратуру или докторантуру. Кроме того, в 2007 году Постоянный комитет ВСНП «призвал считать главным показателем деятельности правительства низкий уровень безработных в стране»⁴. Была разработана национальная платформа общественного обслуживания для выпускников вузов. Платформа является координационным центром, созданным в Министерстве образования для работы консультационных служб по

трудоустройству, а местные власти (провинций) взяли на себя переговоры с предприятиями о предоставлении практикантских мест для выпускников сроком до полугода с выплатой вознаграждения. В результате 50 % «устроенных на практику» выпускников получали постоянную работу.

Более того, чтобы уменьшить стоимость поиска работы для окончивших вузы, Министерство образования совместно с другими министерствами (торговли, промышленности, информации, здравоохранения и др.) проводит онлайн-кампании для выпускников. Например, в 2009 году было проведено 15 таких кампаний. Также представители министерств и местных властей проводят ЕЖЕМЕСЯЧНЫЕ совместные мероприятия по разрешению проблем трудоустройства. И это далеко не всё.

Таким образом, государство отнюдь «не сбросило» с себя ответственность за трудоустройство выпускников, несмотря на имеющиеся рыночные механизмы регулирования этого процесса.

В свою очередь, и сами высшие учебные заведения занимают активную позицию в решении обозначенной проблемы. Один пример: Китайский народный университет ежегодно проводит около 200 мероприятий для предприятий и учреждений по набору кадров, выпускает около 5000 буклетов с информацией по трудоустройству, организует порядка 100 семинаров, рассылает до 2000 писем работодателям и выдаёт около 7000 рекомендаций (сайт Китайского народного университета). При университетах работают карьерные центры, устраивающие ярмарки вакансий, семинары, стажировки, практики и т. д.

Другое направление деятельности государства по корректировке отрицательных последствий реформирования образования связано непосредственно с *управлением самими вузами*.

На первом этапе реформирования (с 70-х годов XX века до конца XX века) государство шло по пути расширения самостоятельности учебных заведений и маркетизации высшего образования, т. е. внедрения рыночных принципов и рыночных механизмов в эту сферу. Это проявилось в том, что вузы получили право набирать коммерческих студентов: сначала 25–30 % от общего набора, потом пошло повышение их доли, и с 1980 года появились «коммерческие» университеты.

В 1982 году началось экспериментальное внедрение контрактного найма на работу (вме-

сто прежнего государственного распределения), при котором работодатель и выпускник вуза заключали трудовой договор, основываясь на собственном выборе. Уже в 1985 году с принятием Постановления ЦК КПК «О реформе структуры образования» такая практика распространилась по всему Китаю и в 1996 году трудовые договоры данного типа были *официально введены* по всей стране.

Ещё более значительную самостоятельность вузы получили с 1993 года согласно «Программе реформы и развития образования», где на правительство возлагался контроль на макроуровне, а университетам разрешалось «лучше реагировать на запросы общества» путём изменения образовательного процесса и изыскания дополнительного финансирования, главным источником которого стал не только набор коммерческих студентов, но и сотрудничество с предприятиями по осуществлению совместных проектов. И последнее *первоначально* дало положительный результат. Однако совместные проекты с предприятиями были построены на задействовании преподавательского состава и всё более снижающемся государственном финансировании вузов. Это привело к тому, что преподаватели стали большую часть времени и сил тратить на «дополнительные заработки», отвлекаясь от преподавания и научно-исследовательской работы. Это, в свою очередь, привело к снижению качества образования и, как следствие, породило уже недовольство китайских работодателей.

Более того, бизнес, как известно, заинтересован в проектах, которые дают быструю окупаемость, отсюда был ориентир на прикладную науку, а это снижало финансирование и приток студентов в фундаментальные науки. Финансирование образования вместо запланированных в 1993 году 4 % ВВП стало сокращаться и составило менее 3 % к 2009 году. С другой стороны, расширение платного обучения привело к общественной проблеме: его недоступности для китайца со средним уровнем доходов (1996 год – среднегодовой доход городской семьи составлял 4845 юаней, а платное образование – от 900 до 5000 юаней). Социальное неравенство в доступности образования привело не только к расслоению населения, но и различиям в развитии регионов.

Реакция на эти отрицательные последствия со стороны государственной власти страны была почти незамедлительной. Уже в 1985 году вышло Постановление, где главной задачей реформирования провозглашалось повышение

«качественных характеристик», и началась разработка программы «*качественно ориентированного воспитания*». В частности, в 1993 году был принят «Общий перечень» для высшего образования уровня бакалавриата: 10 категорий дисциплин, 71 специальность, по которым распределялось 504 программы. Это была реакция на чрезмерную «специализацию» дисциплин, которую осуществляли вузы с ориентацией на конъюнктурный спрос и выбор студента.

Другой проект Госсовета и ЦК КПК в 1993 году был ответом на субординацию вузов, появившуюся как результат конкуренции между ними (а также внутри них – между факультетами, кафедрами, людьми) по законам рынка. Согласно этому проекту, к 1998 году было отобрано 100 вузов-лидеров, которые получали дополнительное финансирование из центрального бюджета на повышение качества образования и научных исследований.

В 1998 году был запущен новый проект по отбору ограниченного числа университетов, которые бы вошли в число мировых лидеров при их усиленном финансировании из центрального и провинциальных бюджетов. Вложения составляли 18,3 и 18,4 млрд юаней в течение 9-й (1996–2000 годы) и 10-й (2001–2005 годы) пятилеток. Был создан «новый элитизм» высшего образования⁵.

Сложившаяся иерархия вузов (5 уровней) стала значимой не только для абитуриентов, но и работодателей: более высокий статус учебного заведения приносит больше шансов при трудоустройстве.

Другим объяснением более эффективного проведения реформирования высшего образования в Китае по сравнению с Россией является то, что стратегия образовательных реформ в КНР разрабатывалась и совершенствовалась с учётом ошибок прежних десятилетий и на основе преемственности. Хотя начальный старт преобразований в Китае был несравненно ниже, чем в России, а именно: согласно 3-й Всекитайской переписи населения 1982 года, в стране было 230 млн неграмотных и малограмотных, а высшее образование имело 1,6 % населения⁶. Китай ввёл бакалавриат и магистратуру ещё в 1980 году («Положение о присуждении учёных степеней»). Но это был совсем не «тот» бакалавриат, что в Европе и в России! Поскольку в КНР большинство вузов являлось специализированными и краткосрочными (2–3 года обучения), то по сути ничего, кроме названия (бакалавриат), не изменилось, но это был первый шаг к выходу

китайских специалистов на международный рынок образовательных услуг и адаптации западной модели образования к *своим* потребностям.

Только на рубеже веков были кардинально пересмотрены взаимоотношения государства и учебного заведения – роль первого ограничивалась регулированием на макроуровне и сокращались его финансовые обязательства, и соответственно возрастала относительная автономия вуза с законодательно закреплённым статусом юридического лица. А именно: вузы КНР получили право решать многие вопросы учебной работы, как то: приём абитуриентов, определение структуры учебных, научных и административных подразделений, регулирование номенклатуры факультетов и специальностей в вузах, корректировка учебных планов и отбор учебников из государственного комплекта, кадровые вопросы (назначения, увольнения, регулирования ставок), финансовые проблемы (изыскание дополнительных ассигнований и распределение имеющихся) и т. д. Иначе говоря, это все те привилегии вуза, которые нам, россиянам, хорошо известны на сегодняшний день по собственному опыту. Но, особо подчеркнём, во-первых, данная автономия вуза была результатом *постепенного* 20-летнего пути преобразований высшей школы; во-вторых, расширение автономии вузов сопровождалось усилением контроля за их деятельностью со стороны общественного надзора и формированием механизмов *самоограничения*; в-третьих, сохранялась *традиционная* патерналистская роль государств в управлении вузами.

Иначе говоря, реформирование образования было естественным компонентом модернизации всего общества в соответствии с концепцией китайского социализма, а следовательно, и создание современного учебного заведения мирового стандарта имело китайскую специфику. И это третье объяснение успеха китайских реформ образования.

Вот только один пример. С начала XXI века государство перенесло внимание на *доступность* (!) высшего образования для всех слоёв населения, оказывая поддержку вузам в районах проживания национальных меньшинств, а также помощь студентам нуждающихся регионов и выходцам из малообеспеченных семей. Программа создания *новых вузов* в западных регионах должна была равномерно распространить ВПО по территории страны. Это, естественно, потребовало дополнительных немалых усилий со стороны государства: к ранее существующей дотации

развития образования за счёт бюджетных субсидий депрессивных регионов присоединились новые меры. Среди них: в связи с введением (постепенным!) с 1994 года платного образования государство увеличило *гарантированный фонд* для вузов западных провинций для развития как образования, так и науки. Далее, крупным вузам (центра и восточных регионов) государство предписывало устанавливать связь с вузами менее развитых провинций с целью оказания последним помощи в технической реконструкции образования, формирования многоступенчатой системы подготовки специалистов, развития дистанционного обучения за счёт создания единой вузовской информационной сети западных провинций, а также ведущим вузам предписывалось осуществлять целевой набор из этих провинций (5% от общего количества).

В результате проводимой государством политики в 2002 году 14 престижных вузов страны участвовали в этом проекте помощи западным провинциям. А одна из целей этого проекта – открытие университета в каждой западной провинции. Более того, Закон о высшем образовании стимулировал привлечение в эти провинции специалистов, получивших подготовку за рубежом путём предоставления возвратных займов, субсидий, а также осуществления программы «работа за обучение». Для этих целей был создан специальный фонд, для которого в роли «доноров» выступают предприятия, фирмы, индивидуальные предприниматели⁷.

Другой «китайской спецификой» современного вуза КНР является сохранение непреложной связи обучения с воспитанием, основная роль которого – формирование патриотизма и коллективизма. Причём остаются незыблемыми традициями изучение идей Мао Цзэдуна (правда, в новой интерпретации) и теории Дэн Сяопина. Всё это заложено в Законе об образовании, где закреплена правовая основа социалистического характера системы образования, руководящей роли идей марксизма-ленинизма, Мао Цзэдуна и т. д.

Традиционное органично (как прошлое и настоящее в жизни каждого человека) сочетается с современными требованиями к воспитанию будущих китайских специалистов: формирование научного мировоззрения, развитие правового сознания, способность к независимому мышлению, сознательное участие в международном сотрудничестве и конкуренции и т. п. Эффективность воспитательной работы в целом и патриотического в частности доказывается тем

вкладом, который вносят китайские эмигранты в модернизацию Китая (по некоторым данным от 60 до 80% от всех инвестиций). Это ещё и реэмиграция китайцев для непосредственного участия в экономическом подъёме Китая путём создания инновационных компаний и фермерских хозяйств, участия в управлении и народном образовании. В этом плане для нас интересен и важен следующий факт: 60–80% профессорско-преподавательского состава ведущих вузов страны и учёных – это реэмигранты (см. об этом подробнее: Афонасьева, А. В. Экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.) : автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата экономических наук. М., 2012).

И последнее. Согласно широко известному афоризму, умный учится на чужих ошибках. Наверное, не менее умным можно считать и того, кто учится на чужом положительном опыте.

В нашей стране широко дискутировались плюсы и минусы вступления России в ВТО, и главным образом, экономические последствия этого. Но вот последствия этого шага для образовательной сферы практически не обсуждаются даже в вузовской среде.

Вместе с тем, вступая в ВТО, любое государство должно внести изменения в национальную образовательную политику для *обеспечения свободной регуляции импорта и экспорта образовательных услуг* другими государствами-участниками ВТО, в том числе и ДИСТАНЦИОННЫМИ. Таким образом, правительства стран ВТО обязаны разрешить «свободный доступ» на свой внутренний рынок иностранным поставщикам и гарантировать отсутствие дискриминации между отечественными и иностранными поставщиками образовательных услуг. Нетрудно понять, почему правительства разных стран видят в этом «образовательную агрессию» стран Запада.

И опять же, КНР проводила определённую *подготовку* национальной системы образования к вступлению в ВТО. Начиная с 1998 года было принято несколько правительственных документов, направленных на реформирование тех образовательных услуг, которые в первую очередь используются ВТО, а именно: дистанционное обучение, обучение за рубежом, международные академические обмены, получение образовательных услуг иностранных вузов на территории своей страны. Не будем здесь подробно останавливаться на рассмотрении каждой из этих форм (см. об этом: Смолькова, Е. А. Реформа образовательного рынка КНР после всту-

пления в ВТО. – Сотрудничество России и КНР в сфере образования: анализ прошлого и перспективы будущего. М., 2009), но отметим только следующее обстоятельство. По известным причинам наиболее уязвимым с точки зрения конкуренции является дистанционное обучение, которое в странах завершённой модернизации находится на другом, более высоком уровне. Китаем были предприняты серьёзные попытки по созданию в течение трёх лет в начале XXI века современной системы дистанционного обучения. Крупными университетами Китая была разработана и введена в действие Китайская образовательно-исследовательская сеть «The Chinese Education and Research Network»(CERNET). На настоящий момент эта сеть связывает с глобальным интернетом *все* вузы и учебные заведения страны!

Однако Китай, чтобы сохранить инфраструктуру отечественного дистанционного образования, сумел договориться со странами ВТО *не открывать* внутренний рынок образовательных услуг дистанционного обучения для иностранных вузов. Вместе с тем, китайский студент может самостоятельно обучаться в иностранном вузе через Интернет, а государство оставило за собой право создания новых образовательных институтов в сотрудничестве с иностранными учреждениями.

Подведём итоги. Реформа высшего образования в Китае осуществляется намного успешнее, чем в России, хотя и имеет много общего в содержании самих проводимых реформ.

Эффективность реформирования образования в КНР подтверждается, во-первых, тем, что образование выполняет свою роль главного фактора модернизации экономики и общества в целом; во-вторых, вхождением Китайской Республики не только в мировое экономическое, но и образовательное пространство в качестве признанного субъекта.

В чём основные причины успешности реформирования высшего образования в КНР?

Первое. Это модернизация без вестернизации, т. е. осуществление реформирования на основе своих традиций, имеющегося исторического опыта и национальных интересов страны. Это вовсе не исключает заимствования чужого опыта, но при обязательной адаптации его к вышеназванным основам. Как пишут китайские специалисты, «изучая зарубежные педагогические течения, надо соединять их с нашей действительностью, помнить, что практика – единственный критерий истины»⁸.

Если же с этой позиции оценить российскую практику модернизации высшей школы, то самое главное и принципиальное отличие образовательных реформ двух стран китайские коллеги (а со стороны, как говорится, виднее) видят в том, что Россия в этой сфере (как и во всех других) пошла по пути радикальных преобразований, постепенно приходя к «отрицанию отрицания», в то время как спецификой китайской реформы явилась последовательность и постепенность⁹.

Второе. На всём историческом протяжении (с 80-х годов XX века до н. в.) реформирования образования в КНР сохранялись:

а) официально принятая концепция реформы на основе государственной идеологии социализма с китайской спецификой;

б) единый субъект управления процессом реформирования – государство под руководством КПК.

Первое (а) позволяло оценивать каждый шаг проводимых преобразований с выявлением плюсов и минусов, второе (б) – быстро реагировать на эти оценки с целью закрепления положительного и нейтрализации отрицательного.

Если опять же со стороны китайских специалистов оценить опыт нашей страны в данном аспекте, то они отмечают, что из-за борьбы группировок, отражающих различные интересы (реформаторов, консерваторов, контрреволюционеров и пр.), реформы образования в России обернулись «если не трагедией, то серьёзной проблемой»¹⁰.

Другой нерешённой проблемой России, по мнению китайских теоретиков, можно считать необходимость восстановления целостной системы государственного воспитания, роль которого в Китае оценивается как доминирующая, в то время как семейное воспитание имеет, по их мнению, лишь вспомогательную роль.

В-третьих, с позиции стороннего, но не равнодушного наблюдателя, наши китайские партнёры считают, что государство в России чересчур устранилось из системы образования, гораздо в большей степени, чем даже в США.

Третье. Самое удивительное и вместе с тем самое обидное для нас, россиян.

Один из выводов, сделанных российскими и китайскими специалистами при сравнительном анализе образовательных реформ в России и Китае⁹, сводился к тому, что достижения КНР в модернизации образования за последние три десятилетия не в последнюю очередь объяс-

няются успешным применением зарубежного, и главным образом, советского опыта, с одной стороны, и внимательным и критическим отношением к современным российским действиям в сфере образования, с другой стороны.

И опять же, если обратимся к оценке этой ситуации со стороны китайских коллег, то встретим их неприятие «антиисторического» отрицания любых достижений советской системы образования в 90-е годы. А в 2001 году те же китайские аналитики с удовлетворением констатировали, что руководство новой России, наконец, признало, что это была неплохая система образования¹¹.

Вместе с тем, китайские коллеги выражают всемерную готовность к дальнейшему развитию взаимовыгодного сотрудничества и обмену опытом в сфере как образования, так и науки и техники.

Примечания

¹ См.: Фараносов, А. Проблемы «утечки мозгов» из России // International Journal of Russian Studies. Issue 1 (2008 / 1). URL : <http://www.radtr.net/dergi/sayi1/faranosov.htm>.

² См.: Капустина, О. Студенты в Германии недовольны Болонским процессом. URL : www.dw-world.de/dw/article/0,,4226971,00.html.

³ См.: Сидорова, А. Проблемы безработицы среди выпускников вузов КНР в свете реформы высшего образования // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 4. С. 140.

⁴ Там же. С. 150.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ См.: Боровская, Н. Е. Особенности реформирования высшей школы КНР на рубеже XX–XXI вв. // Материалы III Российско-Китайской конференции «Двустороннее научно-образовательное сотрудничество вузов России и Китая». М., 2009. С. 35.

⁷ Там же. С. 48–49.

⁸ Цит. по: Сотрудничество России и КНР в среде образования : анализ прошлого и перспективы будущего. Ч. I. М., 2009. С. 72.

⁹ См.: Россия и Китай : образовательные реформы на рубеже XX–XXI вв. Сравнительный анализ / под ред. Н. Е. Боровской, В. П. Борисенкова, Чжу Сяомань. М., 2007. С. 53–54.

¹⁰ Цит. по: Сотрудничество России и КНР в среде образования... С. 100.

¹¹ См.: Сотрудничество России и КНР в среде образования... С. 99.

А. Л. Пастухов

УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ В ОБРАЗОВАНИИ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Статья посвящена исследованию международного опыта управления знаниями в сфере образования и развитию системы управления ими в России на его основе. В ней рассмотрены тенденции развития управления знаниями, принципы и методы управления ими и основные проблемы внедрения системы управления знаниями в образовательных учреждениях.

Ключевые слова: управление знаниями, образование, международный опыт, тенденции, принципы и методы управления знаниями.

Впервые термин «управление знаниями» (англ. Knowledge Management) применил специалист по искусственному интеллекту, управленческий консультант Карл Вииг в 1986 году на сессии Международной организации труда при ООН.

Согласно его представлениям, для эффективной работы любой организации нужны три компонента: сотрудники, технологии, производственные процессы, а управление знаниями реализуется в двух направлениях:

- повышение эффективности работы персонала за счет более полного и качественного использования их интеллекта и опыта (знаний);
- приумножение знаний, через процесс создания нового знания и обучения персонала.

В соответствии с его определением, изложенным в книге «Основы управления знаниями», знания состоят из истин и представлений, точек зрения и концепций, суждений и предложений, методологий и ноу-хау. Мы накапливаем знания, организуем их, интегрируем и храним в течение долгого времени, для того чтобы применить их к конкретным ситуациям или проблемам. Информация состоит из фактов и данных, описывающих отдельную ситуацию или проблему. Мы последовательно применяем знания для интерпретации имеющейся информации по отдельной ситуации и для принятия решения о том, как к ней подходить¹.

При этом управление знаниями должно базироваться на четырех принципах:

- 1) фундамент управления знанием состоит из того, как создается знание, как оно используется при решении проблем и принятии решений, как оно проявляется познавательно в технологиях и процедурах;
- 2) необходимы постоянные исследования знания;

3) необходима оценка знания для каждого бизнеса до начала, в процессе и после окончания;

4) необходимо активное управление знанием на всем жизненном цикле организации, на всех стадиях жизненного цикла товара и инноваций².

В настоящее время Карл Вииг выделяет три основных направления, по которым развивается теория и практика управления знаниями на Западе:

– ИТ – доминирующий подход, рассматривающий управление знаниями, прежде всего, как управление информационными потоками, создание информационных систем, обеспечивающих повышение скорости, качества и эффективности сбора, хранения, обработки, распределения информационных потоков и передачи информации;

– организационные подходы к обучению и обмену информацией, в том числе обмен опытом и знаниями на предприятиях и в рамках сообществ практики, а также информатизация образования и создание открытых университетов, смарт-кампусов, использование вебинаров в корпоративном обучении;

– создание и развитие интеллектуального капитала, включающее в себя разработку и патентование новых знаний, формирование нематериальных активов организаций.

При этом следует обратить внимание на четыре важных элемента диагностики знаний для эффективного и системного управления знаниями:

- влияние качества умственного труда персонала организации на ее эффективность;
- механизм стимулирования персонала в организации;
- характер ведения интеллектуальной деятельности персонала в организации;

– реальная альтернативность и коллективность принятия управленческих решений.

Систематический обмен знаниями становится все более развитым во всем мире, в том числе в форме сообществ практики, конференций, выставок, коллективного принятия решений. Исследования показывают, что от системы управления знаниями менеджмент организаций ожидает повышения производительности труда, эффективности принятия управленческих решений, улучшения обслуживания клиентов и инноваций.

Крис Коллинсон и Джефф Парселл в книге «Учитесь летать: практические уроки по управлению знаниями от лучших научающихся организаций», написанной на основе работы в компании «ВР», предложили модель управления знаниями, включающую в себя такие взаимосвязанные процессы, как:

- обучение;
- фиксация и передача знаний;
- применение знаний в текущей деятельности.

При этом этап обучения включает в себя:

– «обучение до», то есть изучение всей имеющейся в открытом доступе информации по какому-либо вопросу или проблеме;

– «обучение в процессе», то есть периодическое исследование совершаемых действий, саморефлексия;

– «обучение после», то есть исследование, анализ и оценка полученных результатов.

Этап фиксации и передачи знаний включает в себя формализацию полученного знания для получения возможности многократного применения, а также проверку полученных новых знаний на практике, их отбор и практическое внедрение.

При этом Крис Коллинсон и Джефф Парселл обращают внимание на необходимость формирования в организации культуры обмена знаниями, которая включает в себя следующие элементы:

– самообучение и непрерывное обучение персонала;

– благоприятная корпоративная культура, способствующая обмену знаниями;

– потребность в новых формах и методах обучения и новой информации;

– внедрение новых форм и методов обучения³.

Лиза А. Петридес и Тэд Р. Нодайн из Института по изучению управления знаниями в области образования (США) считают, что работни-

ки образовательных учреждений используют инструменты управления информацией уже в течение многих лет для улучшения эффективности административных услуг и эффективности учебных программ. Однако, по их мнению, практика управления информацией в области образования длительное время была сосредоточена в основном на технических системах, используемых для сбора, организации и распространения в пространстве организации количественных данных в таких областях, как финансовое планирование, бухгалтерский учет и регистрация, и это не полностью соотносится с процессом управления знаниями.

По их сведениям, все больше законодательных собраний штатов в США, попечители, администраторы, учителя, преподаватели, родители и студенты начали искать учебные заведения с лучшими результатами от обучения или, по крайней мере, те, которые могут продемонстрировать лучшее измерение результатов образования. Поэтому учебные заведения стали вкладывать средства в технологии, позволяющие генерировать данную информацию. Некоторые колледжи получили возможность развивать дорогие и сложные технологические системы, которые позволяют отделам обмениваться информацией в режиме реального времени через веб-интерфейс системы, хотя и не всегда публикуют информацию, позволяющую оценить качество образования. Подобные ситуации имели место в учебных заведениях, где учителя не были заинтересованы в знаниях интересов студентов и обмене опытом. Авторы исследования констатируют, что многие школы, колледжи и университеты вкладывают миллионы долларов в информационные технологии, не учитывая, как их можно эффективно интегрировать в совместное принятие решений для повышения качества образования и планирования, в систему вовлечения преподавателей и студентов, в менеджмент учебного процесса и администрирование образовательного учреждения.

С другой стороны, многие школы, колледжи, университеты успешно продвигаются в разработке «информационной культуры», но отстают в развитии «технологической культуры»⁴.

Джиллинда Дж. Кидуэлл, Карен М. Вандер Линд, и Сандра Л. Джонсон в работе «Практики применения управления знаниями в сфере высшего образования» указывают на то, что основные формы управления знаниями в образовательных учреждениях связаны с внедрением новых информационных систем и техноло-

гий, в том числе, связанных с использованием сети Интернет, Интранет, системы **Smart campus**. Однако, по их данным, в настоящее время только 6 % исследованных образовательных учреждений используют систему управления знаниями полноценно. При этом основными задачами применения управления знаниями остаются повышение скорости и качества анализа и хранения данных, а также сокращение организационных издержек.

Основной пользой внедрения управления знаниями в образовательных учреждениях для исследования процессов деятельности организации Джилинда Дж. Кидуэлл, Карен М. Вандер Линд, и Сандра Л. Джонсон считают:

- повышение конкурентоспособности;
- сокращение затрат времени на исследование;
- улучшение качества образовательных услуг и эффективности образовательных учреждений;
- сокращение административных расходов.

В рамках образовательного процесса, по их представлению, управление знаниями может обеспечить:

- повышение качества учебных программ путем выявления и привлечения лучших из них и мониторинга результатов;
- повышение скорости пересмотра учебных планов и их обновления;
- улучшение административных услуг, связанных с преподаванием и обучением с применением современных технологий;
- повышение уровня оперативности путем мониторинга и включение уроков, извлеченных из опыта коллег и студентов;
- возможность внедрения междисциплинарного подхода к разработке и реализации учебных программ с преодолением организационных границ между подразделениями и кафедрами учебного заведения.

В аспекте повышения качества корпоративной культуры управление знаниями может способствовать:

- улучшение условий труда преподавателей и сотрудников;
- улучшение услуг для выпускников и организаций-партнеров;
- повышение уровня взаимодействия преподавателей, вспомогательного персонала, студенческих служб персонала.

С точки зрения повышения эффективности администрирования управление знаниями позволяет:

- повысить децентрализацию в управлении;
- повысить уровень интеграции различных мероприятий административной политики;
- повысить уровень оперативности и связи⁵.

С точки зрения корпоративного администрирования представляет научный интерес материал Министерства науки, технологий и инноваций Дании, подготовленный начальником отдела управления знаниями Рене Б. Бертрамсенем.

Целями датской системы образования в сфере управления знаниями указываются: поддержка структурных изменений в датской экономике, развитие организационного творчества, повышение качества знаний преподавателей и уровня обучения.

Методами управления знаниями на национальном уровне указываются:

- интеграция разнообразия систем знаний;
- межсекторальная интеграция в разработке политики администрирования;
- развитие частной инициативы и научных исследований.

При этом под формами межсекторального сотрудничества понимаются:

- развитие бизнеса и промышленного производства в качестве неотъемлемой части университета;
- коллегиальное избрание руководителей на основе профессиональной компетенции;
- реформа образования подготовки бакалавров и магистров;
- более высокие требования к поступающим студентам и снижение количества отчислений из вуза.

Кроме того, результатами управления знаниями являются:

- развитие самоуправления и автономии с помощью профессиональных руководств и повышения экономической ответственности;
- создание новых институциональных механизмов и методов администрирования⁶.

Следует отметить, что, согласно опросу, проведенному компанией International Data Corporation (IDC), о состоянии управления знаниями в организациях задачами его применения являются:

- сохранение знаний персонала (51,9 %);
- повышение удовлетворенности клиентов (43,1 %);
- повышение прибыли, рост доходов (37,5 %);
- поддержка электронных деловых инициатив (24,7 %);

– сокращение цикла разработки продукта (23,0 %);

– обеспечение условий реализации проектов (11,7 %) ⁷.

Основными методами управления знаниями, выявленными в процессе исследования Ф. Баутхильер и К. Ширер, являются такие методы (мероприятия), как:

– функционирование сообщества практики;

– создание баз знаний;

– информационный обмен в форумах в сети Интернет;

– экспертиза баз данных;

– проведение телеконференций;

– использование Интернет-рассылки ⁸.

А основными препятствиями для реализации внедрения системы управления знаниями были указаны такие причины, как:

– недостаток времени у сотрудников для реализации мероприятий по управлению знаниями (41,0 %);

– наличие корпоративной культуры в организации, препятствующей обмену знаниями и опытом (36,6 %);

– отсутствие понимания системы управления знаниями (29,5 %);

– сложность измерения финансовой выгоды от внедрения системы управления знаниями (24,5 %);

– отсутствие навыков в управлении знаниями у персонала (22,7 %);

– отсутствие финансирования мероприятий по управлению знаниями в организации (21,8 %);

– отсутствие стимулирования, поощрений для обмена знаниями со стороны руководства организацией (19,9 %) ⁸.

Таким образом, основными препятствиями для внедрения системы управления знаниями в образовании являются, во-первых, недостаток знаний и непонимание самого процесса управления знаниями как у руководителей организации, так и у сотрудников. Более того, как показывают наблюдения, значительная часть профессорско-преподавательского состава и руководителей среднего и высшего звена образовательных учреждений периодически использует определенные элементы управления знаниями, обмена знаниями в процессе своей

профессиональной деятельности. Но их не целенаправленное применение значительно снижает организационный эффект. Во-вторых, корпоративная, организационная и техническая культура образовательных учреждений, препятствующая обмену знаниями.

Однако использование системы управления знаниями в образовательных учреждениях как составного компонента корпоративного менеджмента позволяет значительно повысить качество образовательной услуги и обеспечить современное развитие образования в России.

Примечания:

¹ См.: *The knowledge : Karl Wiig. Inside knowledge*. URL : http://www.ikmagazine.com/xq/asp/sid.0/.FD0C4391-F53F-4F27-8B45-4CE89C7EEC7D/eTitle.The_knowledge_Karl_Wiig/qx/display.htm.

² См.: Гретченко, А. А. *Современные концепции управления знаниями : сб. науч. тр. РЭА им. Г. В. Плеханова. М., 2009*. URL : <http://viperson.ru/wind.php?ID=567689&soch=1>.

³ См.: Коллинсон, К. *Учитесь летать : практические уроки по управлению знаниями от лучших научающихся организаций : пер. с англ. / К. Коллинсон, Д. Парселл. М., 2006*.

⁴ Petrides, L. A. *Knowledge management in education : defining the landscape / L. A. Petrides, T. R. Nodine; the Institute for the Study of Knowledge Management in Education, March 2003*. URL : <http://iskme.path.net/kmeducation.pdf>.

⁵ См.: Kidwell, J. J. *Applying Corporate in Higher Education // Jillinda J. Kidwell, Karen M. Vander Linde, and Sandra L. Johnson*. URL : <http://net.educause.edu/ir/library/pdf/EQM0044.pdf>.

⁶ См.: Bertramsen, R. B. *Knowledge Management in Education and Learning – a Danish Perspective*. URL : <http://www.oecd.org/dataoecd/46/20/2074934.pdf>.

⁷ См.: Bouthillier, F. *Understanding knowledge management and information management: the need for an empirical perspective / F. Bouthillier, K. Shearer*. URL : <http://informationr.net/ir/8-1/paper141.html>.

⁸ См.: Milam, J. H., Jr. *Knowledge Management for Higher Education*. ERIC Digest. URL : <http://www.ericdigests.org/2003-1/higher.htm>.

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ КАК АКТОР ТРАНСГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В статье рассмотрены перспективы формирования трансграничной региональной системы Северо-Восточная Азия. Анализируются проблемы отечественной практики трансграничного и приграничного сотрудничества в контексте последних тенденций глобальной политики. Особое внимание уделено уровню автономии субнациональных акторов в процессе интеграции Дальнего Востока в Северо-Восточную Азию и перспективам построения эффективной региональной стратегии восточных регионов России.

Ключевые слова: трансграничное сотрудничество, субнациональные акторы, интеграция, Дальний Восток, Северо-Восточная Азия.

С распадом советской политико-экономической системы Россия стремительно переосмысливала стратегию развития страны и ее отношения с другими народами. Разрушение хозяйственных связей и ослабление политического контроля Москвы над регионами привело к тому, что приграничные субъекты РФ стали получать импульсы экономического и культурного развития от соседних государств. Возникли благоприятные условия для развития нового для России формата взаимодействия – трансграничное сотрудничество, которое предполагает участие разновеликих политических акторов в международном диалоге и интеграционных процессах.

Новые процессы требуют научного переосмысления. Изучение внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Дальнего Востока научным сообществом началось с момента обретения регионами полномочий в сфере налаживания международных контактов (т. е. в 1990-х годах). Наиболее активно в этом направлении работают такие авторитетные исследователи, как Л. Н. Гарусова¹, В. В. Горчаков², Е. И. Деваева³, Л. В. Забровская⁴, П. А. Минакир⁵, В. Л. Ларин⁶, они провели глубокий анализ активизации двусторонних отношений России с соседними странами на региональном уровне. Несмотря на некоторые опасения и одновременно завышенные ожидания в целом, опыт международной деятельности дальневосточных регионов на рубеже XX–XXI веков оценивается положительно.

В 2000-е в работах дальневосточных ученых стал чаще употребляться термин «трансграничный» в отношении региона, территории, взаимодействия или сотрудничества. Под трансграничным взаимодействием понимают

локальные геополитические отношения соседствующих государств. К числу сторонников данного подхода можно отнести В. А. Бурлакова⁷, А. Б. Волынчука⁸, И. Д. Саначева⁹ и М. Ю. Шинковского¹⁰, которые адаптировали геополитическую методологию для анализа реакции российских приграничных регионов на глобальные процессы. С. К. Песцов¹¹, С. В. Севастьянов¹², А. Л. Лукин¹³ рассматривают трансграничное сотрудничество как важный инструмент расширения и углубления интеграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Основной целью данной статьи является анализ направлений и возможностей продвижения региональных интересов дальневосточных субъектов РФ в системе трансграничного сотрудничества Северо-Восточной Азии.

Региональные администрации государств Северо-Восточной Азии, встречая эпоху глобализации и регионализации, прилагают настойчивые усилия по развитию своих территорий с помощью трансграничного сотрудничества. Согласно некоторым экспертным оценкам многосторонних связей в СВА, наиболее весомый вклад в их институционализацию внесли префектуры западного побережья Японии. Например, Хоккайдо играет активную роль в построении более масштабной региональной организации – Северного форума, в состав которого входят Хоккайдо, Сахалин, Аляска, канадская провинция Альберта и ряд других северных областей. Особую интенсивность приобрели всесторонние контакты между губернаторством Хокайдо (Япония) и Сахалинской областью (РФ). С середины 1990-х годов произошло упрочнение и институционализация трансграничных связей между муниципальными властями префектурного уровня, примером

чему стало соглашение между Хоккайдо и Сахалином, согласно которому с 1996 года проводятся ежегодные двусторонние встречи двух губернаторов¹⁴.

А в начале 90-х годов несколько администраций, в первую очередь, префектур Ниигата, Тоттори, Тояма (Япония), провинций Цзилинь, Хейлуинцзян (КНР), Канвон, Северный Кёнсан, Южный Кёнсан (Республика Корея), Приморского и Хабаровского краев (РФ) сформировали ведущую группу по развитию сотрудничества в СВА, сердцевиной которого было развитие взаимосвязей в зоне Японского моря. В дальнейшем к ней присоединились и другие участники. В середине 90-х с новой инициативой одновременно выступили еще две префектуры западного побережья (Симанэ и Тоттори) и, во многом на конкурентной основе, приступили к формированию многосторонних институтов сотрудничества в СВА на уровне субнациональных администраций. В 1993 году в префектуре Симанэ прошло первое ежегодное Совещание глав администраций стран СВА, представлявших Японию, Россию, КНР и РК. Среди ее основателей были: префектуры Симанэ, Хёго (Япония), Хабаровский край (РФ), провинция Северный Кёнсан (Южная Корея) и др. В 1994 году в префектуре Тоттори представители этих же четырех стран провели первое ежегодное Совещание глав региональных администраций по развитию сотрудничества в бассейне Японского моря. Ее основателями, помимо Тоттори, стали провинции Цзилинь (КНР), Кавгон (Р.Корея) и Приморский край (РФ), позднее к ним присоединился Центральный Аймак (Монголия).

Главной целью организации было развитие научных, культурных и экономических связей. Основная направленность деятельности Саммита по международным связям и сотрудничеству региональных администраций стран Северо-Восточной Азии – формирование в бассейне Японского моря общего международного коммуникативного пространства, углубление взаимопонимания, создание соответствующей инфраструктуры развития людских ресурсов. Проводимые в рамках Саммита мероприятия направлены на выработку единой региональной политики в области экономики, охраны окружающей среды, транспорта, туризма, культуры, детских и молодежных обменов¹⁵.

Данные мероприятия стали первыми шагами на пути к институционализации регионального трансграничного сотрудничества как

новой формы интеграции в условиях общей (поверхностной) гуманизации постбиполярных международных отношений. В 1996 году на очередном ежегодном Совещании в г. Кёнджу (Северный Кёнсан, РК) была создана Ассоциация субнациональных (региональных) администраций стран СВА (The Association of Regional Administrations of the States of the North East Asia – ARASNEA). По оценке участника этого процесса, формирование Ассоциации стало важным событием в истории СВА, обеспечив поддержку межгосударственного диалога систематическими контактами регионального уровня в многостороннем формате¹⁶.

В последующие годы ассоциация продолжила проведение совещаний по актуальным проблемам развития СВА. Так, в сентябре 2008 года во Владивостоке прошло уже 13-е ежегодное совещание, основной темой которого стало развитие транспортно-логистических схем в регионе. В июле 2009 основная тема 14-го Саммита была посвящена экономической ситуации в Северо-Восточной Азии и выработка совместных мер по противодействию финансовому кризису.

В рамках данного формата получают вторую жизнь и возможности для развития различные интеграционные проекты региона. Например, «Туманганская инициатива» – глобальный межрегиональный проект, работа над которым длится с июля 1991 года. По мнению представителя Южной Кореи на 13-м Саммите глав региональных администраций СВА, каждый регион обладает географическими и экологическими особенностями, и невозможно разработать единую модель сотрудничества. Конечной целью должно стать строительство приграничной зоны свободной торговли «Туманган»¹⁷. 15-й саммит 2010 года был полностью посвящен экономическому сотрудничеству регионов стран Северо-Восточной Азии в рамках Расширенной Туманганской Инициативы (РТИ).

Проект Туманган является для Китая важной платформой для совместного развития с регионами стран СВА и стимулирования реализации стратегии возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая. Общеизвестно, что начиная с 2003 года правительство КНР реализует стратегию возрождения старых промышленных баз Северо-Востока Китая. Провинцией Цзилинь были официально разработаны «Предложения по продвижению реализации стратегии развития и освоения» и

«Предложения по стимулированию освоения района реки Туманган»¹⁸. Данный проект получил большую поддержку со стороны китайского правительства.

Ничего из первоначальных проектов пока не было реализовано, свободная экономическая зона «Туманган» не сформирована, и экономически три региона России, КНР и КНДР развиваются обособленно друг от друга. В настоящее время, несмотря на наличие масштабного проекта развития свободной экономической зоны, реализуется только проект международного транспортного коридора, соединяющего территорию Монголии, КНР и России, окончанием которого должен стать крупный порт пропускной способностью 100 млн. т. грузов в год на побережье Японского моря. Туманганский транспортный коридор начинается в Восточно-Гобийском аймаке Монголии, пересекает Автономный район Внутренняя Монголия (КНР), провинцию Цзилинь и выходит к побережью Японского моря в самой южной части Приморского края, в долине реки Туманной¹⁹.

Долгое время считалось, что проект Туманган фактически приостановлен. Реализованы и реализовывались только отдельные транспортные проекты, которые имеют значение для развития региональной экономики Приморского края РФ и провинции Цзилинь КНР. Фактически руководство Приморского края создало на основе Туманганского проекта частный проект создания МТК «Приморье-1» и «Приморье-2» в надежде организовать транзитный грузопоток из Монголии и КНР в крупные порты Приморья – Владивосток и Находку²⁰. Сегодня в свете предстоящих мероприятий 2012 года, приуроченных к саммиту АТЭС, этот проект все чаще о себе напоминает.

Также важное политическое значение проявляется у российского железнодорожного комплекса в осуществлении геостратегических проектов, направленных на формирование трансграничной системы транспортных сетей, осей и коридоров. Базовым маршрутом широтного евроазиатского геополитического и геоэкономического продвижения России следует признать системообразующую Транссибирскую магистраль (именно она должна сыграть главную роль в обеспечении широтных транспортных связей России), поскольку является одной из самых мощных в мире транспортных артерий, которая связывает Северо-Восточную Азию и Европу.

С этой же целью идет работа над национальной программой «Транзитная Монголия»,

реализация которой позволит активизировать грузоперевозки между Россией, Монголией и КНР, а также проложить самый короткий путь из Владивостока через Дорнод, Улан-Батор, Казахстан в Европу¹⁷. Участие российских специалистов в развитии Улан-Баторской железнодорожной сети расценивается некоторыми экспертами как начальный этап намерений по освоению месторождений Монголии. Так, в основе этого масштабного проекта лежит создание российско-монгольского совместного предприятия с 50%-ным участием РЖД. Это предприятие, по схеме РЖД, будет заниматься не только строительством и улучшением железнодорожной инфраструктуры и мобилизацией необходимых для этого финансов, но также будет иметь право заниматься добычей и эксплуатацией месторождений полезных ископаемых в Монголии²¹.

На протяжении нескольких лет произошел определенный сдвиг в реализации таких совместных инвестиционных проектов, как открытие морских – сухопутных линий «Хуньчунь – Хасан» (КНР – Россия) и «Хуньчунь – Раджин» (КНР – КНДР), строительство железной дороги Китай – Монголия, создание в поселке Краскино Приморского края российско-китайской базы по хранению и переработке древесины²². Реализация подобных проектов создает благоприятные условия для развития пограничной инфраструктуры международных транзитных перевозок, а также торговых, инвестиционных и туристических связей между регионами стран СВА, что, собственно, и составляет обыденный уровень трансграничных отношений.

Неразвитость транспортной инфраструктуры российского Дальнего Востока сдерживает интерес потенциальных инвесторов. Поэтому особое значение приобретают проекты, направленные на развитие всех видов транспортной инфраструктуры, и в первую очередь, такой как строительство трубопровода «Восточная Сибирь – Тихий океан». По масштабам и значению такие проекты являются стратегическими и государственными. Они имеют государственную правовую и финансово-экономическую поддержку, в них участвуют крупные кампании нерегионального масштаба, которые действуют в рамках межгосударственных договоренностей. Результаты же таких проектов могут изменить всю ситуацию в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Энергетическая инфраструктура (нефтегазопровод и энергетические сети) должна охва-

тить большую часть СВА. На сегодняшний день разрабатывается концепция энергетической сети с участием России, Республики Корея, КНДР, КНР и Монголии. России необходимы новые потребители из числа приграничных государств, чтобы поддерживать рентабельный уровень выработки электроэнергии²³. В целом, по мере расширения областей сотрудничества, можно ожидать и общего развития региона. Сотрудничество в области энергетики, начавшись с сотрудничества между государствами и государственными предприятиями, постепенно распространится и на другие области и вовлечет частные предприятия, города, исследовательские и образовательные организации, что, в свою очередь, заложит основы для усиления взаимного сотрудничества между странами-участницами²⁴.

Для Дальнего Востока России наиболее предпочтительным является вариант поэтапного встраивания в интеграционные процессы в СВА, ориентированного первоначально на интеграцию в рамках «большой тройки» (Китай, Япония, Республика Корея). Включение Дальнего Востока России в интеграционное сотрудничество в рамках «большой тройки» может и должно базироваться на ресурсных и инфраструктурных возможностях региона, а также формировании на российской территории таких особых условий хозяйствования, которые позволили бы ему эффективно адаптироваться к интеграционным процессам в СВА. В частности, в рамках концепции «специальной таможенной территории», предусмотренной уставом ВТО. Однако перспективы реализации последнего будут зависеть от того, каков будет статус России в формирующейся интеграционной группировке и, соответственно, потенциальный выигрыш страны от участия в экономической интеграции²⁵.

Здесь следует оговориться, что, несмотря на наметившийся прогресс в деле формирования многосторонних институтов в системе международных отношений СВА, негосударственные образования играют минимальную роль. По мнению некоторых экспертов, в частности А. Л. Лукина, у государств в регионе, по сути, нет конкурентов. СВА в своем нынешнем виде – это международная система государств классического вестфальского типа. Решающую роль Москвы, Пекина, Вашингтона и Токио в формировании будущего дальневосточных территорий сегодня никто не оспаривает.

Профессор В. Л. Ларин отмечает, что региональные лидеры и деловые структуры не обладают достаточными политическими и финансово-экономическими ресурсами для воздействия на выработку азиатской политики России. На формирование политики центра в большей степени влияют интересы ведущих отраслей региона (нефтегазовой, рыбной, лесной, горнодобывающей, чьи штаб-квартиры находятся в столице), заинтересованных в эксплуатации ресурсов Дальнего Востока и продаже их в страны АТР, а также весьма специфичные интересы российских силовых структур. Российская модель присутствия в Восточной Азии и освоения дальневосточных владений складывалась и развивалась под влиянием преимущественно внешнеполитических факторов и посылок, а интересы самих этих территорий всегда играли подчиненную роль. Население всегда виделось из Москвы не более как орудие, инструмент, средство удержания этого рубежа²⁶.

Это очевидно не только российским экспертам, но и нашим партнерам по трансграничному сотрудничеству. Так, губернатор провинции Конгвандо Республики Корея Цой Мун Сун на 16-ом саммите отметил необходимость усиления взаимодействия между местными и центральными правительствами с целью стимулирования экономического развития в СВА. По его мнению, для сотрудничества между странами СВА необходимо не только активное участие местных правительств, но и поддержка со стороны центральных правительств этих стран²⁷.

Основной силой развития трансграничного сотрудничества являются центральные правительства. Без поддержки Федерального центра дальневосточные субъекты РФ не в состоянии добиться качественного прорыва в развитии торгово-экономических связей со странами СВА. В то же время в 2000-е годы, приняв импульс от политического руководства РФ, направленный на значительное повышение уровня сотрудничества с соседними странами, администрации дальневосточных субъектов РФ сфокусировали усилия в нужном направлении, что быстро дало желаемый эффект, то есть местные администрации доказали свою способность выполнять в отношении Федерального центра дополняющую функцию при решении задач развития международного сотрудничества²⁸. Иными словами, дальневосточные регионы потенциально способны выступать в качестве акторов международных процессов,

не выходя за рамки внешней политики федерального центра.

Современное состояние международных связей субнациональных регионов по ряду причин ограничивает развитие взаимовыгодной интеграции в Северо-Восточной Азии, но это совершенно не означает отсутствие каких-либо перспектив регионального трансграничного сотрудничества в этой части мира. За двадцать последних лет был получен колоссальный опыт бесконфликтного взаимодействия через общее пограничное пространство. Главное, чтобы дальнейшее совершенствование трансграничного сотрудничества осуществлялось исходя из насущных потребностей России, учитывались непростые социально-экономические и политические условия регионального развития.

Примечания

¹ См.: Гарусова, Л. Н. Россия и США : тихоокеанское взаимодействие на рубеже веков (1991–2003 гг.). Владивосток : ВГУЭС, 2005. 272 с.

² См.: Горчаков, В. В. Китай в поисках новой стратегии приграничного сотрудничества // Россия – Китай XXI век. 2007. С. 16–19; Горчаков, В. В. Стратегия развития приграничных отношений России : взгляд из региона // Таможенная политика на Дальнем Востоке. 2007. № 3. С. 21–29.

³ См.: Деваева, Е. И. Внешнеэкономический фактор развития Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 46–59.

⁴ См.: Забровская, Л. В. Корейская Народно-Демократическая Республика в эпоху глобализации : от затворничества к открытости : монография. Владивосток : Изд-во ТЦСР, 2006. 168 с.

⁵ См.: Минакир, П. А. Российский Дальний Восток и Забайкалье : программа международного экономического сотрудничества // Проблемы Дальнего Востока. 2002. № 1. С. 79–91; Минакир, П. А. Тихоокеанская Россия : вызовы и возможности экономической кооперации // Пространств. экономика. 2005. № 4. С. 5–20.

⁶ См.: Ларин, В. Л. Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX века–начало XXI в.). М. : Восток-Запад, 2005. 390 с.

⁷ См.: Бурлаков, В. А. Проект «Туманган» и игра геополитических интересов в Северо-Восточной Азии в 90-е годы XX века : моно-

графия. Владивосток : ВГУЭС, 2007. 224 с.

⁸ См.: Волынчук, А. Б. Дальний Восток России – геополитическая экспертиза трансграничного взаимодействия // Полит. наука. 2010. № 3. С. 44–60; Волынчук, А. Б. Трансграничный регион : теоретические основы исследования // Гуманитар. исслед. в Восточ. Сибири и на Дальн. Востоке. 2009. № 4. С. 49–55.

⁹ См.: Саначев, И. Д. Северо-Восточный Китай и российский Дальний Восток : «глобальные» последствия региональной интеграции / И. Д. Саначев, С. О. Голодкина // Китай в мировой политике. М. : МГИМО; РОССПЭН, 2001. 528 с.

¹⁰ См.: Шинковский, М. Ю. Трансграничное сотрудничество как рычаг развития Российского Дальнего Востока // Полит. исслед. 2004. № 5. С. 62–70; Шинковский, М. Ю. Современные глобальные и региональные процессы : проблема реализации // Гуманитар. исслед. в Восточ. Сибири и на Дальн. Востоке. 2009. № 4. С. 5–15; Зыков, А. А. Россия в системе трансграничного сотрудничества АТР : поиск пути / А. А. Зыков, М. Ю. Шинковский // Россия и современ. мир. 2009. № 4. С. 98–110.

¹¹ См.: Песцов, С. К. Регионализм и система международных отношений // Вестн. Дальневост. отд-ния РАН. 2005. № 2. С. 65–70.

¹² См.: Севастьянов, С. В. Неправительственные участники сотрудничества Восточной Азии : вклад в развитие регионализации и региональной идентичности. Владивосток : ВГУЭС, 2009. 212 с.; Севастьянов, С. В. Расширение повестки сотрудничества как возможный путь к повышению роли АТЭС в регионе // Гуманитар. исслед. в Восточ. Сибири и на Дальн. Востоке. 2009. № 4. С. 56–62.

¹³ См.: Лукин, А. Л. Интеграционные процессы и институты в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Политика. Экономика. Безопасность. [гл. 10 – в соавт. с В. Н. Антоновым]. Владивосток : ДВГУ, 2009. 246 с.

¹⁴ См.: Хук, Г. Правительство Японии и региональные акторы Хоккайдо : роль в развитии связей между Японией и Россией // Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе : политические, экономические и социально-культурные аспекты / Ассоц. японоведов. М. : Восточ. лит., 2009. С. 51.

¹⁵ См.: Сергей Дарькин прибыл в Улан-Батор (Монголия) // Восток Медиа. URL : <http://www.rg.ru/2008/09/23/reg-primorie/sammit.html>.

¹⁶ См.: Севастьянов, С. В. Неправительственные участники... С. 110.

- ¹⁷ См.: Дробышева, И. Саммит открытых дверей : региональные связи укрепляют сотрудничество между странами // Рос. газ. (Приморский край). 23.09.2008. № 4756.
- ¹⁸ См.: Бурлаков, В. А. Указ. соч. 224 с.
- ¹⁹ См.: Верхотуров, Д. Н. Туманганский проект : нынешнее состояние и перспективы // Россия и Корея : проблемы улучшения отношений России и государств Корейского полуострова : докл. науч. конф. корееведов. Москва, 29 ноября 2007 г. / Ин-т Дальнего Востока РАН. М. : Русская панорама, 2008. С. 64.
- ²⁰ См.: Верхотуров, Д. Н. Указ. соч. С. 68.
- ²¹ См.: Освоение монгольских месторождений готовят к постановке на новые рельсы // Информ. агентство «Федерал пресс». URL : http://www.fedpress.ru/federal/econom/train/id_139777.html.
- ²² См.: Перед саммитом АТЭС. Чэн Вэйгэнь «Важная платформа для совместного развития» // Парламент. газ. на Дальн. Востоке. 24.07.2009. № 255.
- ²³ См.: Стеклов, М. М. Энергетические проекты в треугольнике РФ–РК–КНДР // Корейский полуостров и вызовы глобализации : докл. X науч. конф. корееведов России и стран СНГ. Москва, 29–30 марта 2006 г. / Ин-т Дальнего Востока РАН. М., 2006. С. 144–152, С. 145.
- ²⁴ См.: Ким Чжи Ен. Энергетическая политика России во взаимодействии со странами Северо-Восточной Азии в современных условиях : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2008. 25 с. С. 23.
- ²⁵ См.: Деваева, Е. И. Внешнеэкономический фактор развития Дальнего Востока России // Пространств. экономика. 2008. № 2. С. 46–59. С. 58.
- ²⁶ См.: Ларин, В. Л. Российское восточное пограничье : последний форпост Европы или плацдарм азиатской экспансии // Рос. эксперт. обозрение. 2006. № 4. URL : <http://protown.ru/information/articles/3332.html>.
- ²⁷ См.: Страны Северо-Восточной Азии прилагают усилия для совершенствования механизма межправительственного сотрудничества в регионе. URL : http://russia.news.cn/economic/2011-09/12/c_131134095.html.
- ²⁸ См.: Севастьянов С. В. Неправительственные участники... С. 116.

О. В. Великая

ПАРТИЙНАЯ СИСТЕМА СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА: ПОЛИТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

В статье рассматривается в политико-методологическом аспекте проблема многопартийной системы в современном Казахстане, дается сопоставительно-политологическое сравнение существующих в стране партий, проводится сравнительный анализ идейного содержания программ, рассматриваются возможные перспективы дальнейшего развития партийной системы Республики Казахстан.

Ключевые слова: политическая партия, партийная система, многопартийность, методология анализа политических партий.

За двадцать лет независимости в Республике Казахстан произошли процессы трансформации политической системы. Изменения естественным образом затронули и партийную систему. Многопартийность стала вполне обыденным политическим явлением, олицетворяющим демократические процессы суверенной страны. Однако надо признать, что о многопартийности в нашем государстве в большей степени судят по названиям партий, лидерам, которые их возглавляют, рекламным роликам в периоды предвыборных кампаний, различным акциям, проводимым партиями и т. д. В меньшей степени, в том числе в научной печати, анализируются вопросы сущности, сопоставительно-политологического сравнения существующих в стране партий, анализа идейного содержания программ.

Возможно, недостаточное внимание к этим и другим подобного рода вопросам объясняется тем, что методология исследования данных проблем считается уже установленной, решенной. Такая точка зрения берет свое начало из теории советского марксизма, являвшейся длительное время методологией социальных наук.

Согласно марксизму, сущность партии определяется ее классовым содержанием, объективным положением ее социальных групп в системе материального производства. Многопартийность есть выражение буржуазной демократии, суть которой составляет экономическое и политическое господство класса капиталистов. Идейное содержание программ партий, согласно советскому марксизму, в конечном счете, выражается в двух классовых противоположностях: выражении интересов эксплуататоров или эксплуатируемых.

В современную эпоху принципы марксистской методологии анализа партии и много-

партийности требуют своего существенного переосмысления. Причина необходимости нового методологического подхода состоит в крупных, радикальных переменах, произошедших в социальных структурах современного общества. Классы и классовые отношения, составляющие основу марксистской методологии, проблемы партийности, в известной мере, ныне утратили свое прежнее самодавящее значение. Современная социальная структура во многих странах под влиянием происходящей научно-технической революции стала значительно дифференцированной, усложненной, противоречивой. Исходя из этого, в характеристике социальных структур современных обществ ныне широко применяется в качестве методологического инструментария не только понятие «классы», но и «страты», «социальная мобильность», «малые социальные группы» и т. д. Достаточно, например, сказать, что согласно исследованиям, в социальной структуре современного казахстанского общества в настоящее время существуют такие социальные группы, как элита, чиновники, средний класс, протосредний класс, новые бедные, малоимущие, асоциалы.

В связи с этим возникает вопрос, отражается ли эта новая социальная структура казахстанского общества на многопартийности в стране? Если подходить с позиции марксистской идеологии, то ответ, казалось, должен быть утвердительным. Ведь есть некоторые формальные основания: названия отдельных партий (в частности, «Ауыл», Коммунистическая партия Казахстана и др.), публичные заявления в программах партий о выражении интересов определенных социальных групп (например, партия «Ауыл» заявляет о защите интересов тружеников села, Партия зеленых – интересов

работников сфер образования, здравоохранения, науки и культуры и т. д.).

Всего в общей сложности в Казахстане действует порядка десяти с лишним политических партий. Точное их количество нельзя зафиксировать, так как некоторые из них исчезают (партия «Асар», «Настоящий Ак Жол»), или объединяются, порой временно («Настоящий Ак Жол» Б. Абилова и ОСДП Ж. Туякбая), или разъединяются (Коммунистическая партия Казахстана распалась на два блока: КПК с С. Абдильдиным и КНПК с В. Косаревым).

Однако, несмотря на внешнюю пестроту, разнообразные названия партий, они все-таки реально не отражают в своей основе социально-классовую структуру казахстанского общества. И это относится фактически ко всем партиям. Коммунисты, например, и та и другая партия, хотя и претендуют на выражение интересов рабочего класса, больше представлены старой, партийной номенклатурой. Партия «Ауыл» не пользуется в толще сельских производителей авторитетом, о ее существовании, и тем более идейной программе, простые сельские жители не имеют ясного представления. То же самое можно сказать и о Партии патриотов Г. Касымова, «Азат» Б. Абилова. Ни та, ни другая не имеют четких социальных носителей.

Современные партии Казахстана известны в определенной степени по фамилиям своих политических лидеров, а не по идейному содержанию своих программ, социально-классовой направленности своих действий. Поэтому подавляющее большинство партий Казахстана в своих программах существенно не отличаются друг от друга. Все они в большинстве своем практически признают многообразие форм собственности, ратуют за соблюдение прав и свобод личности, развитие демократии, многопартийности, развитие социальной политики государства. Исключение, пожалуй, составляют программы коммунистических партий, в которых ставится цель реставрации социализма, советской власти, СССР. т. е. того общественного строя, который, по сути, противоположен нынешнему, строящемуся капитализму в Казахстане.

В то же время ни к одной из существующих партий не может быть применен термин «оппозиционный», исключая, пожалуй, коммунистические партии.

Оппозиционная партия вправе себя называть таковой не голословно, не по заявлениям

лидеров и даже не по программным заявлениям. Партия становится оппозиционной, когда в обществе созревает антивластное социальное умонастроение того или иного класса, социальной группы, обусловленное в конечном счете его экономическим благосостоянием. Созревание этого умонастроения определяется тем признаком, когда оно становится преобладающим, определяющим в сознании класса. Партия, выражающая это умонастроение, реализующая его в своей программе, неуклонно следующая ей в своих практических действиях, – это и есть оппозиционная партия. Что касается коммунистических партии Казахстана, то они, хотя и не пользуются прежней популярностью, но на практике стараются выступать от имени обездоленных, эксплуатируемых масс, как они, по крайней мере, заявляют. Поэтому вкуче с учетом программных заявлений и реальной практики их действий они могут относиться к оппозиционным партиям.

В то же время остальные партии в Казахстане, называющие себя оппозиционными, не в полной мере подходят под эти характеристики. Неослабное и все более повышающееся внимание руководства Республики Казахстан к социальным запросам общества не создает какой-либо серьезной основы для широкого социального недовольства населения. В этих условиях партии скорее выступают выразителями субъективных амбиций и вождельней ее политических лидеров. Показательно, что в своем подавляющем большинстве «персонифицированные» лица партии сами некогда были в правящей элите государства и по разным причинам выпали из нее.

Авторитет партии в казахстанском обществе в большей мере определяется авторитетом лидеров, возглавляющих партии, нежели идейным содержанием их программ. Но эта ситуация обуславливается одновременно, в известной мере, и продолжающейся социальной дифференциацией казахстанского общества, при которой партиям все труднее становится быть выразителем массовых запросов населения.

Нельзя не отметить, что отсутствие этой массовости признают и сами лидеры различных политических партий Казахстана. Однако если признавать реальную ситуацию в этом вопросе, то следует отметить растущую массовость только одной партии – партии Н. Назарбаева «Нур Отан». Остальные партии подобным фактом пока не могут похвастаться. Более

того, после выборов в Мажилис в 2007 году эта партия победила на выборах и заняла все места в нижней палате парламента. Это привело к формированию многопартийной системы с доминирующей партией. Но «партии власти» сохранять идеологическую нечеткость и размытость возможно лишь до тех пор, пока в стране не осуществляются реформы, затрагивающие интересы широких слоев населения. Как только начинаются преобразования, «партия власти» становится заложником противоречия проводимой политики. За нее голосуют, потому что она, как и президентская власть, обещает народу стабильность, порядок, процветание, а она вынуждена проводить реформы, неизбежно ведущие к росту социальной дифференциации. Поддерживая правительственные реформы, партия утрачивает способность идентифицировать себя как политическая организация, стремящаяся выразить интересы всего народа. А это неизбежно ведет к потере значительной части общественной поддержки. Но в условиях отсутствия реальной конкуренции НДП «Нур Отан» не трудно будет и на грядущих парламентских выборах сохранить идеологическую неопределенность. Однако в условиях негативного влияния мирового экономического кризи-

са правительство рано или поздно приступит к осуществлению непопулярных социальных реформ. Их следствием станет поляризация социальных интересов. В таких условиях продемонстрировать идейный плюрализм в рядах одной партии, чтобы удержать одновременно весь электорат под своим контролем, «партии власти» будет сложно.

В данном случае шансы на появление сильной оппозиционной партии, апеллирующей к лозунгам справедливости, повысятся. Пока же в условиях, когда доминирует одна партия и оппозиции практически нет, идеями социальной справедливости в полемике с властями больше оперируют неправительственные организации. Власть, в свою очередь, в целом поддерживает развитие неправительственных организаций, предпочитая неполитические каналы реализации прав гражданами.

Безусловно, такое положение не приводит к формированию второй такой же массовой партии. А это было бы желательно, так как свидетельствовало бы о процессах углубления демократизации и многопартийности, приближении к западным стандартам политической системы.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

В статье выделяются особые черты инновационных политических процессов, сложившиеся в Турции в республиканский период. Автор уделяет большое внимание процессам смены власти в стране, а также процессу партогенеза, закрытия политических партий и их восстановления, которые в полной мере отражают специфику инновационных политических процессов в целом.

Ключевые слова: Турция, политические процессы, инновационные процессы, государственный переворот, Великое национальное собрание Турции, Партия справедливости и развития, Народно-Республиканская партия.

Становление и трансформация политической системы в Турции после 1923 года отличается рядом специфических характеристик, свойственных политическим процессам в этой стране. Формирование новой политической системы Турции происходило в сложных условиях национально-освободительной войны, свержения монархии, просуществовавшей почти шесть столетий, и перехода к секуляризму, что противоречило религиозным традициям турецкого народа. Для понимания специфики современной политической системы страны и прогнозирования её развития в будущем необходимо выделить особенности политических процессов Турецкой Республики.

Политические процессы любого уровня имеют два режима осуществления: рутинный режим, характеризующийся отсутствием серьезных трансформаций политической системы и её элементов, и инновационный, «в ходе которых создаются новые политические и социальные структуры»¹. Сюда относятся направленные действия политических субъектов по созданию новых институтов, по реформированию политической системы, а также события, в ходе которых происходит разрушение старых структур и закладываются основы социальных нововведений.

В первую очередь, следует отметить революционный характер инновационных процессов в Турции. Ещё в политической системе Османской империи проявились тенденции к насильственной смене власти, которую на протяжении нескольких столетий осуществляли заинтересованные силы от янычарского войска до матерей и жён султанов. Приход к власти младотурок также охарактеризовался открытым выступлением против султанской власти, приведшим к революции 1908 года. Попытки

свержения иттихадистов также представляли собой процесс насильственной смены власти путём контрреволюции 1909 года.

Приход к власти кемалистов напрямую связан с национально-освободительной войной Турции против иностранных интервентов. Кемалисты не просто пришли к власти путём свержения предыдущего правительства или самого монарха, но полностью разрушили существовавшую ранее политическую систему, создав на её месте совершенно новое государство, обладающее новыми основополагающими характеристиками и политическими институтами. Ещё до ликвидации султаната в 1920 году был создан новый парламент (меджлис), получивший название Великое национальное собрание Турции, а также исполнительный орган власти Представительный комитет, координировавший деятельность по противостоянию военным интервентам на территории страны. В результате деятельности этих органов возникло государство с новой территорией, новым народом, так как вместо османов появились турки и турецкая нация (согласно ст. 66 Конституции Турции, «каждый, связанный с Турецким государством через обязательства гражданства, – турок»²), новой формой правления и секуляристскими принципами.

Подобные глобальные изменения в политической жизни повлекли за собой активизацию инновационных процессов во всех сферах жизни общества. Началось создание новых государственных институтов, которые, с одной стороны, должны были заменить существовавшие ранее султанские органы государственной власти, а с другой – обеспечить процесс реформирования политической системы и новых принципов функционирования государства. Например, первый законодательный акт но-

вой Турции определял распределение обязанностей между двумя новыми министерствами: министерства просвещения и министерства по делам шариата и вакуфов. Согласно указанному закону, все учебные и научные заведения Турции, в том числе медресе и школы имамов и хатибов, переходили под управление министерства просвещения, которое, помимо этого, должно было «учредить при Стамбульском университете факультет по подготовке специалистов-богословов»³. Министерство по делам шариата и вакуфов после отмены халифата в 1924 году было трансформировано в Управление по делам религии, которое и сегодня регулирует всю религиозную деятельность в стране.

Активизация инновационных процессов привела и к возникновению новых политических партий, что, однако, как уже было показано ранее, резко пресекалось правящей кемалистской Народно-республиканской партией. Особенности процесса партобразования и трансформации партийной системы в Турции будут рассмотрены ниже.

Революционность инновационных процессов в Турции также подтверждается произошедшими военными переворотами, каждый из которых стал толчком не только к трансформации политической системы, но и созданию новых социальных и политических структур и органов. Указанные трансформации имели такой значимый масштаб, что после двух из переворотов возникла необходимость в создании новой конституции (1961 и 1982 годов), которая должна была закрепить вносимые изменения. Военный переворот 1960 года характеризовался полным разрушением существовавшей политической системы, т. е. на протяжении длительного времени управление государством перешло к специально созданному органу, Комитету национального единства, в который вошли представители турецкого генералитета. Вскоре после переворота КНБ сформировал временное правительство, которое осуществляло свои функции до проведения в стране парламентских выборов. Параллельно с этим было сформировано Учредительное собрание, которое в июле 1961 года представило на всенародный референдум новую Конституцию, одобренную 60% электората. «Конституция усиливала исполнительную власть, меняла структуру ВНСТ и, что особенно важно, учреждала доселе неведомый турецкому праву Конституционный суд»⁴. Кроме того, Конституция 1961 года содержала целый ряд

статей, создававших институт государственного вмешательства в социально-экономическую жизнь страны, т. е. этатизма. После выборов 1961 года КНБ был распущен, но военные продолжали держать политическую ситуацию под контролем.

Переворот 1971 года имел менее насильственную форму смены власти, в результате которой бывшее тогда у власти правительство С. Демиреля ушло в отставку, но парламент был сохранён и сформировал новое правительство под жёстким контролем военных. Однако массовые репрессии, которые провели военные по отношению к левым силам, прогрессивным молодёжным организациям и изданиям, привели к длительному отсутствию на политической сцене партий и организаций левого толка.

Третьей серьёзной трансформацией политической системы Турции стал военный переворот 1980 года, в результате которого вновь были внесены изменения, потребовавшие закрепления в Конституции. К ним, прежде всего, следует отнести создание нового органа – Совета национальной безопасности, который получил огромные полномочия, в том числе и возможность активно вмешиваться в процессы формирования заново политических группировок и создания затем на их основе новых политических партий. В новой конституции было закреплено существование Совета национальной безопасности, его структура и функции, что должно было обеспечить постоянное присутствие военных в органах исполнительной власти государства.

На современном этапе инновационные процессы становятся более реформистскими, что объясняется снижением влияния военных на политическую систему страны. Примером может служить «тихий переворот» 1997 года, когда «неудобное» генералитету правительство исламистской Партии благоденствия (Рефах) было отстранено после запрета партии Конституционным судом. Последние выборы 2011 года ознаменовались провозглашением нового лозунга победившей Партии справедливости и развития: «За изменение Конституции». Таким образом, современные инновационные процессы в Турции происходят в более демократических условиях.

Другой инновационный процесс, обладающий особыми характеристиками в Турецкой Республике, это процесс образования политических партий. Во-первых, следует отметить, что до 1945 года в Турции существовала одно-

партийная система, в связи с чем формирование оппозиционных партий было невозможно. Однако, в отличие от России 1990-х годов, когда после отмены однопартийной системы начался активный процесс создания новых партий, в Турции с 1946 года высокого уровня активности не наблюдалось. Частично это объясняется сохранением правящей Народно-республиканской партии, которая долгое время продолжала оставаться одной из самых популярных среди населения политических сил. С другой стороны, следует отметить низкий уровень политической активности населения, которое было в большей степени привычно к авторитарному режиму, существовавшему при Атаатюрке, нежели к демократическим правилам, предложенным Исметом Инёню. Этим во многом объясняется тот факт, что после Второй мировой войны, несмотря на провозглашенный переход к многопартийности и возникновение нескольких мелких партий, в Турции начинается длительный этап существования двухпартийной системы, который продлился до середины 1970-х годов.

Первыми оппозиционными партиями стали созданная в 1945 году Партия национального возрождения и Демократическая партия, основанная выходцами из Народно-республиканской партии в 1946 году. В парламентских выборах 1946 и 1950 годов принимали участие только названные партии, причём конкурентами были только НРП и ДП, в то время как Партия национального возрождения выставляла своих кандидатов только в Стамбуле, а вскоре была распущена.

Помимо смены партийных систем, говоря о процессе партобразования, необходимо отметить существующую в Турции партийную преемственность. Ни одна политическая партия, обладающая поддержкой более или менее значительного числа избирателей, не исчезала из политической жизни страны окончательно. Одним из самых ярких примеров партийной преемственности является история исламистских партий в Турции. Исламистские силы были представлены, в первую очередь, организацией Милли Гёрюш (Национальный взгляд), штаб-квартира которой располагалась в Германии. Для официального участия в политической жизни Турции лидеры организации в 1969 году создали Партию национального порядка, которую возглавил Неджметтин Эрбакан. Однако просуществовала первая исламистская партия совсем недолго: в 1971 году

она была запрещена из-за нарушения принципов лаицизма, заложенных еще Атаатюрком. Эта же формулировка использовалась для объяснения причин закрытия и всех остальных происламских партий в стране.

В 1972 году Эрбакан создает новую партию, которая получает название Партия национального спасения (ПНС), которая сразу же активно вступает в политическую жизнь страны, участвуя в формировании коалиционных правительств. Изначально лидеры ПНС в довольно мягких формулировках заявляли о необходимости прекращения подражания западным странам и сплочения вокруг исторических и моральных ценностей государства, а затем уже открыто отстаивали исламистские позиции в Меджлисе вплоть до переворота 1980 года.

В 1983 году была создана Партия благоденствия (Рефах), которая получила право участвовать в выборах только в 1987 году. Однако неспособность других партий создать однопартийное правительство позволила Рефах участвовать в различных коалициях и даже занять в 1996 году кресло премьер-министра. Но уже в 1997 году под давлением военных Эрбакан вынужден был распустить правительство и подать в отставку. В 1998 году Конституционный суд закрыл Партию благоденствия.

Однако Милли Гёрюш, хорошо знакомая с процедурой запрещения партий, еще в 1997 году создала Партию добродетели (Фазилет), в которую после закрытия перешли члены Рефах. В результате Фазилет была провозглашена преемницей Рефах и закрыта в 2001 году. Однако незадолго до запрещения Фазилет в партии начался раскол. В июле 2001 года была основана Партия счастья, которую возглавил неизменный лидер происламских партий Неджметтин Эрбакан. Однако молодые реформисты во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом, Абдуллахом Гюлем и Бюлентом Арынчем не смогли найти общего языка с исламскими традиционалистами и в августе 2001 года создали свою Партию справедливости и развития (ПСР). ПСР с 2002 года является правящей партией, получающей неизменное большинство в парламенте уже на протяжении трёх избирательных кампаний. Партия счастья менее успешна и в парламент не попадала ни разу, однако имеет устойчивое число сторонников, обеспечивающих ей около 3% голосов.

Подобные примеры можно привести и по отношению к другим основным политическим силам Турции. Народно-республиканская пар-

тия, созданная в 1923 году из представителей военной и гражданской бюрократии времен национально-освободительной борьбы, стала первой партией новой республики. Однако, после переворота 1980 года все партии, в т. ч. и НРП, были запрещены. Поэтому в 1985 году супруга лидера бывшей НРП Бюлента Эджевита Рахшан Эджевит учредила Демократическую левую партию (ДЛП), которую впоследствии возглавил сам Бюлент Эджевит. Также в 1983 году была учреждена Социал-демократическая народная партия (СОДЕП) во главе с сыном Исмета Инёню – Эрдалом Инёню. Вскоре (в 1985 году) левые силы укрепили свои позиции после объединения Народнической партии и СОДЕП в Социал-демократическую народную партию (СДНП). Официально датой возрождения НРП называют 9 сентября 1992 года⁵, когда лидером НРП становится Дениз Байкал. В 1995 году НРП объединилась с СДНП под именем Народно-Республиканской партии.

Такие же серии запретов и возрождений пережили либеральная Демократическая партия и правая Партия националистического действия. Данный инновационный процесс привёл к тому, что в Конституции Турции 1982 года содержится положение, согласно которому «партия, которая была распущена окончательно, не может быть основана под другим названием»⁶. Однако, как показывает опыт, реализация этого положения сильно затруднена, что особенно актуально в отношении находящейся

сейчас у власти исламистской партии.

Подводя итог особенностям инновационных политических процессов Турецкой Республики, можно отметить, во-первых, их революционность, которая привела к многочисленным политическим кризисам в стране на протяжении XX века. Однако на современном этапе происходит постепенный переход к реформаторскому типу инновационных процессов, чему способствует усиление позиции правящей Партии справедливости и развития. В качестве второй принципиальной особенности инновационных процессов Турции следует назвать преемственность, которая приводит к тому, что ни одна из крупных политических партий, возникших в Турции, не исчезла с политической арены, несмотря на ряд официальных запретов.

Примечания:

¹ Пушкарёва, Г. В. Политология : краткий курс лекций. М. : Юрайт-Издат, 2003. С. 175.

² Türk Cumhuriyeti Anayasası, 1982. Ankara : Kadeş Hukuk Kitaplığı, 2006. S. 75.

³ Киреев, Н. Г. Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001. С. 161.

⁴ Там же. С. 310.

⁵ См.: CHP Programı. URL : http://www.chp.org.tr/?page_id=70&output=pdf.

⁶ Türk Cumhuriyeti Anayasası... S. 82.

С. А. Вершилов

КУЛЬТУРА ВОЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: В ПОИСКАХ ЕЁ ОСНОВНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

В современных условиях культура военной безопасности приобретает новый абрис (контуры). Нетрудно заметить, что глобализация оказывает на неё неоднозначное влияние, что порождает порой военно-политические процессы с достаточно непредсказуемыми последствиями. Для того чтобы миссия культуры военной безопасности стала выполнимой, необходимо признать – нынешняя действительность есть важный фактор её развития. В статье обобщается данный тезис.

Ключевые слова: культура военной безопасности, глобализация, война, вооружённый конфликт, терроризм, противоречия.

Авторское понимание термина «культура военной безопасности»: это способ организации военно-политических отношений, представленный ценностями материального и духовного характера, предназначенный и реализуемый для исключения попыток деструктивных сил нанести ущерб военными и / или невоенными средствами существованию нации (см.: Вершилов, С. А. Культура военной безопасности России (социально-философский анализ) : автореф. дисс. канд. философ. наук).

Кризис культуры военной безопасности, перед «лицом» которого оказался мировой социум в настоящее время, с необходимостью актуализирует решение вопроса об интеграции интеллектуальной и ресурсной базы планеты для её оптимальной эксплуатации. Чем это подтверждается?

С одной стороны, глобализация «предлагает» человечеству шанс в становлении на качественно новый уровень развития, который, кроме прочих обстоятельств, характеризуется снижением угрозы развязывания мировой войны. Важно заметить – мировой, но не локальных войн и конфликтов! В этой связи ряд исследователей испытывает настоящее, пусть и своеобразное, далеко не безобидное блаженство по поводу постепенного исчезновения войн. Так, по суждению П. Я. Логойко, «человечество вдруг поняло и осознало, что лучше созидать, чем разрушать»¹. Об этом же самом, только иными словами, судит В. В. Бабич, который твёрдо убеждён в том, что предназначение человека есть «бытие, освоение окружающего мира и самоутверждение в социуме»². Однако конфликты продолжают во многих частях планеты, а способ организации культуры военной безопасности по их

разрешению остаётся прежним: сила превалирует над разумом.

С другой стороны, имеет место и иная точка зрения, в частности, С. Г. Пилецкого, в соответствии с которой человек является самым агрессивным биологическим видом, и заложенное у него на генетическом уровне стремление к насилию рано или поздно превосходит любые рациональные доводы и расчёты³. И он не одинок в своём взгляде на предназначение человека. Согласно В. В. Круглову, «предназначение человека – гармоничное развитие и война»⁴. На этом основании делается вывод, противоположный первому, а именно: в результате научно-технического прогресса, стирания границ и других искусственных барьеров, разделяющих народы, неизбежна «война всех против всех». Надобно ли быть столь категоричным, апеллируя к силе? Конечно же, нет, поскольку есть и иная трактовка данной проблемы, под другим углом зрения.

К примеру, примем оценки исследователей, как то: В. В. Серебрянникова, А. И. Скрыльникова и А. С. Капто, которые полагают несостоятельными утверждения: «человек не есть существо, созданное для мира»; «человек воевал в глубокой древности, он продолжает воевать в наши дни»⁵. И добавим, что, в соответствии с нашим суждением, следует лишь частично согласиться с П. Я. Логойко и В. В. Бабичем, С. Г. Пилецким и В. В. Кругловым. Скорее всего, как утверждал Б. Паскаль, «человек – не ангел и не зверь»⁶. Зададимся вопросом. При таком подходе не «реанимируется» ли старый постулат: ни войны – ни мира, претворение (реализация) в жизнь которого уже не раз «имело место быть» в истории человечества, что ставило некоторые нации на грань катастрофы? Отнюдь нет! Воинственность и миролюбие соци-

ума, способ организации и культуры военной безопасности в системе военно-политических отношений выступают продуктами качественно неоднородных обществ и условий жизни народов. Наиболее взвешенной представляется промежуточная точка зрения, согласно которой глобализация, как объективно актуальный процесс, является необратимой, и игнорирование этой данности для развития культуры военной безопасности следует признать военно-политической недальновидностью. Кстати, и в данном суждении не всё так просто. Важно подчеркнуть: военно-политические отношения не должны выстраиваться исключительно субъектами «золотого миллиарда», поскольку в этом случае они (субъекты) сами по себе выступают вызовом культуре военной безопасности. Не должны, но, к сожалению, выстраиваются! Особенно преуспели в этом США. Есть ли тому аргументы, доказательства? Да, есть, и весьма существенные, основательные.

В XXI столетии культура военной безопасности в системе военно-политических отношений оказалась ещё более непредсказуемой, чем в прошлом столетии: опасной, милитаризованной и идеологизированной. Количество вооружённых конфликтов на планете значительно увеличилось, словосочетание «новый мировой порядок» так и не получило реального положительного смысла, а военно-политические проблемы с лёгкостью признали наследием холодной войны. Например, Б. И. Круглов наивно полагает (и верит в это!): «Существующие сегодня конфликты, другие военно-политические проблемы выступают следствием имевшего место противостояния СССР и США во второй половине XX века⁷. Однако странно: «холодная» война закончилась, а конфликты – в наличии, и их «горячий» объём уже таков, что необходимо ставить под сомнение «диагноз» Б. И. Круглова. Поэтому нет и ещё раз нет! Не наследие прошлого, а продолжение старой политики США и её приверженцев, которая, к сожалению, не канула в Лету. Так, по суждению Е. М. Примакова, «неоконсерваторы США решили силой экспортировать демократию, не считаясь с историческими особенностями тех стран, которым, по их мнению, следовало навязать её западную модель»⁸. И, таким образом, Америка игнорирует складывающиеся мировые центры, в результате чего множатся вызовы культуре военной безопасности и углубляются её противоречия. Сакральный вопрос – что делать, какой оптимальный выход име-

ется из сложившейся в эпоху глобализации военно-политической обстановки?

По нашей мысли, важно, чтобы национальные культуры военной безопасности оказались взаимозависимыми не только в результате качественно-прорывного развития наукоёмкого производства, но и появления новых форм военно-политических отношений. При таких условиях миропорядок, как таковой, не будет впитывать в себя ядра раздора, противостояния и конфронтации. Заметим также, что это не снимает возможности несовпадения национальных интересов различных государств, образующих мировые полюса, но нынешняя многополярность, сама по себе, не предопределяет столкновения между ними. Повторимся, ибо это важно, именно многополярность, а не одно- или двух-

Итак, необходимые контуры культуры военной безопасности должны создаваться диалектикой между складывающейся многополярностью и взаимозависимостью нарождающихся центров мировой системы. Такая взаимозависимость этих центров будет утверждаться в результате актуализации их включения в противодействие вызовам культуре военной безопасности, в первую очередь, по *распространению международного терроризма и расширению «экспорта» демократии*. Формирование нового миропорядка нельзя сбрасывать со счетов, ибо его игнорирование обедняет и затрудняет анализ развития культуры военной безопасности в системе военно-политических отношений.

Серьёзным вызовом культуре военной безопасности периода глобализации конца XX–начала XXI столетий выступил *международный терроризм*. Важно акцентировать внимание общественности на том, что это не праздный вопрос, поскольку от понимания данного явления зависит адекватный выбор методов антитеррористической деятельности.

Спору нет, внушение и показ потенциальным террористам неприемлемого ущерба, который их ожидает в случае нападения, стоят и будут стоять в ряду реальных сдерживающих факторов. В этой связи военный теоретик Э. Кингстон-Макклори сформулировал следующий своего рода закон, с которым, по мысли автора статьи, в эпоху глобализации нельзя соглашаться полностью. По оценке учёного, «нападают лишь на слабых, на сильных – никогда. На слабых, но показывающих вид, что они сильны, нападают реже, чем на сильных, но не

умеющих показать своевременно свои силы и производящих со стороны впечатление «слабых»⁹. С одной стороны, всё правильно, в большинстве случаев сильного бояться и сторониться, а с другой – как вписываются в канву данного закона события 11 сентября 2001 года? Получается, что и географическая удалённость, и хвалёная безопасность сильного в военном отношении государства оказались слабым препятствием для осуществлённой террористами акции. В таком случае категоричность в представленном утверждении Э. Кингстон-Макклори необходимо «снять».

По нашему суждению, безусловным в терроризме важно признать применение им насилия по отношению к гражданскому населению, какими бы причинами это ни обуславливалось. Вместе с тем, неправомерно рассматривать в качестве терроризма акты против войск захватчиков, когда происходит ожесточённая борьба не на жизнь, а на смерть за суверенитет и территориальную целостность того или иного государства. Но если при этом целенаправленно производятся акции против мирного населения, то это уже неприкрытый терроризм, которому оправдания нет.

Кроме того, не у всех проявляется адекватное восприятие термина «*международный терроризм*». Между тем, это «слепок» того, что превалирует в эпоху глобализации и специфический признак современного терроризма. Так, по оценке Н. Ф. Веронского, данное понятие трактуется как «сеть организаций, разбросанных по планете, ведущих борьбу против миропорядка по-американски и управляемых моноцентрично»¹⁰. Так ли это? Заметим, что не совсем. Действительно, «Аль-Каида», охватившая щупальцами различные регионы и организующая деятельность на основе «сообщающихся сосудов», оформилась в сеть терроризма в планетарном масштабе. Согласно Т. Б. Ханукову, «наблюдалось, например, как из зоны племён между Афганистаном и Пакистаном шёл переток моджахедов в Ирак, ... Косово и Чечню»¹¹.

Согласимся также и с тем, что цементирующая основа (способ организации) культуры военной безопасности «Аль-Каиды» зиждется на священном джихаде против неверных и непринятии западной модели мироустройства, где отсутствует ниша для мусульманских государств. Это ясно и понятно. Но позвольте, из представленного суждения не вырисовывается умозаключение, что международный терро-

ризм необходимо отождествлять с утвердившейся иерархической системой, управляемой из одного центра. Но если данное умозаключение всё-таки принять во внимание хотя бы гипотетически, то следует признать совсем невероятную мысль: мировой социум «ослеп», серьёзно «болен» и «стремительно мчится» к своему небытию.

Следующий признак *международного терроризма*, по оценке З. Бжезинского заключается «в самодостаточности, самофинансировании своих структурных подразделений, как правило, не связанных с каким-либо правительством»¹². Всё ли так «безоблачно» и «безобидно» в данной оценке? Откуда полная самодостаточность и самофинансирование? В случае безоговорочного согласия с позицией американского политика субъекты военно-политической практики должны оказаться у «разбитого корыта», поскольку самодостаточность и самофинансирование международного терроризма влечёт за собой бесполезность борьбы с ним или, по крайней мере, её низкую эффективность. Но нет, в эпоху глобализации (как и в любую другую) нельзя отказываться от борьбы с террором. Наше суждение подкрепляется следующими аргументами.

Международный терроризм оказывает негативное воздействие на культуру военной безопасности, а его исследование имеет существенные трудности. Так, по мысли В. В. Кафтана, «они связаны с многоликостью этого феномена, амбивалентностью оценок, спецификой воздействия на социум и определённой латентностью его проявлений»¹³. При таком подходе становится очевидным, что одного указания на самодостаточность и самофинансирование террористических структур мало, ибо преступные группировки осуществляют свою деятельность не на пустом месте, в вакууме. Им необходимо приобретать оружие, боеприпасы, иметь счета в различных банках. За всем этим кто-то должен «стоять», поставляя вооружение и направляя финансовые потоки в нужное время и в нужное место, а посему древнее, как мир, утверждение «ищи, кому это выгодно», не теряет своей актуальности и в эпоху глобализации. Поэтому оценку З. Бжезинского важно дополнить тезисом о том, что существуют и активно действуют военно-политические субъекты, которые всесторонне поддерживают международный терроризм. Согласно К. П. Буртному, «...терроризм – дорогостоящий и трудоёмкий способ решения проблем. На него должны ра-

ботать различные структуры организованных формирований, которые добывают материальные средства, готовят соответствующих «специалистов», осуществляют разведку и контрразведку, обеспечивают прикрытие откровенно противоправных действий»¹⁴. Спрашивается, ради чего такое рвение и усердие? По мысли автора статьи – для обеспечения экономических и военно-политических интересов одних государств в ущерб другим, в чём особенно преуспели США.

Ещё один признак международного терроризма – это осуществление массовых акций против гражданского населения. Об этом признаке заявляет ряд исследователей, например, авторский коллектив из Института гуманитарных образований и Академии права под руководством Ю. М. Антоняна¹⁵. Несомненное достоинство суждения Ю. М. Антоняна о природе терроризма заключается уже в том, что оно аргументируется с позиций юридической науки и психологии с привлечением многочисленных примеров. Вместе с тем, заметим: хорошая, действительно важная идея не нашла своего логического завершения, оказалась недоговорённой, недосказанной, ибо есть здесь ещё одна проблема. А именно: в полосе забвения вышеназванного учёного и его коллектива осталась цель (предназначение) многочисленных действий террористов против гражданского населения – об этом в исследовании сказано не было.

Не будем строго судить Ю. М. Антоняна, в его рассуждениях нет злого умысла или «подводных камней». Но какова наша точка зрения в данном вопросе? Она заключается в следующем: все противоправные акции международного терроризма, или их подавляющее большинство, против гражданского населения осуществляются для того, чтобы дестабилизировать те или иные государственные образования. Даже не выдвигая каких-то конкретных требований, террористы стремятся обескуражить государства, заставить их демонстрировать своё бессилие, погрузить в смятение и страх население, чтобы всё общество было в беспамятстве и вело поиск виновных среди своих военно-политических субъектов. Подобное происходило 11 сентября. Так было и при захвате больницы в Буденновске, и школы в Беслане, и мусульманской мечети в Лахоре.

Справедливости ради, но ни в коем случае не в защиту международного терроризма, осуществляющего акции с целью устрашения,

подчеркнём, что он (терроризм) не придумал что-то своеобразное, разве что способы стали более совершенными. По оценке Е. М. Примакова, «Робеспьер был известен своей приверженностью к массовому террору как важному средству революционной борьбы, осуществлялся «красный террор» в ответ на «белый». Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки унесла жизни сотен тысяч мирных жителей»¹⁶. Добавим, танковая стрельба по зданию Верховного Совета России – это ли не пример массового устрашения, каким бы целям оно не служило?

По нашему суждению, для активной борьбы против терроризма необходимо исключить абсолютно неправомерные подходы к этому преступному явлению. Один из них, когда оправдываются или, во всяком случае, подвергаются слишком мягкой критике репрессалии за террористические акты, осуществляемые одним государством против гражданского населения другого. Аргумент? Есть и аргумент – действия Израиля, которые уносят жизни палестинских мирных жителей в качестве «возмездия» не только за террористические акты против израильского гражданского населения, но и за вооружённые столкновения с солдатами Израиля на оккупированной территории. Субъектам практики важно осознать, что военные действия, целенаправленно осуществляемые против мирных жителей, должны осуждаться вне зависимости от того, «первичны» они или «ответно вторичны», а виновные в подобных злодеяниях – привлекаться к ответственности.

Правды ради, важно подчеркнуть: и палестинская сторона часто оправдывает свои террористические акты как форму ответа на вооружённые действия Израиля против мирного населения. На поверку конструируется архитектура замкнутого круга насилия, который не может быть разорван, ибо один вид терроризма считается преступлением, в то время как другой – оправданием. По мысли К. П. Буртного, изложенной им в другой своей научной статье, «уничтожение террористических баз при помощи военных действий против населения целых стран провоцирует лишь нарастание потенциала сопротивления»¹⁷. Заметим, поскольку это важно, остановить спираль насилия возможно при таком способе организации культуры военной безопасности, который будет нацелен на изживание её (спирали насилия) причин – глобальной гегемонии капитала. В этом случае предоставляется возможность су-

щественно снизить террористическую активность. А вот попытки (пусть и решительные) борьбы с международным терроризмом без реализации указанной задачи окажутся мало-результативными, так как подобное будет выступать противоборством со следствием, а не с причиной явления.

Обозначенное суждение имеет прямое отношение и к двойной логике, присущей ряду западных исследователей, которые превозносят чеченских террористов, объявляя их чуть ли не борцами за независимость. Так, Г. Хофманн, соглашаясь с тем, что установление конституционного порядка в Чечне есть внутреннее дело Российской Федерации, всё же утверждает: «Россия ущемляет свой народ в выборе свободы, подавляет его действия в этом направлении...»¹⁸. Безусловно, слова и дела российских политиков и военных в последнее десятилетие XX столетия необходимо признать провальными, и на исправление ситуации уйдёт ещё много времени. Однако зарубежный учёный «закрывает глаза» на то, что «свободолюбивые бандиты» устраивали взрывы жилых домов, в подземных переходах в Москве, захватывали больницы, школы и театр, совершали акции, связанные с физическим уничтожением десятков и сотен людей. Непризнание подобного является не просто опрометчивостью или элементарной забывчивостью, а самой настоящей близорукостью!

В начале XXI столетия настойчиво дал о себе знать ещё один вызов культуре военной безопасности – *расширяющийся «экспорт» демократии*. Вызов нашёл своё отражение в подготовке, а затем и осуществлении такого способа организации культуры военной безопасности, который получил название «*концепции унилатерализма*» в военно-политических отношениях США по отношению к некоторым государствам. Этому способствовал тот факт, что ключевые посты в военно-политическом истеблишменте страны в наступившем тысячелетии оказались в ведении неоконсерваторов (неоконов). Данная концепция основывалась на ряде постулатов: однополярное мироустройство; изменение расстановки сил во многих регионах планеты; возможность действий США в одностороннем порядке. По нашему суждению, для более глубокого понимания американской концепции унилатерализма важно проанализировать её основные положения.

Первый постулат. Суть концепции унилатерализма без обиняков сформулировал и

изложил в своей работе «Борьба за силу» несколько лет назад (в самом начале нового столетия) П. Вулфовец, исполнявший тогда обязанности заместителя министра обороны вооружённых сил США: «Америке предстоит выполнить важную миссию – силовое внедрение устоявшегося на Западе варианта миропорядка в те страны, которые испытывают в этом потребность»¹⁹. Вот так, просто, проявила себя (проявляет в настоящее время!) старая «болезнь» на новый лад с подачи неоконсерватора П. Вулфовица и иже с ним. Встать на такую позицию значит признать правомерность и необходимость крайне негативного способа организации культуры военной безопасности, заключающегося в обеспечении процветания одной нации в ущерб другим. К сожалению, США не одиноки, у них есть последователи.

Заметим и согласимся с суждением А. Мартинелли: «Глобализация развивается не прямолинейно и единообразно, а с ускорениями и замедлениями, неодинаково в разных частях мира»²⁰. Значит, по мере её продвижения, различные государственные и негосударственные субъекты военно-политической практики будут и дальше пытаться навязать конкурентам свои условия обеспечения безопасности – это во-первых. Во-вторых, те же участники мировых процессов проявят стремление занять главенствующее место в глобальном обществе и присвоить себе его основные блага, причём с помощью силы. Подчеркнём важные словосочетания: «навязать конкурентам» и «присвоить себе ... с помощью силы»! А что же другой части мирового социума? По нашей оценке, на долю остального человечества останутся только издержки в виде узкопрофилированной экономики, деградированной культуры военной безопасности, утраченной политической самостоятельности и разрушенной среды обитания. Смирение и молчаливое согласие с подобным обстоятельством будет способствовать (уже способствует!) уничтожению первых ростков многополярности и утверждению однополюсного устройства, чего, собственно, и добиваются США.

Второй постулат касается изменения расстановки сил во многих регионах планеты. В ближайшем будущем к основным центрам силы следует отнести США, их европейских союзников, Китайскую Народную Республику. По мысли М. Панова, «Соединённые Штаты Америки, как безусловный лидер современного мира, рассматривают военную силу в каче-

стве важного инструмента успешной реализации своих внешнеполитических устремлений в обозримом будущем»²¹. По нашему суждению, первая часть утверждения М. Панова соответствует действительности, но не в полной мере, с оговоркой. Важно сделать и другое умозаключение: США уже далеко не единоличный лидер, хотя и считают (ошибочно считают!) себя субъектом, который в одночасье может принимать военно-политические решения глобального характера. Так, например, Д. Модельски оперирует оценками, присущими старому стереотипу мышления: «Титул сверхдержавы США остаётся для неё значимым и в эпоху глобализации»²². Пусть остаётся «значимым», весомым, поскольку это внутреннее дело государства, но не преступно опасным для бытия международного социума. Заметим, как раз противоположное утверждает М. Пановым во второй части его цитаты, представленной выше. Согласимся в этом месте с позицией автора статьи «Военные конфликты на рубеже 2030 года», а по существу добавим: удивляться не приходится, ибо нарождающиеся центры силы в различных регионах планеты США не учитываются – для них это не тот уровень, не тот масштаб.

К сожалению, в такой ситуации культура военной безопасности оказывается «забинтованной» кризисом, а её дальнейшая реализация упирается в тупик. Сильному в военном отношении государству, а США являются таковым, важно понять и осознать, что в эпоху глобализации нет (не должно быть!) единого центра, из которого можно было бы выстраивать военно-политические отношения. Тем паче, что субъективный подход, конструирующий способ организации культуры военной безопасности с позиции силы, в большинстве случаев приводит человечество к новым локальным и региональным вооружённым конфликтам. Подчеркнём, для субъектов военно-политической практики события в Югославии, Афганистане, Ираке, Южной Осетии и Абхазии сегодня оказались «невывученными» уроками. По оценке М. М. Курочки, «...остаётся желание США ... закрепить за собой глобальное доминирование и утвердить свой проект мироустройства на века. Но это не значит, что США – единственный субъект, обладающий проектом глобализации»²³.

Страны Европы, также выступающие центром силы, в долгосрочной перспективе в военно-политической области останутся страте-

гическим союзником Америки и в целом будут придерживаться взглядов на проблемы войны и мира, аналогичных американским²⁴. Согласно В. Н. Горбунову, «на европейском континенте в ближайшие десятилетия вероятность возникновения крупномасштабных вооружённых конфликтов с применением ракетно-ядерного оружия или только обычных видов вооружения невелика»²⁵. И опять недоговорённость, недосказанность. Как будто в Европе установился мир и все проблемы, связанные с локальными вооружёнными конфликтами, разрешены. Важно отметить, что подобная экзальтация «оставляет» в стороне тщательный анализ противоречий культуры военной безопасности.

По мысли автора статьи, количество кризисных ситуаций остаётся прежним, если не большим, они требуют оперативного реагирования, в том числе и с применением вооружённых сил. Жаль, но в деятельности военно-политических субъектов просматриваются легкомыслие и бравурность. К чему это приводит на практике? К тому, что существующие и потенциальные противоречия культуры военной безопасности «вытягивают на поверхность» вооружённые конфликты, которые, при наличии старого (не работающего) механизма их разрешения, могут перейти из разряда локальных в более масштабные – региональные. Но и это ещё не всё. По оценке В. Д. Кашинского, «ведущие государства Европы оттесняются более быстро развивающимися странами»²⁶. И это понятно, ибо глобализация – не одноразовое явление, а динамический процесс, который на отдельных этапах своего развития может, да что там, уже оказывает позитивное воздействие на ряд развивающихся государств. В такой ситуации культура военной безопасности европейских стран отодвигается на третьи позиции при выстраивании военно-политических отношений нового миропорядка.

Кроме того, при выборе методов реагирования на конфликты европейцы не станут проявлять большую взвешенность, чем США, – это с одной стороны. С другой – ограниченность военного потенциала, а также географическая и культурно-историческая близость к основным очагам напряжённости в Азии, Африке и на восточных рубежах Европы с необходимостью заставят их тщательнее просчитывать возможные риски. Согласимся с суждением К. Лайна: «В подобной ситуации, европейские государства будут больше ориентированы на применение военной силы в форме миротворческих

или антитеррористических операций под эгидой международных, либо региональных организаций»²⁷.

Китайская Народная Республика – ещё один центр силы – формирует свои взгляды на роль и место культуры военной безопасности в эпоху глобализации. Согласно Е. М. Примакову, «возможно, несколько преувеличен уровень китайских достижений, но тенденция отмечается правильно и рейтинг Китая растёт в мировой классификации»²⁸. Подчеркнём, что и в военно-политических кругах США происходит если не осознание, то привлечение некоторого внимания к данной тенденции. Так, в докладе Национального разведывательного совета США в 2009 году было отмечено: «Китай имеет все шансы в ближайшие 15 лет стать «державой № 2» по экономической мощи, создать весомый военный противовес Соединённым Штатам»²⁹.

О том, что Китай выступает на мировой арене в качестве серьёзного экономического и военно-политического игрока, заявляют и другие учёные, политики и военные. В частности, по мысли американского эксперта Т. Ошихары, «доля США в мировых затратах на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки в военной области постепенно падает, а Китая – резко возрастает»³⁰. Примем во внимание данное утверждение, и не просто примем, его важно учитывать при разработке механизма реализации культуры военной безопасности. Почему, для чего? Да по одной простой причине, что нарождающийся центр силы будет пересматривать свой подход в решении проблем культуры военной безопасности. В какую сторону и против кого качнётся маятник китайского вектора военно-политических отношений? Вопрос риторический. К сожалению, Т. Осихара в своей работе не даёт ответа на данный вопрос.

По нашей оценке, с одной стороны, сдержанность и осмотрительность военно-политического руководства Китая в эпоху глобализации объясняется тем, что оно находится в поиске союзников. Это понятно и должно приветствоваться. Но, если есть «с одной стороны», значит, есть и «другой». Вот здесь-то всё серьёзнее и сложнее. А именно: в Пекине полагают, что стратегические границы жизненного пространства «сильных» держав выходят далеко за рамки государственных границ, а реальная сфера влияния многих «слабых» стран, порой, оказывается даже меньше, чем их на-

циональная территория. Факты? Имеются и факты: периодически возникающие территориальные претензии Китая к России, Гонконгу и Индии; Японии к России; конфликты на постсоветском пространстве, периодически проявляющиеся в «цветных революциях».

Военно-политическим игрокам важно осознать, что в недалёком будущем потенциал КНР увеличится, а военные возможности будут наращиваться для подкрепления нового экономического рейтинга. При условии сохранения существующих темпов экономического роста, научно-технического развития и активизации отношений с другими государствами через некоторое время КНР сможет создать второй, после США, военный потенциал. Бесспорно, он обеспечит не только сдерживание агрессора, но и участие в региональных и локальных войнах за пределами Китая. По суждению А. А. Мигунова, «для Китая удачная трансформация региональной системы и приобретение «полного» мирового статуса будут означать такое приращение могущества, которое может сделать его просто невосприимчивым к сомнениям и страхам других стран»³¹.

Третьим постулатом концепции унилатерализма выступает возможность действий США в одностороннем порядке. Мысль о реализации данного правила в жизнь стала витать в высших коридорах власти Вашингтона с конца прошлого столетия. Особенно преуспели в этом К. Райс, Э. Абрамс, Д. Фейс, П. Вулфовиц, Л. Либби, Р. Перл³². Вывод о том, что «Вашингтон может устанавливать новый миропорядок по своему усмотрению, не считаясь с нормами международного права» (кстати, «перл» Р. Перла³³), опирается на представления о победе Запада в холодной войне, сокрушительном поражении Востока. Умозаключенное спорное, слабо обоснованное, но сейчас не об этом, о другом – более важном и значимом. Поскольку идеи унилатерализма стали проявляться в практических действиях администрации Буша-младшего, постольку жители ряда регионов планеты на себе прочувствовали «жесткое» влияние одного из центров силы. Безусловно, позиция автора статьи требует аргументации, причём серьёзной научной аргументации – и она заключается в следующем.

Однополярность противопоставлялась не только опасной двухполярности, но и «взрывной» многополярности. По оценке К. Райс, в ту пору помощника президента США по национальной безопасности, «...многополярность

– это теория соперничества, конкуренции, а в своём худшем проявлении – конкуренция ценностей»³⁴. Здесь, конечно, не может быть и нет претензии на то, чтобы исчерпать всё смысловое многообразие представленных полутора строчек – это в принципе невозможно, но актуализировать сознательно скрываемые или стыдливо обходимые смыслы К. Райс вполне реально. Странно, американский политик в своей оценке многополярности «усмотрел» опасность соперничества. Да, но если таковое будет отсутствовать, то военно-политические субъекты останутся на достигнутом, иными словами, станут почивать на лаврах. В ситуации, когда мир динамично развивается, способы организации культуры военной безопасности будут устаревать, вследствие чего реальным окажется отсутствие анализа возникающих локальных и региональных конфликтов. Важно заметить, что мировой социум неоднократно являлся свидетелем того, к чему подобный подход приводил на практике в последние два десятилетия.

Развитие культуры военной безопасности подчиняется действию всеобщих законов диалектики и генерируется определёнными противоречиями, которые необходимо выявлять в интересах их своевременного разрешения. Достижение нового качества исследуемого явления осуществляется в условиях глобализации на этапе глубокой социальной модернизации и реформирования всех сфер человеческого общества. Эта ситуация ещё более усиливает противоречивость развития культуры военной безопасности, обостряет её напряжённость, обуславливает нестабильность процесса разрешения противоречий, порождает множество трудностей субъективного и объективного характера.

Особое внимание необходимо обратить на выявление содержания противоречий культуры военной безопасности в современном мире, поскольку эта проблема ещё не исследовалась в научной литературе. Следует отметить, в настоящее время существуют специальные исследования, посвящённые проблемам противоречий системы национальной безопасности³⁵, функционирования военной мощи государства³⁶, политических рисков³⁷, культуры национальной безопасности³⁸. Однако в названных и других научных работах разрешаются такие вопросы, которые лишь отчасти касаются противоречивых сторон культуры военной безопасности. Тем не менее, следует отметить, что

постановка и анализ авторами проблемы противоречий системы и культуры национальной безопасности в целом или их отдельных компонентов и аспектов послужили отправным моментом для решения поставленной автором статьи проблемы.

Подход к анализу всей совокупности противоположных сторон культуры военной безопасности позволяет выделить противоречия: а) существования; б) функционирования; в) развития. Представляется логичным названные группы противоречий рассмотреть более подробно.

Первая группа противоречий культуры военной безопасности в современном мире обусловлена проблемами развития всех основных сфер жизнедеятельности человечества. При этом, по оценке Вл. В. Чебана, «динамика внешних и внутренних условий может выдвигать одно из них в качестве главного»³⁹. Суть этих противоречий в диалектическом единстве старого и нового. Культура здесь выступает формой реализации предыдущего опыта воспроизводства гарантий военной безопасности, в то время как динамично меняющаяся социальная реальность предъявляет новые требования к её качественным и количественным характеристикам.

При этом социальные проблемы влияют на культуру военной безопасности в основном опосредованно, через механизмы деятельности органов и институтов, осуществляющих военную политику государств. Вот почему общественное воздействие на исследуемый феномен осуществляется преимущественно по политическим каналам, поскольку последние локализуются именно во властной сфере жизни государств. Это значит, что противоречия первой группы носят и имеют политические характер и природу. С учётом нынешней ситуации представляется необходимым выделить следующие *противоречия существования культуры военной безопасности*.

Во-первых, *противоречие между потребностями в реформировании всех сторон общественной жизни и необходимостью сохранения эффективных и устойчивых органов и сил, чья деятельность должна способствовать обеспечению военной безопасности*.

Связи между субъектами безопасности, как уже указывалось, являются далеко не прямыми и линейными. Так, положение и роль армий в обществе не всегда определяются уровнем его цивилизованности, поскольку многое здесь за-

висит от характера политического режима, выбора власти и отношения к этому большинства населения страны вообще и людей в погонах – в частности. В то же время общественные процессы, так или иначе, отражаются на военной безопасности и культуре её развития. Важно подчеркнуть, что на состоянии культуры военной безопасности сказывается влияние экономических, политических и духовных процессов, разворачивающихся в глобализирующемся мире.

Непонимание подобного ведёт к ошибке, касающейся «реальной причины» существования войн и армий. Так, по меньшей мере странной является формулировка этой «причины», представленная Мартином ванн Кревельдом в одной из своих работ. По мысли немецкого учёного, «она состоит в том, что мужчины любят воевать, а женщины любят мужчин, которые готовы сражаться за них»⁴⁰. Заметим, вывод в значительной степени поверхностный, надуманный, и М. ванн Кревельд не может претендовать на адекватное современности фундаментальное осмысление природы войны и армии. По нашему суждению, субъекты, которые формируют и реализуют стратегию насильственных действий, свою политику о глобальном превосходстве маскируют под глобализацию как объективный процесс интеграции мирового социума. Что касается другой части человечества, то там приоритеты расставлены иначе. В современном мире не везде армия рассматривается как часть государственной структуры, а жаль. В этой связи согласимся с оценкой И. В. Степанова: «Ряд общностей (Сомали, Афганистан), которые с большим трудом можно назвать государствами, или же движений (Хамас), представляя явную угрозу мировому сообществу, даже внутри себя не делают различий между мирным населением и армией»⁴¹.

Во-вторых, *противоречие между достаточно серьёзной нестабильностью в мире и настоящей потребностью в ненасильственных средствах и способах разрешения социальных потрясений.*

Речь идёт о том, что в условиях напряжённости отношений между государствами на планете нельзя допускать втягивания военных структур в активную политическую жизнь, превращения их в самостоятельный субъект политики частично или полностью. Историческая практика показывает, что попытки решить внутренние проблемы при опоре на Вооружён-

ные Силы способствуют утрате эффективных форм жизнеустройства. Это чревато тем, что страны, как правило, вступают на гибельный для них путь тоталитаризма и получают статус «военно-полицейского государства», понимаемого как высший тип никем и ничем не ограниченной диктатуры, опирающейся на штыки.

Заметим, ибо это важно, что для любого государства фактор нестабильности приобретает особое значение, так как на его внутреннее развитие накладываются динамичные процессы, происходящие в мире и регионах. За кажущейся стихийностью и неурегулированностью процессов и событий, вызывающих хаос, скрываются вполне осознанные цели и мотивы поведения, обусловленные интересами наций, народов и отдельных личностей. К сожалению, ряд военно-политических субъектов не видят (не «желают» видеть!) этого, проявляя стремление к единоличному доминированию в военно-политических отношениях эпохи глобализации периода конца XX–начала XXI столетий, вуалируя свои действия. Например, на первый взгляд, следует признать правомерным суждение Э. Тоффлера и Х. Тоффлера о том, что «способ создания богатств и способ ведения войны связаны неразрывно»⁴². Данная мысль не анализируется авторами книги, а просто констатируется. Много рассуждается о связи экономики и технических средств ведения войны. Но при всём при этом как бы не замечается то, что стремление к богатству и мировому лидерству характерно, прежде всего, для развитых западных стран, и в первую очередь – США. По мысли В. В. Серебряникова, «именно это привело к тому, что западные государства, особенно входящие в НАТО, стали пренебрегать нормами международного права, применять силу и развязывать войны по своему усмотрению, не считаясь с ООН, интересами других народов и государств»⁴³.

По нашей оценке, экономические, политические и идеологические устремлённости сами по себе являются теми скрытыми пружинами, которые раскачивают сегодня мир, регионы и отдельные страны. Всё зависит от того, насколько кто-либо представляет интерес для других. А посему, государства, испытывающие серьёзные трудности внутреннего характера, неизбежно становятся объектом повышенного внимания со стороны других сообществ. В зависимости от условий, оно может трансформироваться в попытку решить свои проблемы за счёт ослабшей страны любыми средствами,

военными или невоенными, что, собственно, и происходит в различных частях планеты. Согласимся с суждением М. М. Курочки: «В контексте неклассической войны постмодернизм следует рассматривать как средство в руках субъекта проективности, стремящегося установить своё глобальное господство путём уничтожения самой субъектности и проективности конкурирующих социальных систем»⁴⁴.

Подчеркнём: в современных реалиях, когда ситуация в мире напряжена и нестабильна, продолжается борьба за обладание властью в глобальном масштабе – втягивание силовых структур в эти процессы губительно для культур военной безопасности государств. Представляется логичным, что необходимо разработать и ввести в действие чёткие правовые нормы применения силовых структур внутри страны и за рубежом. Кроме того, следует положить в основу практики принцип ненасильственного, политико-компромиссного и легитимного разрешения возникающих на планете конфликтов.

В-третьих, противоречие между состоянием военной безопасности и необходимостью в создании такой привлекательной политико-экономической, социально-нравственной модели государства, которая располагала бы к себе другие.

Разрешение данного противоречия заключается в такой военной безопасности и культуре её обеспечения, результатом которой является получение продукции, не нуждающейся в особой системе защиты, так как она не стимулирует какие-либо опасности и угрозы. Разумеется, многое зависит от современных правил международной жизни и положения внутри стран. Если в основе организации военной безопасности государства, общества и личности будет лежать соперничество, то производство «конкурентоспособной продукции» не приведёт к отрицанию динамичного характера развития системы. Это в полной мере относится и к политике, и культуре, и военной области, и духовной жизни. Притягательные, «державшие удары судьбы» образцы политического устройства и социальной организации общества, духовные ценности, к которым тянутся люди, не нуждаются на стадии своего совершенства в полномасштабной системе военной безопасности. Их иммунитет против вызовов и угроз заложен уже в генетическом коде и закреплён в результате длительного процесса развития и функционирования культуры.

Например, современные модели устрашения возможного противника построены на внушительной военной мощи, применение которой маловероятно, поскольку сама мысль о нападении на сильного представляется абсурдной. Между тем, в истории имели место случаи, когда действия агрессора, в конечном счёте, заканчивались плачевно именно для него. В частности, Китай многократно был объектом военного нападения извне. Однако со временем агрессоры, имея более низкий уровень культуры по сравнению с этой страной, медленно и верно «окитаивались». Словом, одним из способов организации культуры военной безопасности является создание такой привлекательной экономической, социально-политической и нравственной модели общества, которая была бы привлекательна для других. В полной мере это касается и вооружённых сил любого государства, и Россия, для которой актуально сохранение собственной субъектности и проективности – не исключение из правила. В этой связи прав, дважды прав М. Н. Шахов: «В настоящее время Вооружённые Силы России, как и общество в целом, нуждаются в формировании привлекательного и престижного облика на путях инновационного развития»⁴⁵.

Таким образом, анализ противоречий существования позволяет сделать вывод о необходимости диалектического отрицания неработающих свойств культуры военной безопасности, сохранив её генетический код. При этом следует привнести в неё то новое качество, которое бы отвечало потребностям обеспечения социального заказа по поддержанию гарантий безопасного существования государства, общества и личности в реальных и прогнозируемых пространственно-временных координатах деятельности социума.

Поскольку сущность исследуемого явления заключается в постоянном воспроизводстве военно-политических отношений безопасного бытия, представляется обоснованным во второй группе противоречий – *противоречий функционирования культуры военной безопасности* – выделить следующие.

Во-первых, противоречие между необходимостью регулирования всего многообразия военно-политических отношений субъектов современного исторического процесса и наличием устаревших стандартов поддержания военной безопасности.

Среди причин этого противоречия одной из главных необходимо признать правовой ниги-

лизм, усиливающийся серьёзными издержками законотворческой деятельности в военной области. Незрелость правовых основ практики военной безопасности существует не из-за отсутствия передовых научных идей, а из-за жёсткого сопротивления, которое встречается со стороны бюрократического аппарата на пути к их реализации. Сегодня функционирование исследуемого социального явления, по мысли Ю. И. Дерюгина, «...идёт по пути сращивания ... власти с элитой силовых структур ... не только армейского истеблишмента, но и других военизированных ведомств, а также специальных служб»⁴⁶. При этом наблюдается явное доминирование решения проблем безопасного положения правящего режима. Словом, государство узурпировало право быть единоличным субъектом практики военной безопасности.

Во-вторых, *противоречие между необходимостью соблюдения единства интересов личности, общества, государства и неспособностью ключевых персоналий власти определить и реализовать стратегию военной безопасности, адекватную реалиям современной жизни.*

На переживаемом этапе это противоречие угрожает существенным ослаблением военной безопасности многих стран и регионов. Неспособность руководителей ряда государств определить адекватную своим национальным условиям концепцию развития культуры военной безопасности, по своей сути, означает воссоздание таких форм жизнедеятельности, которые рано или поздно способны привести к подрыву основ существования социума. Исторический опыт показывает, что такого рода противоречия ликвидируются двумя способами: либо «сверху», за счёт корректировки курса, либо «снизу», через известные формы гражданского и массового протеста.

И, наконец, третья группа противоречий – это *противоречия развития культуры военной безопасности.*

Основным в ней выступает *противоречие между содержанием, характером и динамикой развития военно-политических отношений и способностью культуры военной безопасности обеспечить своевременный и адекватный ответ на всевозможные деструктивные процессы и явления.* Это обусловлено факторами как объективного, так и субъективного характера.

К объективным можно отнести кардинальные изменения международной обстановки. С точки зрения угроз безопасности в между-

народной сфере необходимо отметить непрекращающиеся попытки изолировать многие страны от участия в решении важных мировых проблем, навязать им статус зависимых от иностранного влияния сообществ. Поскольку процесс внешнего управления «уже идёт», это требует от рационально мыслящих политиков, военных, учёных новых шагов и принципиально иных подходов в развитии международных отношений. Кроме того, не пропадает стремление ряда государств удовлетворить за счёт других стран свои амбиции.

Среди субъективных факторов, прежде всего, необходимо выделить следующие:

- выбор и реализация рядом государств ошибочной парадигмы развития культуры военной безопасности;

- гносеологические трудности, связанные с несовершенством человеческого знания о механизме возможных военных потрясений и их предотвращении;

- неадекватная оценка масштаба и последствий опасных процессов;

- внутреннее состояние носителей культуры военной безопасности, не позволяющее им в полной мере реализовать её конструктивный потенциал.

Подчеркнём, что атмосфера всеобщих разногласий накладывает отпечаток на действие «субъективного фактора» в решении жизненно важных проблем человечества. Распространённой ошибкой ряда государственных деятелей является прямое механическое заимствование зарубежного опыта (особенно США) без проведения собственного всестороннего анализа проблемы и условий её решения. В этой связи нельзя оставить без внимания мысль В. В. Филатова: «Постепенный распад этнических ценностей приоритетов неизбежно приводит к распаду самого народа»⁴⁷. Есть чему учиться и у американцев, и у немцев, и у французов. Однако необходимо принимать во внимание тот факт, что их армии созданы, исходя из геополитического положения, внутреннего состояния государств, национальных и, собственно, военных традиций. Поэтому прямое бездумное копирование, кроме ущерба, культурам военной безопасности ничего не принесёт.

Анализ предложений и советов в области военной безопасности убеждает в том, что именно особенности стран забываются «крупными специалистами», начиная от оценки характера войн будущего и заканчивая необходимым численным составом вооружённых сил. В

частности, в работе американцев Э. Тоффлера и Х. Тоффлера «Война и антивоина...» будущее мирового сообщества усматривается в дифференциации культуры народов и государств по уровням «трёх волн»: доиндустриальной, индустриальной и сверхиндустриальной. В книге выдвигается весьма спорное положение о том, что для обществ «первой волны» исходной формой мира было «щадающее насилие», якобы сводящее к минимуму сам факт насилия. По суждению авторов, «щадающее насилие имело место по отношению к гражданскому населению, детям и военнопленным»⁴⁸. Но истории известны многие войны и другие факты вооружённого насилия, в которых армии и иные вооружённые государственные формирования полностью истребляли население побеждённых городов и значительных территорий. Следует согласиться с оценкой Б. Н. Кузык: «Расплачиваться за ошибки правящей элиты приходится многострадальному народу»⁴⁹.

Рассмотренные группы противоречий помогают обнаружить то *основное*, что «движет» развитие культуры военной безопасности. По нашему суждению, суть его в противоречивом единстве старого и нового. Именно в нём культура предстаёт формой реализации всего предшествующего опыта по воспроизводству военно-политических отношений в предотвращении и пресечении попыток внешних и внутренних деструктивных сил нанести ущерб обороноспособности (военной мощи) конкретного государства. В то же время динамично меняющееся социокультурное поле эпохи глобализации предъявляет новые, более высокие требования к качественным и количественным характеристикам военной безопасности.

В этой связи актуализируется потребность, с одной стороны, диалектического отрицания «неработающих» свойств культуры военной безопасности. А с другой – усиления в ней таких параметров, которые бы способствовали гарантированному исключению всевозможных действий потенциального противника осуществлять негативное воздействие на функционирование и развитие социума. Умозаключение здесь очевидно: *основным противоречием культуры военной безопасности в современном мире необходимо признать следующее. Это противоречие между содержанием развития военно-политических отношений, создающих или предрасположенных к созданию военных опасностей и угроз человечеству, и способностью культуры к формированию сво-*

временного адекватного ответа на возникающие деструктивные процессы.

Иными словами, система как международной, так и военной безопасности, созданная во второй половине XX столетия и существующая ныне (ООН, НАТО, ОБСЕ), неадекватна новым вызовам, попытки же США закрепить своё единоличное лидерство на планете на данном этапе провалились. И нет ничего странного в том, что деструктивный потенциал в мире растёт, а механизмы, способные регулировать новые глобальные проблемы (терроризм, «экспорт» демократии, распространение ядерного оружия, увеличение количества внутри- и межгосударственных вооружённых конфликтов), пока ещё не созданы⁵⁰. Таковы основные противоречия культуры военной безопасности на сложном и напряжённом этапе развития современного мира.

Таким образом, современная военно-политическая практика убедительно доказывает, что поражения, трагедии и катастрофы выступают, в том числе, следствием кризиса культуры военной безопасности, обусловленного деструктивным развитием её противоречий. Для адекватного восприятия вызовов, угрожающих человечеству, выработки механизмов их преодоления и купирования целесообразно сосредоточить внимание на знаниях, традициях, идеалах, которые призваны обеспечить самосохранение социума в планетарном масштабе.

Примечания

¹ Логойко, П. Я. Что век грядущий нам готовит? Минск : Шпак, 2008. С. 42–43.

² Бабич, В. В. О новом подходе к анализу современного противоборства и некоторых других проблемах // Воен. мысль. 2008. № 3. С. 39.

³ См., например: Пилецкий, С. Г. Феномен человеческой агрессивности // Вопр. философии. 2008. № 10. С. 50–65.

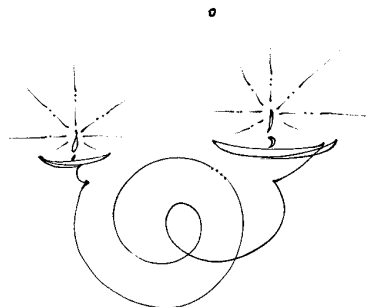
⁴ Круглов, В. В. Новый подход к анализу современного противоборства // Воен. мысль. 2006. № 12. С. 60.

⁵ См., например: Серебрянников, В. В. Природа человека : источник войн или миролюбия. М. : Науч. мир, 2007. С. 251; Скрыльник, А. И. Человек воинствен или миролюбив // Безопасность Евразии. 2007. № 4. С. 532; Капто, А. С. Природа человека в ракурсе войны и мира // Социал.-гуманитар. знания. 2008. № 3. С. 181–182.

- ⁶ Цит. по: Долгов, К. М. От Киркегора до Камю : очерки европейской философско-эстетической мысли XX века. М., 1990. С. 218.
- ⁷ Круглов, Б. И. Эра непонимания. Мысли о современном мире. Киев : Наукова думка, 2009. С. 204.
- ⁸ Примаков, Е. М. Мир без России? К чему ведёт политическая близорукость. М. : Рос. газ., 2009. С. 38.
- ⁹ Кингстон-Макклори, Э. Глобальная стратегия. М. : Куликово поле, 2005. С. 67.
- ¹⁰ Веронский, Н. Ф. Терроризм периода глобализации : pro и contra. Красноярск : Науч. мир, 2008. С. 252.
- ¹¹ Хануков, Т. Б. Расширенный Ближний Восток в эпоху глобализации. Махачкала : Наука, 2009. С. 97.
- ¹² Brzezinski, Z. Second Chance : Three President and the Crisis of America. N. Y., 2007. P. 108.
- ¹³ Кафтан, В. В. Институционализация террорологии в России как философско-эпистемологическая проблема : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2009. С. 3.
- ¹⁴ Буртный, К. П. Разрушительный потенциал этнорелигиозного терроризма // Безопасность Евразии. 2009. № 4. С. 347.
- ¹⁵ См.: Природа этнорелигиозного терроризма / под ред. Ю. М. Антоняна. М. : Аспект Пресс, 2008. С. 7.
- ¹⁶ Примаков, Е. М. Указ. соч. С. 48.
- ¹⁷ Буртный, К. П. Глобальный терроризм – реальность XXI века // Безопасность Евразии. 2006. № 1. С. 618.
- ¹⁸ Hofmann, G. War for the independence in Russia. N. Y., 2007. P. 196.
- ¹⁹ Voilfovichz, P. The Struggle for Power. Princeton, 2003. P. 69.
- ²⁰ Мартинелли, А. От мировой системы к мировому обществу // СОЦИС. 2009. № 1. С. 6.
- ²¹ Панов, М. Военные конфликты на рубеже 2030 года / М. Панов, В. Маневич // Зарубеж. воен. обозрение. 2008. № 1. С. 6.
- ²² Modelski, G. Globalization as Evolutionary Process. Modeling Global Change / G. Modelski, T. Devezas, W. R. Thompson. L.; N. Y. : Routledge, 2007. С. 94.
- ²³ Курочко, М. М. Война и армия как средства реализации онтологий социальной проективности в условиях глобализации // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Филос. науки. 2010. Вып. 19, № 2. С. 53.
- ²⁴ См.: Пересветов, С. П. Европейский континент в начале нового столетия. СПб. : Нева, 2009. С. 218.
- ²⁵ Горбунов, В. Н. О характере вооружённой борьбы в XXI веке / В. Н. Горбунов, С. А. Богданов // Воен. мысль. 2009. № 3. С. 11, 12.
- ²⁶ Кашинский, В. Д. Динамические процессы глобализации. Самара : Альфа и Омега, 2008. С. 359.
- ²⁷ Layne, C. Impotent Power? Re-examining the Nature of America's Hegemonic Power // The National Interest. Sept.-Oct., 2006. P. 43.
- ²⁸ Примаков, Е. М. Указ. соч. С. 20.
- ²⁹ Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025 : меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М. : Европа, 2009. С. 72.
- ³⁰ Yoshihara, T. Chinese information warfare: a phantom menace or emerging threat? Strategic Studies Institute, U.S. Army War College. Carlisle, 2001. P. 8.
- ³¹ Мигунов, А. А. О реформе вооружённых сил Китая и развитии российско-китайских отношений // Воен. мысль. 2008. № 10. С. 59.
- ³² Перечисленные персоналии в начале XXI века занимали высокие посты в Госдепартаменте и Министерстве обороны США.
- ³³ См.: Perl, R. Military and economical potential of USA in XXI century. N. Y., 2003. P. 83.
- ³⁴ Из выступления К. Райс в Международном институте стратегических исследований. Лондон, 24.06.2003.
- ³⁵ Мирошниченко, В. М. Национальная безопасность Российской Федерации. Обеспечение и организация управления : монография. М. : Экзамен, 2002. 256 с.
- ³⁶ Угримов, В. Н. Противоречия функционирования военной мощи государства : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1993. 20 с.
- ³⁷ Воробьёв, Ю. Л. Основные направления государственной стратегии управления рисками в XXI веке // Безопасность Евразии. 2001. № 2. С. 526–544; Джус, И. В. Политические риски : оценка, анализ и управление рисками. М. : ИМЭМ РАН, 2004. 312 с.
- ³⁸ Чебан, Вл. В. Культура национальной безопасности России : история и современность (социально-философский анализ) : монография. М. : Академия ФПС РФ, 1996. 144 с.
- ³⁹ Там же. С. 27.
- ⁴⁰ Кревельд, М. ван. Трансформация войны. М., 2005. С. 329.
- ⁴¹ Степанов, И. В. Философский аспект природы военных действий в классической немецкой военной теории XIX века // Аспирантский вестн. Поволжья. Философия. Социология. Право. Политология. 2010. № 1–2. С. 74.

- ⁴² Тоффлер, Э. Война и антивоина. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на расвете XXI века / Э. Тоффлер, Х. Тоффлер. М. : АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 105.
- ⁴³ Серебрянников, В. В. Армия : новый смысл и содержание деятельности // Воен.-филос. вестн. 2008. № 2. С. 103.
- ⁴⁴ Курочко, М. М. Война и армия как средства реализации онтологий социальной проективности в условиях глобализации // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Филос. науки. 2010. Вып. 19, № 2. С. 57.
- ⁴⁵ Шахов, М. Н. Трансформация Вооружённых Сил России в условиях социальной модернизации // Воен.-филос. вестн. 2008. № 2. С. 117.
- ⁴⁶ Дерюгин, Ю. И. Идёт ли Россия к военно-полицейскому государству? // Безопасность : информ. сб. Фонда национ. и междунар. безопасности. 1995. № 3–4. С. 12.
- ⁴⁷ Филатов, В. В. Антифилософия (записки подпольного парадоксалиста). Саратов : Изд.-во Сарат. ун-та, 2007. С. 68.
- ⁴⁸ Тоффлер, Э. Указ. соч. С. 325.
- ⁴⁹ Кузык, Б. Н. Россия – 2050 : стратегия инновационного прорыва / Б. Н. Кузык, Ю. В. Яковец; 2-е изд. доп. М. : Экономика, 2005. С. 7.
- ⁵⁰ См.: Братерский, М. В. Мир и Россия сегодня и завтра // Безопасность Евразии. 2007. № 2. С. 500.

ИСТОРИЯ ВОСТОКА

Д. А. Суровень

БРАЧНЫЕ СВЯЗИ ГОСУДАРЯ Ō-САДЗАКИ (НИНТОКУ) И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКАЯ БОРЬБА В ЯМАТО В КОНЦЕ 10-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-х ГОДОВ V ВЕКА

В статье, на основе материалов японских источников, анализируются брачные отношения государя Ō-садзакки (Нинтоку, 418–425 / 427 годы испр. хрон.), в которых нашла отражение политическая борьба конца 10-х – начала 20-х годов V века. Проанализированы особенности статуса главной жены («государыни»), формы борьбы общинной знати за власть и окружение монарха Ямато. Раскрыты объективные и субъективные причины смены системы брачных отношений в клане правителей Японии в начале V века.

Ключевые слова: древняя Япония, Ямато, Дзингу, Хомуда, Ōдзин, Ō-садзакки, Нинтоку, мятеж Хаябуса-вакэ, «Кодзики», «Нихон-сёки», «Кудзи-хонки», «Ки-удзи-но катё».

С момента основания государства Ямато на рубеже III–IV веков его правители, с целью сохранения власти внутри своего рода, вступали в браки с ближайшими родственницами по женской линии¹. С восшествием на престол фактически новой династии Дзингү²–Ōдзина–Нинтоку меняется система брачных связей, а значит (в некоторой степени) и порядок престолонаследия. Начиная с царствования Ō-садзакки (др.-яп. *Опо-сазакки* / Нинтоку, 418–425 / 427 годы [испр. хрон.]³, сына Хомуда (др.-яп. *Помута* / Ōдзина, 390–414 / 415 годы [испр. хрон.]⁴, при правителе стал выдвигаться сильный клан, который, за счёт браков с государем, становился правящим. Однако причины смены системы брачных связей и степень влияния этого явления на внутривластную борьбу в научной литературе в должной мере не выяснены, в связи с чем существует необходимость проанализировать сведения древнеяпонских источников, чтобы установить истоки этих изменений.

Брачным связям Ō-садзакки (Нинтоку) в «Кодзики», «Нихон-сёки» и «Кудзи-хонки» посвящены большие разделы. Это значит, что для составителей древних хроник данная информация имела огромное, причём явно поли-

тическое значение, поэтому любовным похождениям Ō-садзакки и было уделено так много внимания. Попробуем разобраться в этой политической подоплёке событий начала V века [испр. хрон.].

До прихода к власти, Ō-садзакки не являлся наследным принцем (наследником был другой сын государя Хомуда – Удзи-но вака-ирацукко). Поэтому для Ō-садзакки не было необходимости придерживаться древнего правила – брать жён из рода правителей. Вследствие этого, ещё до начала царствования, первой женой Ō-садзакки стала девушка Ива-но химэ (др.-яп. Ипа-но пимэ) из рода Кацураги, дочь Кацураги-но Соцу-бико (др.-яп. Кадураки-но Соту-пико), который был основателем и главой клана *Кацураги* (*Кадзураки*). Генеалогия данного рода уходит корнями ещё в период “восьми правителей” – к Кōгэню (8-му). Кōгэн находился в браке с женщиной (неглавной женой – яп. *хи*) по имени Икагасикомэ из рода Ходзуми-но *оми*⁵. Предком этого клана считался Умасимади – сын Ниги-хаяхи (др.-яп. Ниги-паяпи – выходца из Кюсю, прибывшего в Центральную Японию, предположительно в середине III века [испр. хрон.] – ещё до появления здесь основателя

династии Ямато – государя Дзимму) и знатной женщины Томи-бимэ (дочери Томи-бико / Нагасунэ-бико)⁶. Таким образом, клан Ходзумино *оми* являлся фактически ветвью влиятельного рода Томи-бико – главы объединения общин Кинай конца III века н. э. [испр. хрон.]. В браке Кōгэна и Икагасикомэ был рождён сын – Хико-фуцуси-но Макото-но *микото* (др.-яп. Пико-путуси-но Макото-но *микото*). Он (или по другой версии – его сын Януси-но Оси-такэ-во-кокоро-но *микото*), в свою очередь, взял в жены Ямаситакагэ-бимэ, младшую сестру Удзу-хико (др.-яп. Уду-пико), предка Ки-но *куни-но мияцуко*. В этом браке был рождён Ки-но Такэути-но *сукунэ*, могущественный политический деятель при дворах Сэйму, Т̄юая, Дзингū и Ōдзина (середины – второй половины IV века [испр. хрон.]). Сыном могущественного *ō-оми* Такэути-но *сукунэ*⁷ и был Кацураги-но Нагаэ-но Соцу-бико⁸ [Кодзики, св. 2-й, Когэн; Кōjiki, II, LXI⁹], который стал отцом первой жены Ō-садзаки (Нинтоку)¹⁰ [Кодзики, св. 3-й, Нинтоку; Кōjiki, III, CXIX]. То же самое сказано в «Ки-удзи-но кат̄ё» («Родословной клана Ки»): «Детей Такэути-но *сукунэ* [было] вместе девять [человек] (мальчиков – семь, девочек – две). [Он] женился на Кацура-химэ (др.-яп. Кадура-пимэ) – дочери “управляющего областью” Кацураги-но *куни* (Кацураги-но *куни-но мияцуко*) [по имени] Арата-хико. [Она] родила Соцу-бико-но *сукунэ* (др.-яп. Соту-пико-но *сукунэ*). [Соцу-бико-но *сукунэ*] проживал в деревне Нагаэ-но *мура* округа Кацураги-но *агата* области Ямато-но *куни*. Поэтому называли [мальчика] Кацураги-но Нагаэ-но Соцу-бико-но *сукунэ* (“Соцу-бико [в звании] *сукунэ* из [деревни] Нагаэ [в округе] Кацураги”). [Он] предок [кланов] Кацураги-но *асоми*, Икупа-но *оми*»¹¹. В «Кодзики» сообщается: «...Кадзураки-но Нагаэ-но Соцу-бико (предок Таматэ-но *оми*, Икуха-но *оми*, Икуэ-но *оми*, Агина-но *оми*)...»¹² [Кодзики, св. 2-й, Когэн; Кōjiki, II, LXI]. В «Синсэн-сёдзи-року» Кацураги-но Соцу-бико также назван предком кланов Икуха-но *оми* (др.-яп. Икупа-но *оми*)¹³ [Синсэн-сёдзи-року, св. 6-й, Икупа-но *оми*], а также Агина-но *оми* и Нуноси-но *обито*. «[Люди рода] Агина-но *оми*... являются потомками сына Такэути-но *сукунэ* – Кацураги-но Соцу-бико-но *микото*. [Люди рода] Нуноси-но *обито*... Являются потомками Кацураги-но Соцу-бико-но *микото*»¹⁴ [Синсэн-сёдзи-року, св. 8-й, Агина-но *оми*, Нуноси-но *обито*]. Как отмечают ис-

следователи, будучи послан военачальником японцев в Корею (по «Пэкче-ки»: в год *мидзунэ-ума* [382 год испр. хрон.]), Кацураги-но Соцу-бико не выполнял царских указов¹⁵ [Нихон-сёки, св. 9-й, Дзингу, 62-й год пр.; Nihongi, IX, 32¹⁶].

Позднее Кацураги-но Соцу-бико выдал за муж за Ō-садзаки свою дочь Ива-но химэ (др.-яп. Ипа-но пимэ)¹⁷. Она была старшей из жён, возможно, старше Ō-садзаки (Нинтоку). Их брак (учитывая дату рождения Ō-садзаки¹⁸) мог быть заключён не ранее 389–390 годов [испр. хрон.]. Ива-но химэ стала матерью будущих государей Ритю, Хансё и Ингё – всех правителей второй четверти V века¹⁹. В начале царствования Ō-садзаки, но не сразу (по «Нихон-сёки», это произошло во 2-й год царствования), Ива-но химэ была провозглашена государыней (др.-яп. *опо-кйсаки*, совр.-яп. *кōгō*, кит. *хуан-хоу*)²⁰. Пауза, надо полагать, была вызвана тем, что Ива-но химэ не принадлежала к роду правителей Ямато. Может быть, рассматривались другие кандидатуры на этот пост. Учёные указывают, что Ива-но химэ первая из государынь, которая происходила **не из рода правителей** Ямато²¹.

Среди жён Ō-садзаки необходимо выделить вторую супругу – Каминага-химэ, которая также стала его женой до того, как Ō-садзаки вступил на трон. Поэтому она тоже не принадлежала к роду правителей Ямато. Каминага-химэ была дочерью Химука-но Моро-агата-но *кими* Усиморо (досл. “повелитель всех округов в Химука [по имени] Усиморо”)²². Возможно, тесть Ō-садзаки был управителем всех государевых владений области Химука (др.-яп. Пимука), то есть территории, откуда выходцами являлись предки династии Ямато²³. Анонимный источник, цитируемый в «Нихон-сёки» сообщает, что Моро-агата-но *кими* Уси (Усиморо) служил при дворе государя Хомуда (Ōдзина), но «состарился и уже не годился для службы. Поэтому он оставил свой пост и возвратился в родные края, а ко двору прислал свою дочь, Ками-нага-пимэ»²⁴. Важность данной брачной связи подчёркивалась тем, что в источниках особо (в большом разделе) описывается сватовство и свадьба Ō-садзаки и Каминага-пимэ. В 3-м месяце 13-го года правления Хомуда [402 году испр. хрон.] девушка была вызвана из Химука (первоначально для брака с государем Хомуда), но понравилась его сыну – принцу Ō-садзаки и была отдана ему в жёны (тогда Ō-садзаки было 29 лет²⁵).²⁶

Ситуация изменилась, когда Ё-садзаки (Нинтоку) вступил на престол. Статус главы государства теперь обязывал Ё-садзаки, следуя старой брачной традиции (для сохранения власти внутри рода монархов Ямато), взять в жёны женщину из своего клана. Однако все попытки сделать это встретили жёсткое сопротивление государыни Ива-но химэ (др.-яп. Ипа-но пимэ). Источники объясняют поведение Ива-но химэ большой ревнивостью главной жены²⁷. «Государыня Ипа-но пимэ-но микото была очень ревнива. Поэтому она не терпела во дворце других женщин, прислуживающих государю. А если что было не по ней, приходила в ярость...»²⁸. Так, приблизительно, в 420 году [испр. хрон.] государь Ё-садзаки попытался вступить в связь с женщиной²⁹ из области Танива³⁰ – Кувата-но Куга-химэ (др.-яп. Купата-но Куга-пимэ), служившей при дворе государя Ямато (др.-яп. мия-пито, совр.-яп. мия-хито – досл. “[из] дворцовых людей”). «Государь представил своим личным служителям [яп. киндз̄ю-но тонэри-домо – досл. “тонэри из приближённых”³¹ – С. Д.] придворную даму по имени Кувата-но Куга-пимэ и рёк: “Хотелось бы мне приласкать эту женщину, но из-за ревности государыни-супруги я не мог с ней встречаться, и вот уже много лет миновало...”³². Поэтому её отдали предку рода Харима-но кун-но мияцуко Хая-мати (др.-яп. Пая-мати) из области Харима³². Потом, «прослышав о красоте Куро-пимэ, дочери Киби-но Абамэ-но атами, государь призвал её к себе. Однако она убоялась ревности государыни и сбежала к себе на родину...». Узнав о любви Ё-садзаки к Куро-пимэ, «...государыня пришла в гнев и отправила людей, чтобы они догнали [Куро-пимэ]...». «Государь же, тоскуя по ней, обманул государыню, сказав: “Хочу взглянуть на остров Апади”... С этого острова государь проследовал в землю Киби...». Там Ё-садзаки уже вступил в связь с Куро-пимэ, но скрыл данный факт от государыни³³.

Но упорство государыни в вопросе о связях государя с другими женщинами, учитывая практиковавшееся тогда многожёнство (*полигинию* как форму *полигамии*), делает поведение Ива-но химэ необычным и неприемлемым для того времени. Скорее всего, оно имело более глубокие причины – нежелание потерять свой статус первой супруги государя и, как следствие этого, желание, чтобы её клан – клан Кацураги не утратил своё положение правящего рода при монархе. Видимо, она и её родичи хо-

рошо понимали, что статус главной жены для Ива-но химэ является нарушением древнего брачного обычая рода монархов Ямато, а поэтому её положение было очень уязвимо. В любой момент Ива-но химэ могли отстранить от должности *опо-кисаки* и заменить её женщиной из государева рода.

Тогда Ё-садзаки решил взять в супруги двух своих *единокровных* сестёр (др.-яп. *мама-имо* – т. е. рождённых другими матерями, но от одного отца)³⁴ по имени Ята-но ваки-ирацумэ и Удзи-но ваки-ирацумэ³⁵. По официальной версии «Кодзики» и «Нихон-сёки» они были *дочерьми государя* Хомуда (Ёдзина) от двух жён из рода *Вани-но Хифурэ-но ёми* (др.-яп. Вани-но Пипурэ-но *опоми*)³⁶ – Мия-нуси-якаваэ-химэ (Мия-нуси-яка-химэ) и её младшей сестры – Вонабэ-но *ирацумэ*³⁷. Правда, «Кудзи-хонки» утверждает, что Ята-химэ [она же – Ята-но ваки-ирацумэ], так же как и её мать и одновременно жена государя Ёдзина – Яманаси-химэ [отождествляемая с Якаваэ-химэ] – по женской линии происходили из рода Мононобэ-удзи [Кудзи-хонки, св.5-й (6), 10-е поколение]³⁸. Тем не менее, по мужской линии Ята-но ваки-ирацумэ (Ята-но химэ, Ята-химэ) была дочерью государя Хомуда (Ёдзина) и принадлежала к государеву роду. А значит, она, в отличие от Ива-но химэ, имела полное право стать государыней (т. е. главной женой). Кроме того, как утверждает «Нихон-сёки», принцесса Ята-но химэ якобы была предложена принцу Ё-садзаки её старшим родным братом – государем Удзи (Удзи-но вака-ирацуко) [415–417 годы испр. хрон.] перед своей смертью: «Хоть и недостойна она [твоих] свадебных даров, всё же пусть войдёт она в число [обитательниц] твоего внутреннего дворца»³⁹. Такая брачная связь для узурпатора Ё-садзаки (отнявшего власть у своего брата – государя Удзи) была важна, так как Ята-но химэ при своём старшем брате Удзи, скорее всего, была верховной жрицей. Брак с верховной жрицей, как это повелось издревле, давал право на верховную власть⁴⁰.

Поэтому, когда Ё-садзаки решил объявить государыне Ива-но химэ о своём выборе относительно принцессы Ята-но химэ (Ята-но ваки-ирацумэ), согласия с её стороны он не получил. «Весной, в начальном месяце... государь рёк государыне: “Я желаю призвать принцессу Ята-но пимэ и сделать супругой”. Государыня разрешения не дала...»⁴¹. Ё-садзаки пробовал намекать, что ему, как знатному человеку, полагается не одна жена. Но Ива-но химэ, в разрез с *поли-*

гамными традициями древнеяпонского общества, упорно сопротивлялась. И это притом, что у Ё-садзаки с 402 года [испр. хрон.] уже была вторая жена – Каминага-химэ из области Химука⁴², которую государыня спокойно переносила и не выказывала никакого недовольства. То есть любовь и ревность тут были ни при чём. Так как Каминага-химэ не была “царских кровей”, то она “ревности” у Ива-но химэ не вызывала, потому что не могла претендовать на пост государыни (главной жены). Более того, можно полагать, что одновременно с Ята-но химэ государь Ё-садзаки взял в жёны её младшую единокровную сестру – Удзи-но ваки-ирацумэ⁴³. Однако эта брачная связь осталась государыней Ива-но химэ незамеченной. Таким образом, получается, что в основе недовольства государыни Ива-но химэ новым браком государя с Ята-но химэ лежали **политические мотивы**. В конечном итоге, как считает Цутихаси Ютака, правителю Ё-садзаки даже пришлось намекнуть, что как бы не пришлось Ива-но химэ отправиться во свояси – в родительский дом⁴⁴. Однако «государыня всё же решила ему позволения не давать и молчала, не говоря ни слова в ответ»⁴⁵ [Нихон-сёки, св. 11-й, Нинтоку, 22-й год пр.].

Подходящий момент для брака с Ята-но химэ представился позже, когда «...решила как-то государыня устроить пир и отправилась в землю Ки, чтобы набрать листьев *митуна-касипа* [которые использовались как чаши для винопития⁴⁶ – С. Д.]...»⁴⁷. «Осенью... в день *киното-но уси* 9-го месяца, когда новолуние пришлось на день *киното-но у*, государыня соизволила отправиться в страну Ки-но куну...»⁴⁸. Тогда государь Ё-садзаки, не получивший согласия от государыни на брак с новой супругой, в отсутствие “главной жены”, «взял в жёны Ята-но пимэ и поместил её во дворец...»⁴⁹. Об этом же сказано в «Кодзики»: «Государь же взял тогда себе в жёны Ята-но ваки-иратумэ»⁴⁷.

В это время Ива-но химэ «...достигла местности Кумано-но *саки*⁵⁰ и, набрав там тройных листьев дерева *касипа*, вернулась обратно»⁴⁸. «Достигнув переправы Нанипа, государыня узнала о встрече государя с Ята-но пимэ и чрезвычайно вознегодовала...»⁴⁹. Подробности этого события сообщены в «Кодзики». «Когда государыня возвращалась обратно на лодке, наполненной листьями *митуна-касипа*, [некий муж], отбывавший трудовую повинность в ведомстве по доставке воды ко двору, который происходил из уезда Косима земли Киби, воз-

вращался к себе на родину; на большой переправе в Нанипа он встретил отставшую от всех лодку [некоей жен(щин)ы], служившей в дворцовых хранилищах. Он сказал ей: “Государыня пребывает в таком спокойствии – наверное, она не знает, что государь взял в жёны Ята-но ваки-иратумэ и день и ночь развлекается с ней?” Услыша[в] такие речи, служительница хранилищ догнала лодку государыни и в точности передала то, что ей было сказано. Государыня пришла в великий гнев и ярость и побросала в море все листья *митуна-касипа*, что были в лодке. Вот почему это место называется мысом Миту»⁵¹. Согласно «Нихон-сёки», переправе, где были выброшены листья, присвоили название Касипа⁵². Вознегодовав, государыня «швырнула листья *касипа* в море и не захотела выходить на берег. И вот, оттого что там были разбросаны эти листья, люди того времени называли это побережье переправой Касипа. Государь же не знал, что государыня гневается и не желает высаживаться на берег. По собственной воле пришёл он к Большой бухте и ждал ладьи государыни»⁴⁹.

Тут уже государыня Ива-но химэ пошла на крайний шаг – это выразалось в том, что главная жена, которая должна была проживать вместе с супругом⁵³ (в отличие от младших жён, живших отдельно⁵⁴), покинула своего мужа. «Не заезжая во дворец, она направила свою лодку вверх по каналу [Нанипа⁵⁵ – С. Д.]...»⁵⁶. «Государыня же, не приставая к Большой бухте, повернула назад, поднялась по реке вверх...»⁴⁹. Исследователи полагают, что, по-видимому, государыня вошла в устье реки Ёдогава⁵⁷. Потом перешла в её приток Кидзугава (тогда называвшийся рекой Ямасиро, т. к. она протекала по территории области Ямасиро⁵⁸)⁵⁹. «...Она... проследова[ла] по течению реки Ямасиро [старое название реки Кидзугава⁶⁰ – С. Д.]...»⁵⁶. «Государыня же, не соизволив вернуться, двинулась дальше, [д]ойдя до реки Ямасиро-гава...»⁴⁹. По этому притоку Ива-но химэ повернула на юг, примерно к землям нынешнего города Кидзу, уже вблизи границы с современной префектурой Нара (тогда это были территории области Ямато)⁵⁹. Ива-но химэ надеялась, что Ё-садзаки лично отправится за ней – уговаривать её вернуться⁶¹. Тогда она имела бы шанс склонить решение главы государства Ямато в свою пользу. Однако тот не торопился. Только на следующий день Ё-садзаки отправил своего человека – придворного (*тонэри*) по имени Торияма вер-

нуть Ива-но химэ⁶². Государь, видимо, понял, что жена собиралась вернуться в родительский дом, и приказал перехватить её раньше, чем она туда доберётся⁶³. Однако же Торияма, по неизвестной причине, так и не догнал беглянку. Может быть, он получил по этому поводу специальное распоряжение Ё-садзаки?

Не дождавшись появления супруга, государыня Ива-но химэ «...близ Ямасиро повернула и направилась в сторону Ямато»⁴⁹. «Проплыв по Ямасиро, она прибыла к горе Нара...»⁶⁴. «Перешла она гору Нара-но яма, посмотрела в сторону Кадураки [то есть своих родных мест – С. Д.] и изволила сказать песней так: “...Земля, которую увидеть хочу, – [дворец] Такамия в Кадзураки, [родные] места вокруг дома!”...»⁶⁵. Однако почему-то передумала и потом «...она вернулась...»⁶⁶, «...она вернулась в Ямасиро, воздвигла палату дворца на склоне Тутуки-но вока и поселилась там»⁶⁷. «Кодзики» уточняет: она «...останови[ла]сь на какое-то время в Тутуки [совр.-яп. Цуцуки / Цудзуки в Ямасиро⁶⁸ – С. Д.], в доме у Нуриноми, человека из Кара [из Кореи⁶⁹ – С. Д.]...»⁶⁶. Таким образом, Ива-но химэ уехала в Ямасиро, поселилась отдельно и отказывалась вернуться во дворец государя⁶⁷. Примечательно, что в Ямасиро жил дед новой жены государя – Ята-но химэ по имени Хифурэ-но *оми* из рода Вани⁷⁰.

Ё-садзаки только в 1-й день 10-го месяца «...послал за государыней Кутимоти-но *оми* предка Икупа-но *оми* (в одном [толковании] сказано: это был Кути[ко]-но *оми*, предок Вани-но *оми*)»⁷¹. Вани-но *оми* Кутико указан в «Кодзики»⁷². В генеалогии клана Вани-но *оми*, Кутико-но *оми* назван сыном Вани-но Хифурэ-но *оми* и младшим братом Миядзи-якэ-химэ (Мия-нуси-якаваэ-химэ) и Вонабэ-но химэ, а также старшим братом Куни-ёри-химэ (другое имя Кути-химэ)⁷³. Получается, что Вани-но *оми* Кутико (он же – Кутимоти-но *оми*) был дядей принцесс Ята-но химэ и Удзи-но ваки-ирацумэ (новых жён государя Ё-садзаки). «Вот, добрался Кутимоти-но *оми* до Тутуки-но мия, обратился к государыне с речью, но та всё молчала и ничего ему не отвечала. Тогда Кутимоти-но *оми* распростёрся ниц перед дворцом государыни, дождь его мочил, но он и днём, и ночью оставался там [во дворе⁶⁷], не сходя с места...»⁶⁷. В «Кодзики» эта история рассказана так: «Когда Кутико-но *оми* [передавал слова государя – С. Д.]... пошёл сильный дождь. Не прячась от дождя, он встал на колени перед главным входом в дом [государыни].

Но она ушла к заднему входу. Тогда он встал на колени перед задним входом. Но она ушла к главному входу. Когда он прополз во двор и стал на колени там, вода пролилась ему за шиворот. На *оми* были голубые одежды с красным шнуром. Когда дождь намочил красный шнур, голуб[ые одежды] окрасил[лись] красным...»⁷⁴. За Кутимоти-но *оми* попросила его младшая сестра Куни-ёри-химэ (в «Кодзики» она названа именем Кути-химэ), состоявшая на службе у государыни. В конце концов, государыня сказала ей: «...“Скажи своему брату, чтобы он скорее возвращался [к государю]. Я же ни за что не вернусь”. И Кутимоти повернул назад и доложил обо всём государю»⁶⁷.

Далее в «Кодзики» рассказана ещё более удивительная история (о чём умалчивает «Нихон-сёки»). Не получая согласия со стороны Ива-но химэ, «Кутико-но *оми*, его младшая сестра Кути-пимэ и Нуриноми [кореец, в доме которого остановилась государыня – С. Д.] – всего их было трое – договорились между собой и доложили государю: “Причина, по которой государыня отправилась [в Ямасиро], такова. Нуриноми выращивает странное насекомое, которое превращается трижды: сначала оно превращается в ползающее насекомое, потом оно превращается в куколку, потом – в летающую птицу [в соответствии с другим чтением: “в летающее насекомое”⁷⁵ – С. Д.]. [Государыня] уехала просто для того, чтобы увидеть это насекомое. Ничего предосудительного у неё на сердце нет”. Когда ему рассказали об этом, государь рёк: “В таком случае я тоже нахожу это странным. Хочу увидеть [насекомое]”...»⁷⁶. Получается, по версии «Кодзики», что государь Ё-садзаки вообще не собирался мириться с Ива-но химэ, а поехал посмотреть удивительное насекомое. Отправившись из своего большого дворца, он проследовал в дом Нуриноми...»⁷⁶. Там, как говорится в «Кодзики», ничего примечательного не произошло. «Нуриноми же преподнёс государыне выращиваемое им насекомое, которое меняет свой облик трижды»⁷⁶. Ё-садзаки к Ива-но химэ так и не зашёл, только спел перед её дверями песню. Зато указан очень важный факт: государь тогда тосковал не по Ива-но химэ, а по Ята-но ваки-ирацумэ и «послал ей песню»⁷⁷. Совершенно не ясно, зачем Кутико-но *оми* (Кутимоти-но *оми*) было вводить в заблуждение государя Ё-садзаки? Почему в этом участвовал кореец Нуриноми? Может быть, здесь, наоборот, вскрылись истинные причины отъезда Ива-но

химэ в область Ямасиро и того, почему она гостила у Нуриноми (посмотреть на насекомое)? Единственное, что обращает на себя внимание, – это то, что члены рода Вани-но *оми* – Кутико-но *оми* и его младшая сестра Куни-ёри-химэ (Кути-химэ) неким образом оказались связаны с устранением Ива-но химэ и приходом к власти своей племянницы – государыни Ята-но химэ из рода Вани-удзи.

По версии «Нихон-сёки», ситуация развивалась следующим образом. Только в 11-м месяце «государь изволил отправиться по реке в Ямасиро... На следующий день государь добрался до дворца Тутуки-но *мия* и стал звать государыню. Она же на встречу с ним не вышла...»⁷⁸. «Тогда государыня послала [человека] передать от неё такие слова: “Ты, государь, призвал к себе и взял в жёны [др.-яп. *мимэ*, совр.-яп. *хи* – досл. “сделал младшей женой государя”⁷⁹ – С. Д.] Ята-но пимэ. Я же не хочу быть государыней-супругой, если при этом та принцесса станет наложницей [др.-яп. *мимэ*, совр.-яп. *хи* – досл. “младшей женой государя” – С. Д.]”, – так она велела ему передать и встретиться с ним не пожелала. Государь прервал свой выезд и вернулся во дворец. Он негодовал, что государыня так рассержена...»⁸⁰ [Нихон-сёки, св. 11-й, Нинтоку, 22-й год]. И вдруг, о чудо, через некоторое время, «летом, в 6-м месяце [следующего года – С. Д.]... государыня-супруга Ипа-но пимэ-но *микото* скончалась во дворце Тутуки». После периода *могари* (временного погребения) она была похоронена на горе Нара⁸¹. «Кодзики» вообще не упоминают о смерти государыни Ива-но химэ⁸².

Кончина Ива-но химэ, несогласной с новым браком *О-садзаки*, пришлась очень кстати. Уже в 6-й день 1-го месяца следующего года Ята-но пимэ как жена, происходившая из рода правителей Ямато, а значит, имевшая право на титул верховной жрицы, «была провозглашена государыней-супругой» (др.-яп. *опо-кйсаки*, яп. *кōгō*, кит. *хуан-хоу*)⁸³ [Нихон-сёки, св. 11-й, Нинтоку, 38-й год]. В «Кудзи-хонки» сказано: «...Принцесса Ята-но *ми-мэ* – младшая единокровная сестра (*имōто*) принца Удзи-но ваки-ирацумэ, наследника государя (*сумэра-микото*) [Хомуда / *Одзина*], управлявшего территорией (государства) из дворца Тоё-акира-но *мия* в Карусима – государем [*О-садзаки* / Нинтоку], управлявшим территорией (государства) из дворца Такацу-но *мия* в Нанива, была поставлена государыней (др.-яп. *опо-кйсаки*, совр.-яп. *кōгō*, кит. *хуан-хоу*)...»⁸⁴ [Кудзи-хонки, св. 5-й

(6), генеалогия Мононобэ-но *мурадзи*, 10-е поколение].

Обстоятельства смерти государыни Ива-но химэ очень подозрительны, особенно учитывая уже случившуюся ранее внезапную смерть предыдущего правителя Удзи-*кими* (который, скорее всего, был убит своим старшим братом – принцем *О-садзаки*)⁸⁵. То есть устранять политически неудобных людей в то время было делом обычным и привычным для *О-садзаки*. Здесь может быть предложена такая версия развития событий. Когда государыня Ива-но химэ выказала несогласие с новой брачной связью государя Ямато, к тому же грозившей государыне потерей её статуса и заменой главной жены на Ята-но химэ, *О-садзаки*, может быть, выгнал Ива-но химэ из дворца (или вынудил её это сделать) и отправил к родителям. Она не пожелала туда ехать, надеялась, что он изменит решение, поэтому на родину, в Кацураги, не поехала, а отправилась в Ямасиро. Почему – не совсем ясно, хотя нужно обратить внимание на то, что в области Ямасиро жил Вани-но Хифурэ-но *оми* – дед новых жён государя *О-садзаки* – принцесс Ята-но химэ и Удзи-но ваки-ирацумэ. Когда Ива-но химэ и после этого не дала согласия на брак *О-садзаки*, тот «негодовал». А потом государыню убили (или уморили до смерти). И *О-садзаки* (Нинтоку) опять оказался ни при чём – он в её дворец не входил, ездил смотреть насекомое в дом Нуриноми. Учитывая, что Нуриноми был замешан в заговоре людей клана Вани-но *оми* с целью обмана государя (если это только не хитрый ход самого *О-садзаки*), можно предположить, что кореец мог каким-либо образом поспособствовать смерти государыни.

Однако обе новые супруги государя Ямато – единокровные сестры Ята-но ваки-ирацумэ и Удзи-но ваки-ирацумэ – оказались бездетными⁸⁶. В «Кодзики» Ята-но химэ дважды названа “не имеющей побегов” (т. е. детей)⁸⁷. В «Кудзи-хонки» сказано: «Принцесса Ята-но *ми-мэ*... была поставлена государыней (др.-яп. *опо-кйсаки*, кит. *хуан-хоу*) и не родила государю детей (яп. *ми-ко*)...»⁸⁸ [Кудзи-хонки, св. 5-й (6), генеалогия Мононобэ-но *мурадзи*, 10-е поколение]. Возможно, это было проявлением вырождения из-за кровосмешения в роду правителей Ямато. Последней попыткой родить наследника престола от женщины из рода правителей Ямато было сватовство государя *О-садзаки* к родной младшей сестре новой государыни Ята-но химэ и единокровной сестре

Удзи-но ваки-ирацумэ – принцессе Мэдори-но мико (Мэдори-но химэ-мико; др.-яп. Мэтори-пимэ), которая одновременно была единокровной сестрой самому *О-садзаки*⁸⁹. Принцесса Мэдори-но мико приходилась дочерью государю Хомуда (от Миянуси-ягапаэ-пимэ из рода Вани [или Мононобэ-но мурадзи])⁸⁹.

Но это сватовство браком с *О-садзаки* не закончилось. Весной, во 2-м месяце, вероятно, 421 года [испр. хрон.] «...государь возжелал призвать к себе и сделать женой принцессу Мэтори-но пимэ и назначил [своего единокровного брата – С. Д.] принца Пая-буса-вакэ сватом-посредником...»⁹⁰. В «Кодзики» даны некоторые подробности сватовства. «Через своего младшего брата – Паябуса-вакэ-но [...] *кими*⁹¹ – государь стал просить [согласия стать его женой] у своей единокровной сестры Мэдори-но [...] *кими*. Мэдори-но [...] *кими* сказала Паябуса-вакэ-но [...] *кими*: “Поскольку [государь] страши[л]ся государыни [уже покойной Ива-но химэ – С. Д.], то он не взял себе Ята-но ваки-иратумэ. Поэтому не буду ему служить. Хочу быть твоей женой”. И тут они [Мэдори-но *кими* и Паябуса-вакэ – С. Д.] стали мужем и женой. Поэтому Паябуса-вакэ-но [...] *кими* ничего не доложил [государю]...»⁹². «Нихон-сёки» продолжает: «Пая-буса-вакэ же сам тайно взял её [т. е. принцессу Мэдори – С. Д.] себе в жёны и долгое время никаких вестей государю не подавал...»⁹⁰.

По этой причине *О-садзаки* решил сам посвататься к принцессе Мэдори-но химэ. «И вот, государь, не зная, что у Мэтори-но пимэ теперь есть муж, самолично пожаловал в её опочивальню...»⁹⁰. «Тогда государь проследовал туда, где находилась Мэдори-но [...] *кими*, и встал у порога её покоев. В это время Мэдори-но [...] *кими* находилась у ткацкого станка и ткала одежду...»⁹³ вместе с другими «ткачихами, что ткали одежду для Мэтори-но пимэ на ткацком станке»⁹⁰. Из песен, которые пела принцесса Мэдори (по версии «Кодзики») и её ткачихи (по версии «Нихон-сёки») и её ткачихи (по версии «Нихон-сёки») и её ткачихи (по версии «Нихон-сёки») и её ткачихи (по версии «Нихон-сёки»), государю стало известно, что одежду на “небесном станочке” они ткали для “Молодого ястребка – Паябуса-вакэ”⁹⁴. Дело в том, что на “небесном станочке” изготавливалась не обычная одежда, а накидка особого покроя, надеваемая через голову, которой пользовались мужья, приходя по ночам к жёнам согласно обычаю *цумадои* (др.-яп. *тумадови* – “навещанию жены”, при котором супруги жили раздельно и встречи происходили только по ночам, в доме

женщины). Именно по этой готовящейся одежде государь *О-садзаки* (*Нинтоку*) понял, что брак уже совершён⁹⁵. «Так государь узнал, что Пая-буса-вакэ взял её тайно в жёны, и сильно разгневался». Примечательно, что *О-садзаки* и в этот раз «не желал, чтобы всё это дошло до государыни» Ята-но химэ, «потому стерпел и не стал наказывать [Пая-буса-вакэ]»⁹⁰. «Тогда государь понял, что у неё на сердце, и возвратился во дворец»⁹³. Таким образом, последняя попытка родить наследника от женщины из рода правителей Ямато закончилась неудачей.

Примечательны аргументы, на основании которых принцесса Мэдори отказала государю – он “страшится государыни” и поэтому не возьмёт новую супругу в качестве главной жены вместо прежней государыни – Ята-но химэ. И неудачливый жених *О-садзаки* опять не стал поднимать шум и не наказал Пая-буса-вакэ. Может быть, такое поведение *О-садзаки* объясняется тем, что он, как узурпатор (убивший брата-государя Удзи и захвативший трон Ямато), чувствовал шаткость своего положения на престоле: зная, воспользовавшись конфликтом, могла отстранить его от власти и при государыне-верховной жрице выбрать нового монарха. Тем не менее, осторожность *О-садзаки*, видимо, была истолкована принцем Пая-буса-вакэ и его сторонниками как проявление слабости.

Поэтому в царствование *О-садзаки* проявили себя и прежние методы борьбы общинной знати за власть – попытки прямого захвата трона. В конце раздела о государе *О-садзаки* в «Нихон-сёки» сказано: «В то время приключилось много разных бедствий, несколько раз бывали случаи сопротивления [двору]...»⁹⁶. И в середине правления *О-садзаки* был раскрыт заговор младшей сестры государя Мэдори и её мужа принца Хая-буса-вакэ (др.-яп. Пая-буса-вакэ), приходившегося сводным братом самой Мэдори и *О-садзаки* одновременно.

По версии «Кодзики», заговор Хая-буса-вакэ и Мэдори был раскрыт ещё при жизни прежней государыни Ива-но химэ (др.-яп. Ипа-но пимэ)⁹⁷, т. е. до 421 года [испр. хрон.] (около 419–420 годов [испр. хрон.]). А поймал и расправился с мятежниками военачальник Ямабэ-но *Отатэ-но мурадзи* (др.-яп. Ямабэ-но *Опотатэ-но мурази*). Сначала беглецы укрылись от преследователей, вскарабкавшись на гору Курахаси-яма (др.-яп. Курапаси-яма; находится к юго-западу от современного города Сакураи)⁹⁸.⁹⁹ «Затем они убежали оттуда

и когда прибыли в Сони, что в Уда¹⁰⁰, войска настигли их и убили. Полководец Ямабэ-но Опотатэ-но *мурази* снял жемчужный браслет с руки Мэдори-но [...] *кими* и отдал его своей жене...»¹⁰¹. История имела продолжение. «Позднее, когда готовились устроить пир, женщины из многих родов явились ко двору. У жены Опотатэ-но *мурази* на руке был браслет ... *кими* [убитой принцессы-заговорщицы – С. Д.]. Государыня Ипа-но пимэ-но *микото* сама брала сделанные из листьев чарки с праздничным вином и подавала их жёнам из многих родов. Затем государыня узнала жемчужный браслет, отказалась подать чарку праздничного вина [жене Опотатэ-но *мурази*] и ушла. [Она] призвала Опотатэ-но *мурази* и рекла так “Этих людей [т. е. заговорщиков принца и принцессу – С. Д.] прогнали, поскольку они не оказывали должного уважения. И ничего в том странного нет. Но ты, раб, снял жемчужный браслет с руки той, кто выше тебя [по положению – С. Д.], когда тело её ещё не остыло, и отдал его своей жене”. Его приговорили к смертной казни»¹⁰¹, которая, видимо, была приведена в исполнение.

Однако, по сведениям «Нихон-сёки», заговорщики – принц Хая-буса-вакэ и принцесса Мэдори-но *химэ* – избежали гибели у горы Сони в Уда. Они ушли через горный перевал и были пойманы и убиты только у горы Комосироно в Исэ воинами «Вопуна из рода Помутибэ в Киби, и Аганоко, Сапэки-но *атаи* из Парима»¹⁰². Причём в одежде убитой принцессы были найдены и украдены яшмовые украшения, которые на пиру в праздник вкушения нового урожая уже новая государыня Ята-но *химэ* увидела на руках двух придворных дам – жены “владельца гор в Апуми” Вака-мори-яма и *унэмэ*¹⁰³ Ива-сака-химэ. Государыня повелела одному из чиновников выяснить, откуда у них украшения, и обнаружилось, что они принадлежат жене Аганоко из клана Сэки-но *атаи*. Было решено казнить Аганоко, но тот откупился от смертной казни своими землями¹⁰⁴. Таким образом, сходство событий есть, но они различаются по времени и в деталях.

Что это может означать? (1) Или просто ошибки и неточности составителей «Кодзики» и «Нихон-сёки». (2) Или разночтения «Кодзики» и «Нихон-сёки» не случайны. И вот почему. Так как в конце раздела о государе Ё-садзаки в «Нихон-сёки» утверждается, что «несколько раз бывали случаи сопротивления [двору]»⁹⁶, то история заговора принца и прин-

цессы из рода правителей Ямато, рассказанная в «Кодзики», может быть сказанием об одном из таких “случаев сопротивления двору”, сведения о котором оказались частично утраченными (забылись имена заговорщиков) и, в силу некоторого сходства событий, смешаны с историей о заговоре принца Хая-буса-вакэ и принцессы Мэдори. Причём можно предполагать и намеренное смешение материала о двух заговорах – для того, чтобы уменьшить их число в царствование Ё-садзаки. Образ мудрого и заботливого правителя Нинтоку, созданный в начале VIII века, не очень подходил к истории царствования, наполненного убийствами, мятежами, а также заговорами, направленными против монарха-узурпатора.

Поэтому заговор принца Хая-буса-вакэ и принцессы Мэдори-но *химэ* не являлся первым – он был вторым и случился позднее, уже после смерти государыни Ива-но *химэ*, когда новой государыней стала Ята-но *химэ* [около 421 года испр. хрон.]. «Прошло немного времени [после сватовства государя Ё-садзаки к принцессе Мэдори-но *химэ* – С. Д.], и вот, как-то однажды Пая-буса-вакэ прилёт на колени принцессы [Мэтори-пимэ]. И сказал он тогда: «Кто быстрее – перепел *сазаки* или ястреб *пая-буса*?”. “*Пая-буса* быстрее”, – ответила она. Тогда принц говорит: “Значит, я главнее его”»⁹⁰. По версии «Кодзики», принцесса Мэдори сама подстрекала принца Хая-буса-вакэ убить государя Ё-садзаки и захватить власть в Ямато: «В это время вернулся её муж Паябуса-вакэ-но [...] *кими* и его жена, Мэдори-но [...] *кими*, спела так: “Ты, Паябуса-вакэ, летаешь высоко – поймай же трясогузку!”»⁹³ (яп. *садзаки*, т. е. государя Ё-садзаки¹⁰⁵). Надо полагать, что среди приближённых принца и принцессы были соглядатаи государя Ё-садзаки, так как сказанное стало ему известно. «Государь, услышав эти слова, рассердился ещё пуще прежнего»⁹⁰. Однако, как Ё-садзаки сам сказал, он «... победил свою ярость, чтобы не терять родственника, [и] стерпел молча»¹⁰⁶. То есть опять не рискнул пойти на открытый конфликт.

Однако знатные люди – сторонники Хая-буса-вакэ также подстрекали принца Хая-буса-вакэ поднять мятеж против государя Ямато: «А приближённые принца Пая-буса-вакэ сказали в песне так: “Ты, ястреб *пая-буса*, полети вверх к небу, облети вокруг, схвати перепела *сазаки*, на священном дереве *туки*!” [“священное дерево *туки*”, по-видимому, метафора священного поста правителя¹⁰⁷ – С.Д.]...»¹⁰⁶. Об

этом тоже было доложено государю. «Услышав эту песню, государь разгневался до чрезвычайности... и вознамерился убить Пая-буса-вакэ»¹⁰⁶. «Государь услышал эту песню и поднял войска, чтобы убить [супругов]»⁹³.

Когда заговор был раскрыт, принц Хая-буса-вакэ (др.-яп. Пая-буса-вакэ) с женой скрылись от наказания. «Услышав о побеге принца Пая-буса-вакэ, государь решил послать ему вслед Вопуна из рода Помути-бэ в Киби и Аганоко, Сапэки-но *атапи* из Парима, и повелел: “Догнать его, схватить и убить на месте!”...»¹⁰⁶. При поимке должна была быть казнена на месте и мятежная принцесса Мэдори. Но так как она была сестрой государя и государыни Ямато, то Ята-но химэ попросила за неё: «Тут государыня говорит: “Мэдори-но пимэ и в самом деле тяжко провинилась. Однако, когда её будут убивать, я не хотела бы, чтобы тело принцессы оказалось выставлено напоказ”. Поэтому Вопуна и прочим было приказано...» выполнить пожелание государыни¹⁰⁶. И тут последовало распоряжение, которое было бы неуместным, если бы заговор Хая-буса-вакэ и Мэдори был первым в царствование государя Ō-садзаки. Но оно было вполне закономерным, если этому заговору уже предшествовал ранее раскрытый заговор *безымянных* принца и принцессы, подавленный при покойной уже государыне Ива-но химэ военачальником Ямабэ-но Ōтатэ-но *мурадзи*, после чего казнённого за мародёрство – кражу жемчужного браслета, снятого с руки мёртвой принцессы. Распоряжение Ō-садзаки, данное по просьбе новой государыни Ята-но химэ, гласило: «Не срывать ножные и ручные браслеты, что будут на принцессе»¹⁰⁶. Такой приказ мог быть дан уже только при наличии печального опыта – кражи украшений военачальником Ямабэ-но Ōтатэ-но *мурадзи* с трупа мятежницы, убитой ранее при подавлении предыдущего заговора.

Как видно из приведённых в тексте «Нихон-сёки» имён, первый из преследователей, Офуна (др.-яп. Вопуна), был служилым человеком из корпорации неполноправных свободных Хомудзи-бэ (др.-яп. Помути-бэ) области Киби. Второй, Аганоко, из клана руководителей корпорации Саэки-бэ – рода Саэкибэ-но *атаэ* (др.-яп. Сапэки-но *атапи*) – принадлежал к знати области Харима. Он, ещё в царствование прежнего государя Хомуда (Ōдзина) – в 402 году [испр. хрон.], как видно из материалов «Харима-фудоки», сопровождал монарха Ямато в путешествии по землям уезда Камудзаки¹⁰⁸.

«...Когда царь Хомуда объезжал страну, то сопровождавший его Аганоко – прародитель *атаи* Саэкибэ [Саэкибэ-но *атаэ* – С. Д.] – попросил [у царя] эту местность [яп. *цутти* – досл. “землю” – С. Д.]...»¹⁰⁹ [Харима-фудоки, уезд Камудзаки, село Тада].

Мятежники хотели укрыться на священной территории – в храмах Исэ. «Решил тогда принц вместе с Мэтори-но пимэ бежать в храмы богов Исэ»¹⁰⁶. Сначала, как сказано в «Кодзики», беглецы добрались до горы Курахаси-яма (др.-яп. Курапаси). «Но Паябуса-вакэ-но [...] *кими* и Мэдори-но [...] *кими* сбежали и скрылись, поднявшись на гору Курапаси...»¹¹⁰. «Затем они убежали оттуда... в [местность – С. Д.] Сони, что в [округе – С. Д.] Уда»¹⁰¹. «Отправившись в погоню, Вопуна и его спутники добрались до Уда и настигли [беглецов] у горы Сони-но яма. Те едва успели спастись, спрятавшись в густой траве. Снова пустившись бежать, они преодолели горный подъём...» и, как следует из дальнейшего материала, отправившись на восток, добрались до земель области Исэ¹⁰⁶.

«Тут Вопуна и его спутники, поняв, что тем удалось убежать, поспешили к склону Комосиро в Исэ, там их [заговорщиков – С. Д.] настигли и убили. И стали шарить – искать яшмовые украшения принцессы и нашли их в юбке. И вот, тела принца и принцессы похоронили у истоков реки Ипоки-гана...» (нынешняя река Иэки-гава, один из истоков реки Идзумо-гава; берёт начало в префектуре Миэ, т. е. в Исэ)¹¹¹. Мотоори Норинага в своём труде, посвящённом «Кодзики» («Кодзики-дэн»), сообщает, что в тех местах имеется пещера, которая называется “Пещерой супругов”, в которой похоронены два тела¹¹¹. Можно полагать, что это захоронение Хая-буса-вакэ и Мэдори. После этого правительственный отряд вернулся в резиденцию государя Ямато, и командиры правительственного отряда «доложили [обо всём государю и государыне]. Государыня спросила Вопуна и его спутников: “А видели ли вы яшмовые украшения принцессы?”. “Не видели”, – отвечали те»¹⁰⁶. То есть, предположительно, повторилась ситуация, случившаяся при подавлении предыдущего заговора, когда военачальник-мародёр Ямабэ-но Ōтатэ-но *мурадзи* (др.-яп. Ямабэ-но Опотатэ-но *мурази*) украл жемчужный браслет убитой принцессы.

Однако, как и в предполагаемом первом заговоре, богатые украшения члена правящего рода были замечены государыней. «В тот год, в месяце вкушения первого урожая, в день

праздничного пира¹¹², было жаловано рисовое вино придворным дамам внешнего и внутреннего круга¹¹³. И на руках двух из них – супруги Вака-мори-яма, владельца гор в Апуми, и Ипа-сака-пимэ, придворной дамы в должности *унэмэ* – оказались прекрасные яшмовые украшения. Видит государыня – очень эти вещицы похожи на украшения принцессы Мэтори-но пимэ. Чтобы разрешить сомнения, повелела она чиновному лицу разузнать, откуда взялась эта яшма. Ответом было: “Эти украшения принадлежат жене Аганоко, Сапэки-но *атами*”. Стали уличать Аганоко в содеянном, и он признался: “В день, когда мы убили принцессу, я обыскал её и нашёл это”. Решено было казнить Аганоко. Но он сказал – взамен моей жизни я отдам государю все мои земли. И земли отошли к государю, а Аганоко была прощена его смертельная вина. Оттого-то и стали называть эти земли *Таматэ*, “Яшмовая замена”¹¹⁴ [Нихон-сёки, св. 11-й, Нинтоку, 40-й год пр.; Nihongi, XI, 23–24; Кодзики, св. 3-й, Нинтоку; Kojiki, III, CXXXVI].

Таким образом, Ё-садзаки, из-за бесплодия двух государынь и неудавшейся брачной связи с Мэдори-химэ (др.-яп. Мэтори-но пимэ), в конце концов остался без сына-наследника престола, который должен был быть рождён от женщины из рода государей Ямато. Поэтому наследником мог стать только какой-нибудь сын правителя от другой женщины – **не из рода монархов**. Вследствие этого, именно при Ё-садзаки сложилось и закрепилось положение, когда из окружения правителя выдвигался один мощный клан, находившийся, через государыню (а также и младших жён), в брачных связях с правителем. Вследствие этого данный клан становился фактически правящим при монархе. Сын от государыни – главной жены монарха, происходившей из данного клана – становился наследником престола. Так как служилый слой и его верхушка (служилая знать) еще не могли противостоять сильным позициям в управлении общинной верхушки, тактика которой в этот период начинает меняться, знатные кланы стремились упрочить свое влияние через регулирование браков правителей Ямато. Получилось так, что первым подобным кланом стал род Кацураги (Кадзураки). В результате, род Кацураги захватил власть при государе Ямато до 456 года. Дети от первой государыни правителя Ё-садзаки, Кацураги-но Ива-но химэ, стали монархами Ямато первой половины V века¹¹⁵.

Таким образом, знать продолжала играть большую роль в политической системе Ямато среднего периода (т. е. Японии V века). В окружении Ё-садзаки (государя Нинтоку) были следующие сановники. Влияние на монарха сохранял тогда уже престарелый *ё-оми* Ки-но Такэути-но *сукунэ*. Ближайшим сподвижником Ё-садзаки был ещё один сын Такэути-но *сукунэ* и брат Кацураги-но Соцу-бико, член родственного клану Кацураги рода Хэгури – Хэгури-но Цуку-но *сукунэ* (др.-яп. Пэгури-но Туку-но *сукунэ*)¹¹⁶ [Кодзики, св. 2-й, Когэн; Kojiki, II, LXI]. О нём в «Ки-удзи-но кат ё» сказано: «“Родословие” (*кат ё*) говорит: шестой сын [Такэути-но *сукунэ*] – Хэгури-но Цуку-но *сукунэ* на протяжении длительного времени служил [в период] трёх царствований государей (*сумэра-микото*) Ёдзина, Нинтоку, Ритю, занимаясь делами государственного управления...»¹¹⁷. «Ки-удзи-но кат ё» сообщает, что Хэгури-но Цуку-но *сукунэ* имел двух сыновей – старшего сына Хэгури-но Матори-но *ё-оми* и его младшего брата – Нуката-но Савара-но *сукунэ*. «“Ки-удзи-но кат ё” говорит: Нуката-но Савара-но *сукунэ*. Проведённое истинное исследование [показало, что он] является вторым сыном [Хэгури-но] Цуку-но *сукунэ*). “Ки-удзи-но кат ё” говорит: младший брат Хэгури-но Матори-но *ё-оми* [по имени] Нуката-но Савара-но *сукунэ* проживал в селении Нуката-но *мура* округа Хэгури-но *агата*. [Он] не продолжал отцовский род, [а] носил наследственное звание (*кабанэ*) [рода матери]¹¹⁸ – Нуката-но *обито*»¹¹⁹. Ранее в источнике сказано: «Ещё передают, [что человек из клана Хэгури-удзи] – Нуката-но Савара-но *сукунэ* [имел] сына [по имени] Нуката-но Кома-но *сукунэ*. В округе Хэгури-но *агата* пасли лошадей, [поэтому Нуката-но Савара-но *сукунэ*] выбрал быстрого жеребёнка [и] выкормил его. [А потом] поднёс [его] государю [Нинтоку, Ритю или Хансё(?) – С. Д.]. [Государь] повелел даровать [Нуката-но Савара-но *сукунэ*] наследственное звание (*кабанэ*) Умамикуи-но *мурадзи* (досл. “руководитель корпорации вскармливающих при [дворе] государя лошадей” [ит. *маг’ун’* – (корпорации) конюхов]¹²⁰) [и] приказал заниматься содержанием (вскармливанием) [лошадей]. Поэтому дали наименование тому месту, где [Нуката-но Савара-но *сукунэ*] выкормил жеребёнка (*кома*), назвав [эту местность] Икома (досл. “[место, где] вырастили жеребёнка”). ([Примечание]: ещё передают, [что] сын Нуката-но Кома [“жеребёнок”]-но *сукунэ* ■■

[получил наследственное звание] Умамикуи-но Микуи-но *мурадзи* (досл. “руководитель корпорации [людей] государева кола для привязывания скотины из Умамикуи”¹²¹)»¹²². Кроме того, «Синсэн-сэджи-року» сообщается: «[Люди рода] Савара-но *оми*. [Имеют] одинакового предка с [кланом] Хэгури-но *асоми*. Являются потомками Хэгури-но Цуку-но *сукунэ* – сына Такэути-но *сукунэ*... [Люди рода] Нуката-но *обито*. [Имеют] одинакового предка с [кланом] Савара-но *оми*. Являются потомками Хэгури-но Цуку-но *сукунэ*, [один из потомков которого] не стал продолжать род (*удзи*) отца, [а] получил [наследственное звание] Нуката-но *обито* из рода (*удзи*) матери»¹²³ [Синсэн-сэджи-року, св.9-й, Савара-но *оми*, Нуката-но *обито*].

«Кудзи-хонки» утверждает, что в царствование *О-садзаки* должность “великого министра” (др.-яп. *опо-оми*, совр.-яп. *о-оми*) [видимо, уже после смерти *о-оми* Такэути-но *сукунэ* в конце царствования *О-садзаки*] занял член рода Овари-но *мурадзи* (др.-яп. *Вопари-но муразу*) – Ооми-но *мурадзи* (др.-яп. *Овоми-но муразу*), сын родоначальника данной ветви клана Овари-узди – Овари-но *мурадзи* Одзуна-нэ-но *микото* (“великого *оми*” государя Хомуда)¹²⁴ [Кудзи-хонки, св. 5-й (3), генеалогия Овари-но *мурадзи*, 13-е и 14-е поколения].

Продолжали нести службу при дворе *О-садзаки* (Нинтоку) члены рода Мононобэ-но *мурадзи*. В «Кудзи-хонки» сообщается, что сыновья Мононобэ-но Тадзима-но *о-мурадзи* (получившего это звание в царствование государя *Отараси-хико* / Кэйкō, 337–около 343 годов [испр. хрон.]) – два брата из рода Мононобэ-но *мурадзи*. Мононобэ-но Иё-но *мурадзи-но кими* и Мононобэ-но Оками-но *мурадзи-но кими* «...того же двора царствование [царствование государя (*сумэра-микото*) из дворца Такацу-но *мия* в Нанива] последовательно стали придворными [государя], в свите (вместе) служили»¹²⁵ [Кудзи-хонки, св. 5-й (6), Генеалогия Мононобэ-но *мурадзи*, 10-е поколение]. Их младший брат Мононобэ-но *О-вакэ-но мурадзи-но кими* также стал придворным государя *О-садзаки*, одновременно выполняя жреческие функции (“исполнял обряды в храме [*дзингү*]”). Позднее он возглавил корпорацию *микосиро* – Ята-бэ и получил наследственное звание (*кабанэ*) Ятабэ-но *мурадзи*¹²⁶ [Кудзи-хонки, св. 5-й (6), генеалогия Мононобэ-но *мурадзи*, 10-е поколение].

Такая организация власти, в силу ряда объективных и субъективных причин сложившаяся

в царствование государя *О-садзаки* (Нинтоку), когда при правителе за счёт брачных связей стал выдвигаться клан, становившийся правящим при монархе, сохранялась до середины VII века, когда в результате переворота *Тайка* от власти был отстранён клан Сога, готовившийся к прямому захвату трона Ямато. Только после этого, в царствование императора Тэмму (672–686) окончательно сформировалась концепция *единой и непрерывной* династии Ямато, происходившей от небесной богини Аматаэрасу, которая, в силу этого, не должна была уже утрачивать права на японский престол, какая бы политическая борьба не велась знатью.

Примечания

¹ Об этом см.: Суровень, Д. А. Основание государства Ямато и проблема Восточного похода Каму-ямато-иварэ-бико // Историко-юридические исследования российского и зарубежных государств. Екатеринбург, 1998. С. 175–198; Суровень, Д. А. Проблема периода “восемь правителей” и развитие государства Ямато в царствование Мимаки (государя Судзина) // Изв. Урал. гос. ун-та. Гуманитар. науки. 1999. Вып. 2, № 13. С. 89–113.

² О ней см.: Суровень, Д. А. Корейский поход Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск : Ин-т археологии РАН; МГПИ, 1998. Вып. 5. С. 160–167; Суровень, Д. А. Период регентства Окинага-тараси-химэ (правительницы Дзингу) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск : Ин-т археологии РАН; МГПИ, 1998. Вып. 6. С. 174–180.

³ О реконструкции хронологии периода царствования государя *О-садзаки* (Нинтоку) см.: Суровень, Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е–20-е годы V века // Урал. востоковедение : междунар. альм. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 4–24.

⁴ О нём см.: Суровень, Д. А. Развитие Японии в конце IV–начале V вв. // Урал. востоковедение : междунар. альм. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. Вып. 1. С. 8–45.

⁵ Кодзики 古事記 (из серии “Нихон котэн бунгаку дзэнс-ю” 日本古典文学全集). Токио 東京 : С-ёгаккан 小学館, 2001. С. 172; Кодзики : записи о деяниях древности. СПб. : Шар, 1994. Т. II. С. 49.

- ⁶ Кодзики, 2001. С. 156; Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 41.
- ⁷ См.: Конрад, Н. И. Древняя история Японии // Избр. тр. : история. М. : Наука, 1974. С. 32.
- ⁸ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 50–51; Кодзики, 2001. С. 172–174.
- ⁹ Цит. по: Kojiki : Records of ancient matters / transl. by V. H. Chamberlain. Tokyo : Charles E. Tuttle Company, 1982. P. 1–428.
- ¹⁰ Исио, Ё. 石尾 芳久. Нихон кодай-но тэнносэй то тайсэйкан-сэйдо 日本古代の天皇制と太政官制度. Токио 東京, 1962. С. 16; Воробьев, М. В. Япония в III–VII веках. М. : Наука, 1980. С. 111.
- ¹¹ 「紀氏家牒 云: 武内宿禰之子 并 九。(男子, 七、女子, 二)。娶^レ葛城国造 荒田彦之女、葛比売 生^レ 襲津彦宿禰。家^レ 大倭国、葛城郡、長柄里。故名^レ 葛城長柄襲津彦宿禰。葛城朝臣・的臣等之祖 也。」 – Ки-удзи-но кат^レ ё // Танака Такаси-тэсаку-с^レ ю 2 『田中卓著作集2』. URL : <http://www.kamnavi.net/ki/kisinoie.htm>.
- ¹² Кодзики, 2001. С. 174, 174–175. Ср.: Кодзики : записи о деяниях древности. С. 50–51.
- ¹³ 「的臣 (い^レくはのおみ) …; 葛城襲津彦命の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 6-й // Цит. по: 新撰姓氏録. 全三十卷 // 佐伯有清 『新撰姓氏録の研究 本文篇』 (Саэки Арикиё. Исследование “Синсэн-сёдзи-року”. Основной текст. Токио : Ёсикава кобункан, 1962). URL : <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/10syouji.htm>.
- ¹⁴ 「阿支奈臣 (あぎなのおみ)。…武内宿禰の男、; 葛城曾豆比古命の後なり。布敷首 (ぬのしのおびと)。…; 葛木襲津彦命の後なり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 8-й. URL : <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/12syouji.htm>.
- ¹⁵ Исио, Ё. Нихон кодай-но тэнносэй то тайсэйкан-сэйдо. С. 16; Воробьев, М. В. Япония в III–VII веках. С. 111.
- ¹⁶ Цит. по: Nihongi : Chronicles of Japan from the earliest times to A. D. 697 / transl. by W. G. Aston. L. : Allen, 1956. Part I. 407 p.
- ¹⁷ Исио, Ё. Указ. соч. С. 16; Воробьев, М. В. Указ. соч. С. 111.
- ¹⁸ При анализе хронологических материалов «Нихон-сёки» обнаруживается очень интересная деталь. Источник, рассказывая о 1-м годе правления Ё-садзаки (Нинтоку), уходит в предыдущее время: «в первый день, когда правитель [Ё-садзаки] был рожден» (「初、天皇 生、日…」 – Нихон-сёки 日本書紀 (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系). Токио 東京 : Ёсикава кобункан 吉川弘文館, 1957. Ч. I. Т. I. С. 294; 初日 кит. ч^レ у-ж^レ – 1) восходящее солнце, утренняя заря; 2) первый день. См.: Большой китайско-русский словарь. М. : Наука, 1983. Т. III. С. 399; далее – БКРС), и, по завершении рассказа о рождении Ё-садзаки, зафиксированного в летописи благодаря чудесному знаменю, произошедшему в этот день, далее сообщается: «Этот год был [годом] мидзуно-то-тори (10-й год цикла) [по циклу] “Великого Юпитера” (60-летнего цикла)» (「是年也、太歳 癸酉。」 – Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 294) [Нихон-сёки, св. 11-й, Нинтоку, 1-й год пр.; Nihongi, XI, 8]. По-видимому, данное циклическое обозначение года рождения Ё-садзаки в каком-то первоначальном источнике было понято составителями «Нихон-сёки» не как датировка дня рождения правителя, а как дата 1-го года правления Ё-садзаки, что внесло дополнительную путаницу в летосчисление. Ошибка, вероятно, была вызвана и стремлением авторов «Нихон-сёки» как-то компенсировать лишние 120 лет, возникшие по причине принятой ими “растянутой” (удревненной на два цикла) хронологии. На рубеже IV–V веков 10-й год цикла выпадает на 373 и 433 годы (См.: Цыбульский, В. В. Лунно-солнечный календарь стран Восточной Азии. М. : Наука, 1987. С. 104, 114). 373 год никак не может быть 1-м годом правления Ё-садзаки (Нинтоку), так как он приходился на времена правления бабушки Нинтоку – государыни Дзинг^у (по исправленной хронологии). Скорее всего, 10-й год цикла (373 год) следует признать годом рождения Ё-садзаки, что следует из логики изложения материала в «Нихон-сёки».
- ¹⁹ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 169; Нихон-сёки : анналы Японии. СПб. : Гиперион, 1997. Т. I. С. 302.
- ²⁰ 皇后 др.-яп. опо-кйсаки, яп. кёгё, кит. хуанхоу – главная жена, государыня. См.: Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 295; 大后 др.-яп. опо-кйсаки, яп. тайкё, кит. тай-хёу – главная жена, государыня, императрица. См.: Кодзики, 2001. С. 284, 285; см. также: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 302; Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 169.
- ²¹ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 217, прим. 4.
- ²² 日向之諸縣 君 牛諸 яп. Пимука-но моро-агата-но кими Усиморо – досл. Усиморо – “повелитель всех округов в Химука”. См.: Кодзики, 2001. С. 284. Некоторые исследователи считают, что Моро-агата – это топоним, который упоминается в «Вам^э-ёс^э». Вероятно, речь идёт о местности, соответствующей нынешней юго-западной части префектуры Ми-

ядзакэ. См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 448, прим. 22.

²³ Об этом см.: Суровень, Д. А. Основание государства Ямато... С. 175–198.

²⁴ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 290.

²⁵ Родился в 373 году (10-й год цикла). 402 год н.э.–373 год н.э. = 29 лет.

²⁶ См.: Кодзики, 2001. С. 262, 263; Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 90–91, 169; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 288, 302.

²⁷ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 171; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 306–307.

²⁸ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 171.

²⁹ 婦女 яп. фудзэ, кит. фў'н'юй – женщина; где 婦 кит. фў – сущ. 1) замужняя женщина; жена; супруга... См.: БКРС. Т. III. С. 304; Фельдман-Конрад, Н. И. Японско-русский учебный словарь иероглифов. М. : Рус. яз., 1977. С. 173; далее – ЯРУСИ. См.: Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 301.

³⁰ По-видимому, она была из местности Кувата (Кувата) в провинции Тамба (Танива). Это место примерно соответствует нынешнему местоположению храма Кувата-дзиндзя в городе Камэока. См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 471, прим. 29.

³¹ 「近習, 舍人等」 яп. киндз̄ ю-но тонэри-домо – досл. “тонэри из приближённых”. См.: Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 301; где 近習 яп. киндз̄ ю – арх. прислужник, свита; 近習 кит. цз̄нь-сү – приближённый... См.: БКРС. Т. IV. С. 101.

³² Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 306.

³³ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 171–172.

³⁴ 庶妹 яп. мама-имо, кит. шў-м'эй – досл. “младшая сестра от младшей жены отца”. См.: Кодзики, 2001. С. 284; где 庶 кит. шў – прил. ...3)* простой... сущ. ...3) ын от младшей (второстепенной) жены; боковая ветвь рода...; 庶母 кит. шў-мў – мать-младшая (второстепенная) жена отца (в устах детей старшей, главной жены). См.: БКРС. Т. IV. С. 924; 妹 кит. м'эй – 1) младшая сестра... См.: БКРС. Т. III. С. 753.

³⁵ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 170.

³⁶ 丸邇之比布礼能意富美 др.-яп. Вани-но Пипурэ-но опоми, совр.-яп. Вани-но Хифурэ-но ёми – досл. “ёми (др.-яп. опоми) Хифурэ (др.-яп. Пипурэ) из [рода] Вани”. См.: Кодзики, 2001. С. 256.

³⁷ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 87, 88–90; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 285; Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 270.

³⁸ Цит. по: Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀, в 10-ти свитках (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系) //私本 先代舊事本紀. URL : http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendai-kuji/sendai-kuji_top.htm.

³⁹ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 301.

⁴⁰ Подробнее см.: Суровень, Д. А. Возникновение раннерабовладельческого государства в Японии (I век до н. э.–III век н. э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск : Ин-т археологии РАН; МГПИ, 1995. Вып. 2. С. 161–162; Суровень, Д. А. Проблема периода “восьми правителей” и развитие государства Ямато в царствование Мимаки. С. 96–100.

⁴¹ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 306–307.

⁴² Там же. С. 302.

⁴³ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 87, 170.

⁴⁴ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 472, прим. 36.

⁴⁵ Там же. С. 307.

⁴⁶ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 220, прим. 23. По поводу идентификации этого растения митуна-каси́па существуют разные мнения. Одни считают его дубом (см.: Kojiki / transl. by D. L. Philippi. Tokyo : Tokyo University Press, 1969. P. 517), другие – растением какурэ-мино (из семейства аралии пятицветной). См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 220, прим. 23. Касипа – вечнозелёное дерево, листья которого состоят из трёх частей. Эти листья использовались как блюда, на которые укладывались подношения богам в виде еды, в эти листья наливали сакэ и пр. От названия этого дерева (каси́па) происходит название должности касивадэ (др.-яп. касипадэ) – что-то вроде распорядителя угощения, совмещавшего обязанности повара и подавальщика кушаний. См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 472, прим. 39.

⁴⁷ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 172.

⁴⁸ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 307.

⁴⁹ Там же. С. 308.

⁵⁰ Соответствует расположению нынешнего города Сингу в префектуре Вакаяма (на полуострове Кии). См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 472, прим. 38.

⁵¹ Кодзики : Записи о деяниях древности. Т. II. С. 172–173.

⁵² См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 220, прим. 26; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 308.

- ⁵³ Волшебная Япония. СПб. : Северо-запад пресс, 2001. С. 89, прим. 136; Мещеряков, А. Н. История древней Японии / А. Н. Мещеряков, М. В. Грачёв. СПб. : Гиперион, 2002. С. 399.
- ⁵⁴ Мещеряков, А. Н., История древней Японии. С. 399; Глускина, А. Е. “Манъёсю” как литературный памятник // Манъёсю : японская поэзия. М. : АСТ, 2001. Т. I. С. 40.
- ⁵⁵ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 220, прим. 27.
- ⁵⁶ Там же. С. 173–174.
- ⁵⁷ Там же. С. 472, прим. 41.
- ⁵⁸ См.: Кодзики, 2001. С. 292, прим. 17.
- ⁵⁹ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 472, прим. 41.
- ⁶⁰ Там же. С. 472, прим. 42.
- ⁶¹ См. песню государыни «По реке Ямасиро...». См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 308.
- ⁶² Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 308; Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 174.
- ⁶³ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 473, прим. 43.
- ⁶⁴ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 173.
- ⁶⁵ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 308, 309.
- ⁶⁶ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 174.
- ⁶⁷ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 309.
- ⁶⁸ Kojiki... P. 344, note 17.
- ⁶⁹ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 221, прим. 33.
- ⁷⁰ Вани-удзи-но кэйдзу 和邇氏の系図. 駿河浅間大社宮司家所蔵版に準拠 // 『姓氏家系大辞典』 所載「和邇部系図」. URL : <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/ookimikeizu/wanikeizu.htm>.
- ⁷¹ В русском переводе допущена опечатка: имя предка рода Вани-но оми 和珥臣, 祖 – Кутиконо оми 口子臣 прочитано как Кутимоти. Ср.: Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 304; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 309.
- ⁷² Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 174–175.
- ⁷³ Вани-удзи-но кэйдзу 和邇氏の系図. 駿河浅間大社宮司家所蔵版に準拠 // 『姓氏家系大辞典』 所載「和邇部系図」. URL : <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/ookimikeizu/wanikeizu.htm>.
- ⁷⁴ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 174–175.
- ⁷⁵ Kojiki... P. 348, note 16.
- ⁷⁶ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 175.
- ⁷⁷ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 175–176.
- ⁷⁸ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 310.
- ⁷⁹ 「八田皇女 爲^レ妃。」 См.: Нихон-сёки. Ч. I. Т. I. С. 306.
- ⁸⁰ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 310–311.
- ⁸¹ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 311; Nihongi. Part I. P. 289.
- ⁸² См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 176, 222, прим. 39.
- ⁸³ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 311; Nihongi. Part I. P. 289; Нихонги. Ч. I. Т. I. С. 306.
- ⁸⁴ 「輕嶋豐明宮御宇天皇, 太子–菟遲稚郎子, 同腹妹–矢田皇女、難波高津宮御宇天皇 立為^レ皇后...」 – Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀, в 10-ти свитках (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系) // 私本 先代舊事本紀. URL : <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji05.htm>.
- ⁸⁵ Об этом см.: Суровень, Д. А. Политическая борьба в государстве Ямато и его внешнеполитические связи в 10-е–20-е годы V века // Уральск. востоковедение : междунар. альм. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. Вып. 2. С. 4–10.
- ⁸⁶ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 170.
- ⁸⁷ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 176, 222, прим. 39.
- ⁸⁸ 「...矢田皇女... 立為^レ皇后 而不生^レ皇子...」 – Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀, в 10-ти свитках (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系) // 私本 先代舊事本紀. URL : <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendaijuji/sendaijuji05.htm>.
- ⁸⁹ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 87; Кодзики, 2001. С. 256, 257; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. II. С. 285.
- ⁹⁰ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 312.
- ⁹¹ В русском переводе титул 王 кими / мико “принц, князь / сын государя” прочитан неверно как титул государя Ямато – опо-кими / ђ-кими (должен записываться иероглифами 大王). Ср.: Кодзики, 2001. С. 298, 299; Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 176.
- ⁹² Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 176–177.
- ⁹³ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 177.
- ⁹⁴ В песнях данного цикла обыгрываются “птичьи” имена государя, принца и принцессы. Имя принцессы Мэтори-но пимэ означает “Принцесса-птица” (женского пола), Пая-буса-

вакэ – “Юноша–ястреб”, Ё-садзаки – “Великий перепел” (в русском переводе «Кодзики» – “Большая трясогузка”). См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 474, прим. 52, 54; Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 222, прим. 43.

⁹⁵ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 474, прим. 52.

⁹⁶ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 318.

⁹⁷ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 178, 223, прим. 46.

⁹⁸ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 474, прим. 56.

⁹⁹ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 177–178; Нихон-сёки : Анналы Японии. Т. I. С. 474, прим. 56.

¹⁰⁰ В провинции Ямато, восточнее нынешних Хаибара и Муру в префектуре Нара. См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 474, прим. 55.

¹⁰¹ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 178.

¹⁰² См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 313, 474.

¹⁰³ Унэмэ – придворные дамы; знатные провинциальные семьи должны были присылать своих дочерей прислуживать в Заднем дворце (дворце государыни, т. е. в покоях супруги правителя). См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 475, прим. 61.

¹⁰⁴ См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 313–314.

¹⁰⁵ См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 222, прим. 43.

¹⁰⁶ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 313.

¹⁰⁷ Там же. С. 474, прим. 54.

¹⁰⁸ См.: Древние фудоки. С. 237.

¹⁰⁹ 「品太天皇 巡行之時、大御伴人 佐伯部等、始祖 阿我乃古 申、欲請^レ此土。」 – Харима-но куни-но фудоки // Фудоки. С. 32, строки 807–808.

¹¹⁰ Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 177–178.

¹¹¹ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 474, прим. 58.

¹¹² В более позднее время, согласно «Р-ё-но гигэ» («Толкованию свода законов Тайхёр-ё»), этот обряд совершался в день зайца 11-го месяца; на рассвете следующего дня, в день дракона, происходил ритуальный пир. См.: Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 475, прим. 59.

¹¹³ Согласно тому же «Р-ё-но гигэ», придворные дамы делились на эти два класса. Комментаторы текста «Нихон-сёки» полагают, что составители источника использовали современ-

ную им терминологию, не существовавшую в описываемые времена. См.: Нихон-сёки: анналы Японии. Т. I. С. 475, прим. 60.

¹¹⁴ Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 314–315.

¹¹⁵ См.: Исио, Ё. Нихон кодай-но тэнносэй то тайсэйкан-сэйдо. С. 16, 27. См.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 169; Нихон-сёки : анналы Японии. Т. I. С. 302.

¹¹⁶ Кодзики, 2001. С. 174, 174–175. Ср.: Кодзики : записи о деяниях древности. Т. II. С. 50–51.

¹¹⁷ 「家牒 曰: 六男 平群木兔宿禰、歷^レ仕応神・仁徳・履中、三代天皇、執^レ国政。」 – Ки-удзи-но кат-ё // Танака Такаси-тёсаку-с-ё 2 『田中卓著作集2』. URL : <http://www.kamnavi.net/ki/kisinoie.htm>.

¹¹⁸ Примечание издателя текста: «Иероглифы “род матери” в первоначальном тексте были утрачены». – Ки-удзи-но кат-ё // Танака Такаси-тёсаку-с-ё 2 『田中卓著作集2』. Цит. по: Op. cit.

¹¹⁹ 「紀氏家牒 曰、額田早良宿禰。(成信考、木兔宿禰、二男也。)。紀氏家牒 曰、平群真鳥大臣、弟、額田早良宿禰 家^レ平群県、額田里。不尋^レ父氏、負^レ「母氏」姓 額田首。」 // Там же.

¹²⁰ 馬工 яп. ума-ми-куи – досл. “вскармливающие при [дворе] государя лошадей”; где яп. ума – “конь, лошадь”; ми – префикс, указывающий на принадлежность к государю; куи – от куу – вскармливать; 馬工 кит. ма́г’ун – конюх, рабочий в конюшне... См.: БКРС. Т. III. С. 528.

¹²¹ 馬工御織連 яп. Умамикуи-но Микуи-но мурадзи; где 織 яп. куи, кит. чжǔ – сущ. деревянная веха (отметка); кол (для привязывания скотины). См.: БКРС. Т. IV. С. 212.

¹²² 「又云、額田早良宿禰、男、額田駒宿禰、平群県二在^レ馬牧、扱^レ駿駒、養^レ之。獻^レ天皇。勅賜^レ姓 馬工連、令掌^レ飼。故号^レ其養^レ駒之処 曰^レ生駒。(又云^レ額田駒宿禰、男、■■馬工、御織、連。)」 – Ки-удзи-но кат-ё // Танака Такаси-тёсаку-с-ё 2 『田中卓著作集2』. Цит. по: Op. cit.

¹²³ 「早良臣(さわらのおみ)。;平群朝臣と同じき祖。武内宿禰の男、;平群都久宿禰の後なり。額田首(ぬかたのおびと)。;早良臣と同じき祖。;平群木兔宿禰の後なり。父の氏を、尋がずして、母の氏の額田首を負へり。」 – Синсэн-сёдзи-року, св. 9. URL : <http://www.h4.dion.ne.jp/~munyu/sujroku/13syouji.htm>.

¹²⁴ 「十三世孫、尾綱根命。此命、譽田天皇【應神】御世、為^レ大臣、供奉...十四世孫... 意乎己連。此連、大雀朝【仁徳】御世、為^レ大臣、供奉。【...尾綱根命子也。】」 – Кудзи-хонки, св. 5 (3). Цит. по: Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本

紀 : в 10 свитках (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系) // 私本 先代舊事本紀. URL : http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendai-kuji/sendai-kuji_top.htm.

¹²⁵ 「弟、物部伊與連公。弟、物部小神連公。已上、二人、同[難波、高津宮、天皇、御世]朝御世、並為侍臣供奉。」 – Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 : в 10 свитках (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系) // 私本 先代舊事本紀. URL : http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendai-kuji/sendai-kuji_top.htm; 「弟に、;物部伊与連公。弟に、;物;部;小;神;連;公。以上の二人は、同じ難波高津宮の天皇の御世、共に侍臣となってお仕えしました。」 – Сэндай Кудзи-хонки, св. 5 先代舊事本紀. URL : <http://www.h4.dion>.

[ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki5\(6\).htm](http://ne.jp/~munyu/kujihonki/kujiki5(6).htm); Сэндай Кудзи-хонки, св. 5 先代旧事本紀. URL : <http://www.kenkenfukuyo.org/reki/sendai-new/sen000.html>.

¹²⁶ 「弟、物部、大別、連、公 (印葉連公以下至此、皆多遲麻、大連、子也)。此連公、難波高津宮御宇天皇、御世(仁德) 詔為侍臣、奉齋神宮... 矢田皇女... 不生皇子之時、詔侍臣大別、連、公、為皇子代、后號為氏、使為氏、造、改賜矢田部、連、公、姓。」 – Сэндай кудзи-хонки 先代舊事本紀 : в 10 свитках (из серии “Кокуси-тайкэй” 国史大系) // 私本 先代舊事本紀. URL : <http://miko.org/~uraki/kuon/furu/text/sendai-kuji/sendai-kuji05.htm>.

Д. А. Джураев

ХИВИНСКИЙ ИСТОРИК КОМЁБ И ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ КАК ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Статья посвящена личности малоизвестного историка Хивинского ханства Комёба и его историческим произведениям. Даются сведения о рукописных списках, структуре и научном значении его трудов в изучении истории народов Центральной Азии.

Ключевые слова: рукопись, литературные жанры, тюркские народы, хивинское ханство, фольклорный материал, суфийские учения.

Современной науке известно достаточное количество государств, возникших и функционирующих на территории нынешней Центральной Азии. Об этом свидетельствуют сохранившиеся документы и источники. К сожалению, многие труды по различным причинам были либо недостаточно изучены, либо доступны небольшому кругу ученых-специалистов. Очень скудны и биографические сведения об этих историках. Одним из таких ученых является сын Хивинского хана Сайида Мухаммада Сайид Хамид, большой патриот и одаренный исследователь. Свои труды он подписывал псевдонимом Комёб.

Жизненный и творческий путь Сайида Хамида неразрывно связан с Хивой (1861–1930). Он был младшим из детей Сайида Мухаммадхана. Его братьями были Мухаммад Рахимхан Феруз, Сайид Ахмад-тура (тура – господин), Турамурад-тура, Оллохёр-тура, Давлатяр-тура. По словам Бобожона Тарраха, у Мухаммада Рахимхана была дочь по имени Чинижон-бека¹.

В 1865 году, после смерти правителя Хивы Сайида Мухаммадхана, на престол был возведен его старший сын Мухаммад Рахимхан Соний (Феруз). Будучи серьезным правителем, он вместе с тем уделял большое внимание воспитанию и образованию членов своей семьи и ближайших родственников. Много времени уделялось им и воспитанию Сайида Хамида.

Комёб под руководством Мухаммада Рахимхана получил достойное образование в медресе Арабмухаммадхана, обучаясь наукам у выдающихся учёных своего времени. Он изучал арабский язык и фарси. Регулярное посещение Комёбом литературных вечеров с участием государственных деятелей, известных музыкантов и поэтов сыграло большую роль в формировании его мировоззрения и расширении кругозора.

В те времена по традициям, заложенным с периода правления Феруза, каждый состоятельный человек должен был за свой счёт выстроить медресе, мечеть или другое здание, необходимое для народа. Комёб, следуя этим традициям, на накопленные средства, заработанные своим трудом, построил медресе, мечеть и корихону (место, где читают Коран), где обучение велось опытными наставниками, труд которых оплачивался Сайидом Хамидом².

Из трудов Комёба до нас дошли его сборник стихов, произведения «Таворих ул-хавонин» и «Мунтахаб ул-вокеат» об истории Хорезма и записи о природных изменениях в Хорезме в конце XIX–начале XX века.

Следует отметить, что, помимо этих трудов, Комёб готовился написать ещё одну историческую книгу, о чём свидетельствует запись в книге «Мунтахаб ул-вокеат»: «Если Бог даст мне силы, то я напишу книгу, подобную «Равзат ус-сафо». Однако до сегодняшнего дня мы не располагаем сведениями, воплотил ли он свои замыслы в жизнь³.

Его произведение «Таворих ул-хавонин», посвященное истории Хивинского ханства, хранится в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан имени Абу Рейхана Беруни под номерами 7717/I, 853/III, 3730/I. По свидетельству Сайида Хамида, прежде чем приступить к написанию этой книги, он обратился с прошением к Мухаммаду Рахимхану: «Под вашим покровительством я хочу создать такое произведение, в цветнике которого можно вырастить цветок, возвращенный на лучших традициях прошлого, подобно которому нет нигде» (Комёб. 7717/I. 116 лист). Так образно он высказал намерение о написании исторического произведения о Хиве. Хан поддержал его идею и попросил обратить особое внимание на те исторические события, которые не были описаны известными учены-

ми Шермухаммадом Мунисом и Мухаммадом Ризо Огахи, которые до него писали об истории Хивинского ханства.

Книга «Таворих ул-хавонин» состоит из предисловия и пяти глав (1 глава: описывается период от Адама до Нуха (Ной); 2 глава: от Ёфаса до событий Кунградского рода; 3 глава: сведения о правителях, вышедших из династии Курлас; 4 глава: сведения о падишахе Кунграде и его потомках; 5 глава: сведения о потомках Мухаммада Амина-инака, которые правили Хорезмом, а также в этой главе имеется особая статья, включающая сведения о жизни самого автора и социальном строе того периода).

Первые четыре главы являются как бы «сборными» (сведения отобраны из других исторических источников). Здесь автор использовал произведения таких ученых, как Шахобиддин Насавий («Сийрати султон Жалолиддин Мангуберди»), Насириддин Рабгузи («Киссаи Рабгузи»), Амир Темур («Тузуки»), Шарафиддин Али Язди («Зафарнома»), Мирханд («Равзат ус-сафо»), Абулгази Бахадирхан («Шажараи турк» и «Шажараи тарокима») – источники, дающие сведения о тюркских народах и истории Кунградского ханства, а также богатый фольклорный материал.

Пятая глава «Таворих ул-хавонин» содержит наиболее ценные сведения о жизни самого автора. В ней также даются сведения о том, каким образом представители Кунграда достигли вершин власти и вели непрерывные войны за пограничные земли с Бухарой, а также с народами Приаралья и ямугами, ведшими сепаратистскую борьбу с целью создания собственных государств. В этой же главе имеются также сведения о том, как русские войска постепенно завоевывали Хивинское ханство. Эти сведения имеют особую ценность еще и потому, что автор был непосредственным свидетелем данных событий.

В «Таворих ул-хавонин», кроме этого, даны сведения, раскрывающие причины упадка и подъема дипломатических, военных и экономических взаимоотношений Хивы с Россией, Бухарой, Афганистаном, Ираном.

В произведении также содержатся ценные сведения о влиянии на управление государством ишанов и шейхов, суфийских учений, распространенных в Хиве, раскрывается их суть, нравственные правила поведения.

Второе историческое произведение Комёба, дошедшее до нашего времени, – «Мунтахаб ул-вокеат», единственный экземпляр которого

хранится в фонде Института востоковедения АН Республики Узбекистан имени Абу Рейхана Беруни под номером 3730/II.

Некоторые сведения были заимствованы из книги «Таворих ул-хавонин» и других исторических трудов, посвященных Хивинскому ханству. По свидетельству автора, чтобы сохранить ценные сведения, не вошедшие в книгу «Таворих ул-хавонин», он сохранил и распределил их по главам и названиям в книге «Мунтахаб ул-вокеат». Она состоит из трёх глав. В первой главе речь идет о событиях, происходящих в период от Адама до пророка Нуха. Во второй главе освещены события от Ёфаса до Кунградского рода. Здесь автор даёт сведения о появлении Турка и его роде. В частности, говоря об образовании родов Киёт, Кипчак, об этимологии этих названий, Комёб говорит и об источниках, которые подтверждают эти сведения. В этой главе, как и в «Таворих ул-хавонин», основное внимание уделяется истории возникновения Кунградского рода и объясняется смысл слова «Кунград». Третья глава состоит из двух частей. В первой части говорится о создании Элтузарханом Хорезмского ханства и времени его правления. Во второй части описывается жизнь знаменитых людей, живших в разные исторические периоды, а также приводятся стихи автора на различные темы. После описания каждого исторического события Сайид Хамид даёт свое заключение.

Например, в книге рассказывается, как после смерти Угузхана возродился род Кунградов, как сложилась судьба Каёна, сына Элхана, и Никуза, сына Холина. Оставшись в живых после вражеского нашествия, обе семьи перенесли очень много страданий, а их потомки в конце концов восстановили справедливость. Этим событиям посвящены следующие строки:

Снова восторжествовала свобода,
Государство стало процветать,
Народ воссоединился
и восторжествовала справедливость
(Комёб. 3730/II. 132а-лист).

В третьей главе «Мунтахаб ул-вокеат» автор с болью пишет о нападении Чингисхана на Хорезм как большой трагедии, принесшей много разрушений и страданий. Мощное государство в результате безответственного правления Мухаммада Хорезмшаха оказалось захваченным врагами. В рабство были угнаны самые искусные мастера, плодородные земли и города пришли в запустение. Самого Хорезмшаха ждала печальная участь. Последние годы

жизни он провел в бегах, и после мучительной смерти не был даже удостоен надлежащего погребения.

После завоевания Хорезма незадолго до своей смерти Чингисхан, по преданию, призвал своих сыновей и повелел принести три стрелы, которые он с лёгкостью разломил по отдельности. Затем он взял три стрелы вместе и показал, как нелегко их сломать. Таким образом, Чингисхан наказал сыновьям быть дружными и сплоченными, как этот пучок стрел. В свою очередь и Комёб призывает своих читателей сделать соответствующие выводы из этого предания.

Сайид Хамид-тура, описывая многие исторические события, происходившие в то время, указывает на необходимость единства и братства. В произведении «Мунтахаб ул-вокеат» рассказывается, как Унгхан борется с врагами, и подчеркивается, как важна в такой борьбе взаимоподдержка. В качестве примера приводится помощь, своевременно оказанная Унгхану со стороны Туркомилхана. Автор акцентирует на этом внимание следующими строками: «Нищий, имеющий поддержку, станет властелином, падишах, не имеющий поддержки, станет нищим».

Комёб рассказывает о судьбе еще одного Хорезмского хана – Бердибека, который остался в памяти потомков как тиран и злой человек, несправедливо казнивший своих приближенных и родственников.

Бердибек был последним из чингизидов, наследником по линии Батухана – внука Чингисхана. После его смерти трон перешел к представителям другого клана, главой которого был Жужехан. Комёб следующими строками выразил свое отношение к этим событиям:

Был Бердибек тираном,
Погубил своих родных,
Пришла смерть неминуемая
И не смог оставить после себя
ни богатства, ни наследника (Комёб. 3730/
II/. 141б-лист).

Однако борьба за престол между наследниками Султан Жашем и Элбарсом продолжается и в последующие годы. В этой войне погибал и стар, и млад, и даже малолетние сыновья правителей, такие как полуторогодовалый сын султана Исфандияра. Сайид Хамид-тура осуждает эти убийства и пишет, что «власть отцеубийц и младенцев не продлится и шести месяцев». Впоследствии Султан Жаш и Элбарс погибают от рук Исфандияра-хана:

Эти два бесчестных человека,
Которые покрыли мраком землю,
Не прожили и семи месяцев,
Отправившись в темный потусторонний мир.

(Комёб. 3730/II/.143а-лист).

Комёб выступает сторонником справедливой власти. В качестве примера он приводит своего брата Мухаммада Рахимхана, взошедшего на престол и провозгласившего: «Если при управлении нет справедливой политики, то оплот государства рухнет, а жизнь его граждан станет тяжелой» (Комёб. 3730/II/.1546-лист).

Более полное развитие мысли о справедливости наблюдается во второй главе «Таворих ул-хавонин». Комёб, давая сведения о тюркских правителях, их деятельности, истории государства, показывает своеобразие каждого из них, говорит о том, что «где существует справедливость, там существует процветание государства». Эти свои взгляды он развивает в «Мунтахаб ул-вокеат», где говорит о Турамураде-суфи, который завоевал Кунград на короткий срок и отделил его от Хивы. В произведении показано, как Турамурад-суфи после взятия города теряет бдительность, предается разгулу и в результате терпит поражение. Об этом он пишет следующее: «Турамурад-суфи преданся пиру с наложницами и находится в пьяном угаре». Из этого Комёб делает вывод:

Эмир, пребывающий в пьянстве и праздности,

Потеряет своё государство.

Уходят от него богатство и власть.

Итог его – смерть или бегство (Комёб. 3730/
II/.182а-лист).

Сайид Хамид-тура, говоря о достоинствах человека, не ограничивается этим, он раскрывает и отрицательные его стороны. И наоборот, стремясь быть объективным, он считает, что совершенно плохих людей не бывает, в каждом нужно искать что-то положительное. В произведении «Мунтахаб ул-вокеат» об Исмаил-мирохуре он говорит следующее:

Будучи предателем и бесчестным человеком,

он одновременно был гордым и бесстрашным.

Комёб с волнением вспоминал, как однажды во время путешествия он спас друга, тонувшего в болоте. Об этом он говорит так: «У каждого человека должен быть бесстрашный спутник, и тогда не будет страха перед дальней дорогой» (Комёб. 3730/II/. 271б-лист).

Такое заключение Сайид Хамид-тура дает своим книгам, богатым историческими сведениями, основанным на трудах таких известных историков Хивы, как Абулгази Бахадирхан, Шермухаммад Мунис, Мухаммадриза Огахи, Мухаммад Юсуф Баёни. Работы Комёба восполнили пробелы в истории Хивинского ханства и Центральной Азии и в настоящее время являются ценным источником в исследовании исторического наследия узбекского народа.

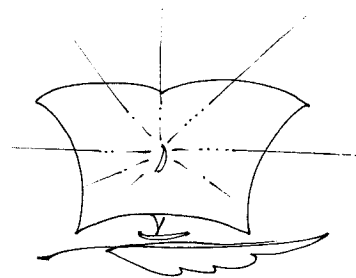
Примечания

¹ См.: Абдуллаева, Б. Комёб ва унинг қўлёзма девонлари // Адабий мерос. 1988. № 2. С. 54–58; Аҳмедов, Б. Ўзбекистоннинг атоқли тарихшунос олимлари. Тошкент : Чулпон, 2003. 108 с. С. 87–88; Баёни. Шажараи хоразмшохий [Рукопись] / Ин-т востоковедения АН РУз. Инв. № 274. 509 лл. 431б лист; Мадрахимов, Э.

Комёб // Хоразм хакикати. 1991. 31 авг.; Огахи. Гулшани давлат [Рукопись] / Ин-т востоковедения АН РУз. Инв. № 7572. 280 лл. 236а–б лл.; Раҳим, Д. Феруз-шоҳ ва шоир қисмати / Д. Раҳим, Ш. Матрасул. Тошкент : Изд.-полигр. объединение им. Гафура Гуляма, 1991. 90 с. С. 70; Таррох, Б. Хоразм навозандалари. Тошкент : Изд-во лит. и искусства им. Гафура Гуляма, 1994. 56 с. С. 42; Хоразмда битилган қўлёзмалар / сост. Г. Машарипова. Тошкент : Ин-т востоковедения АН РУз, 1997. 62 с. С. 20. ² Комёб. Таворих ул-хавонин [Рукопись] / Ин-т востоковедения АН РУз. Инв. № 7717/Л. 220 лл. 1966–197а-лл. Далее ссылки на это источник даются в тексте в круглых скобках.

³ Комёб. Мунтахаб ул-вокеат [Рукопись] / Ин-т востоковедения АН РУз. Инв. № 3730/Ш. 294 лл. 282а- лист. Далее ссылки на этот источник даются в тексте в круглых скобках.

**ВОСТОЧНАЯ ФИЛОЛОГИЯ
И ВОСТОЧНЫЕ ЯЗЫКИ**

И. Ю. Бултаков

**ФОРМУЛЬНОСТЬ КАК СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ
АРАБСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
(В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПАРРИ-ЛОРДА)**

Статья посвящена анализу особенностей героико-романтического эпоса средневековой арабской литературы в свете теории Парри-Лорда.

Ключевые слова: народный роман, эпические памятники, письменные традиции, «формула» – теория устного народного творчества.

Приступая к исследованию какого-либо произведения, мы обычно исходим, прежде всего, из жанра, к которому его относят. Видное место в средневековой литературе, развивавшейся на протяжении веков, занимают произведения героико-романтического эпоса. В арабской традиции такие сочинения называют *сийар* (мн. ч. от *сира*) или «народными романами»¹. Произведения подобного жанра получили широкое распространение на Востоке и на Западе: в Китае это *пинхуа*, в Средней Азии – *дастаны*, в Японии – *гунки*, в Индии – «*Рамаяна*», «*Махабхарата*», в Древней Греции – «*Илиада*», «*Одиссея*», на Западе – рыцарские романы. После появления широко известного исследования, посвященного изучению эпоса, – книги супругов Чэдвик «Становление литературы»² – термин «героический эпос» закрепился не только за эпохой, породившей «*Илиаду*» и «*Одиссею*», но и за типологически родственными сочинениями других эпох. Любопытный ученый, имеющий хотя бы поверхностные знания о памятниках разных народов³, без труда замечал некоторое, подчас просто поразительное сходство мотивов, тем, приемов описания окружающей обстановки, сравнений, эпитетов, метафор.

Существует несколько точек зрения на объяснение этого явления. Первая – теория заимствования, которая выглядит тем более убедительной, что исторические контакты между

народами в древности, и особенно в средневековье, были значительно более тесными и широкими, чем было принято думать до недавнего времени. Вторая точка зрения построена на весьма неопределенной, но все же имеющей право на существование гипотезе, что сходство фольклорных мотивов может быть объяснено тем, что некогда индо-европейские либо семитские племена еще не мигрировали со своей прародины и жили в тесной родственной общности. Третья точка зрения базируется на так называемом «законе» о признании возможности независимого и в то же время сходного развития эпической техники и эпических мотивов у разных народов, обусловленного сходством общественно-исторических условий их жизни⁴. И, наконец, четвертая, сторонники которой считают, что общность между эпическими памятниками обусловлена сотворчеством близкородственных народов (славянских, тюркских, семитских и т. д.). Эта точка зрения предложена сравнительно недавно. В то же время такого рода общность между литературными сочинениями нередко рассматривается как частный случай заимствования.

Каждая из этих четырех точек зрения, в русле которых оценивается как этническая принадлежность, так и межэтническая общность, в отдельности относительно верно указывает лишь на общий характер фольклорных закономерностей. На наш взгляд, наличие этих четы-

рех теорий свидетельствует о том, что на самом деле имеется целая система закономерностей, которая до сих пор, к сожалению, еще не раскрыта. Конкретизация (типология) каждой из этих теорий еще не осуществлена и поэтому применение термина «закон» по отношению к ним весьма условно.

Таким образом, исследователь эпического творчества разных народов мира – Востока и Запада – волен выбирать, из какой теории ему исходить, а в каждом отдельном случае, по видимому, требуется и индивидуальная интерпретация собранного им материала.

Вторая проблема, которую мы хотели бы выделить из комплекса вопросов, связанных с изучением эпических памятников, – это вопрос о создателях и исполнителях. Вряд ли было бы правильным утверждать, что приемы, специфические для устного исполнения, например, дастанов или сир, были во второй половине XX века полностью изучены и глубоко поняты⁵.

Заслуга в открытии и развитии теории устного творчества в основном принадлежит М. Парри и А. Б. Лорду. Впервые применив понятие «формула» при изучении творчества Гомера, М. Парри пришел к повсеместно признанному сегодня выводу о том, что Гомер был эпическим поэтом устной традиции. Для подтверждения своей теории М. Парри обратился к современной ему устной эпической поэзии, существующей и сегодня, которая сохраняется у неграмотных югославских сказителей. Парри доказал, что устная эпическая традиция резко отличается от письменной. Писатель, поэт, т. е. представитель письменной традиции, во все времена имел больше возможностей для обдумывания и шлифовки своего произведения до переноса его на бумагу и представления читателю. Устный же равий, сказитель, напротив, творит в процессе исполнения. Сказитель импровизирует, и он должен делать это очень быстро, чтобы постоянно владеть вниманием публики, на глазах у которой происходит процесс творчества⁶.

В овладении замечательным искусством создания практически целостного повествования, будь то стихи или ритмизированная проза, равий не обходится без определенных технических приемов. В его распоряжении целый набор заранее освоенных им традиционных формул, которые он молниеносно связывает воедино. Иначе говоря, основной единицей устного эпического повествования является не слово, а «формула», которую М. Парри опреде-

ляет как группу слов, регулярно используемую в одних и тех же метрических условиях для выражения определенного эпизода, идеи, мотива.

Для более наглядной иллюстрации сказанного выше мы избрали военную тему в «Сират Амир Хамза»⁷. Объем исследованного материала (300 страниц) составляет более 10% всего объема эпопеи. Мы решили считать словосочетание устойчивым, если оно встречается не менее двух раз на протяжении избранного отрывка текста.

Для описания войны часто используются различные сравнения со словом «асаду» (лев) и его синонимами (в значении «воин как лев»). Нами обнаружены следующие сравнения (причем слова «как», «словно», «подобно» опущены, и это еще одно подтверждение устного происхождения текста)⁸:

- 1) *асаду-л-аджам* – «лев логовищ»;
- 2) *асаду-л-битах* – «лев долин»;
- 3) *асаду-л-габ* – «лев леса»;
- 4) *асаду-с-сахра* – «лев пустыни»;
- 5) *ал-асаду д-диргам* – «могущественный лев»;
- 6) *ал-асаду л-авабис* – «могучий лев»;
- 7) *ал-асаду р-рибал* – «дородный лев»;
- 8) *ал-асаду л-гаданфар* – «огромный лев»;
- 9) *ал-асаду л-гадбан* – «гневный лев»;
- 10) *ал-асаду л-гасвар* – «могучий лев»;
- 11) *ал-асаду-л-джасур* – «храбрый лев».

Несколько устойчивых словосочетаний характеризуют доблесть воина:

- 1) *фарис-с-синдиди* – «доблестный всадник»;
- 2) *мин санадиди р-риджал* – «из доблестных мужей»;
- 3) *фарису л-каррар* – «яростно нападающий всадник».

Могучий воин сравнивается с крепостной башней или со скалой:

ал-бурджу л-маид – «возведенная башня».

Воин, обладающий необыкновенной силой, сравнивается с джиннами, ифритами⁹:

- 1) *маридун мина л-джан или марадату л-джан* – «демон из джиннов» (или «демоны из джиннов»);
- 2) *шайтан фи сурат инсан* – «шайтан в облике человека»;
- 3) *мин афарати саидна Сулейман* – «из ифритов господина нашего Сулеймана».

Число устойчивых сочетаний для описания внешности воина незначительно:

- 1) *ал-бадру т-тамам* – «полная луна», т. е. «лицо как полная луна»;

2) *тавилу л-кама азиму-л-хана* – «высокого роста с громадной головой».

Для описания гневающегося воина используются следующие словосочетания:

1) *тара ш-шарару мин айнихи* – «посыпались искры из его глаз»;

2) *канат айнахи мин умми расих* – «его глаза вылезли из орбит»;

3) *сара д-дияя фи айнихи ка з-залам* – «свет в его глазах превратился во тьму»;

4) *асвадат д-дуния фи айнихи* – «у него потемнело в глазах».

Воин, выезжая на бой, не испытывает страха:

1) *би калбин аква минал-хаджар* – «с сердцем крепче камня»;

2) *би калбин ля яхша ва ля яхаб* – «с сердцем, которое не боится и не страшится».

Перед боем Амир Хамза издает оглушительный клич, чтобы утратить врага:

1) *саха сайхатун тасдан л-хаджар* – «издал клич, от которого раскалывается камень»;

2) *саха сайхатун тасдан л-хаджар ва ясумми адати д-дибби д-дакар* – «издал клич, который раскалывает камень и отпугивает медведя-самца»;

3) *ар-рааду л-гасиф* – «грохочущий гром» (в значении «клич как грохочущий гром»);

4) *ар-рааду л-гасифа* – «грохочущие громады».

Ряд устойчивых словосочетаний образуется со словом «сайфун» – «меч» и его синонимами¹⁰:

1) *ас-сайфу л-абтар* – «короткий меч»;

2) *ас-суюфу л-баватир* – «острые мечи»; *ас-сайфу л-баттар* – «острый меч»;

3) *ас-сайфу с-сагил* – «гладкий меч»; *ас-суюфу с-сигал* – «гладкие мечи»;

4) *ас-суюфу л-хидад* – «острые мечи»;

5) *ас-сайфу л-туханнад* – «индийский меч»; *ас-суюфу л-хинди* – «индийские мечи»;

6) *ас-суюфу л-барига* – «сверкающие мечи»;

7) *ас-суюфу л-маишафия* – «маишафийские мечи».

Из военной тематики можно было бы еще выделить целый ряд ситуаций, когда сказитель пользуется исключительно устойчивыми словосочетаниями, например: «удар меча и копья – ударил его копьем в грудь и вышел наконечник, сверкая на солнце, из его спины»; при описании боя часто используется слово «пыль», которая делает небо черным или затмевает солнце, описание воина, истекающего кровью.

В нашей статье мы пытались показать, что арабский героический эпос может быть использован для дальнейшего развития и углубления теории Парри-Лорда, описывающей принципы построения и бытования устных прозаических и поэтических произведений, которые каждый раз заново воссоздаются творцом-исполнителем.

Примечания

¹ См.: Мухтаров, Т. Жанры средневековой арабской прозы : сира. Ташкент, 2010.

² Chadwick, H. M. The Growth of Literature / H. M. Chadwick, N. K. Chadwick. L., 1940.

³ См.: Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. Л., 1974; Радлов, В. В. Предисловие к V тому издания «Образцы народной литературы северных тюркских племен». Фрунзе, 1966; Мухтаров, Т. Очерки средневековой арабской прозы / Т. Мухтаров, А. Саттиев, Ш. Шомусаров. Ташкент, 1992; Мирзаев, Т. Эпос и сказитель. Ташкент, 2008; Неклюдов, С. Ю. Героический эпос монгольских народов. М., 1989; Памятники книжного эпоса : сб. ст. / под ред. П. А. Гринцера. М., 1978.

⁴ Подробнее об этом см.: Жирмунский, В. М. Сравнительное литературоведение : избр. тр. Л., 1979.

⁵ См.: Смирнов, Ю. И. Славянские эпические традиции. М., 1974; Памятники книжного эпоса...; Отражение межэтнических традиций в устной прозе. М., 1979; Невелова, С. Л. Махабхарата. Изучение древнеиндийского эпоса. М., 1991.

⁶ См. об этом подробнее: Клот-Бей, А. Б. Египет в прежнем и нынешнем своем состоянии. Ч. II. СПб., 1843. С. 58; Немирович-Данченко, В. И. Край золотого заката. Берлин, б. г. С. 122; Крымский, А. Б. История новой арабской литературы XIX–начала XX века. М., 1979. С. 50.

⁷ Сират Амир Хамза. Каир, б. г. (на араб. яз.).

⁸ Фонетическое звучание словосочетаний для иллюстрации их устойчивости в нашем анализе не играет роли, поэтому мы используем транслитерацию и даем в паузальной форме (пер. с араб. автора).

⁹ Мифологические персонажи арабских волшебных сказок, перешедшие в героический эпос.

¹⁰ «Меч», как и «лев», в арабском языке имеет многочисленные синонимические интерпретации.

Э. А. Бегматов, У. Х. Исламов

АЛЬ-ФАРАБИ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Статья посвящена творчеству одного из выдающихся мировых мыслителей – Абу Наср Аль-Фараби, с чьим именем связано не только определённое число научных открытий средневековья, но и развитие просветительской социально-философской мысли стран Ближнего Востока. В своих работах Аль-Фараби касается одной из проблем современного языкознания – культуры речи, в частности ораторских качеств поэтов, культуры речи правителей, имамов. В статье рассматриваются требования, связанные с речью, культурой речи, ораторским искусством, которым должен соответствовать нравственный человек, с точки зрения Аль-Фараби.

Ключевые слова: Аль-Фараби, культура речи, философская мысль Востока, языкознание, ораторское искусство.

В развитии мировой просветительской школы в ряду таких выдающихся мыслителей, как Шекспир, Тагор, Гёте, Кашгари, Навои, Ломоносов, Пушкин, Толстой, Маяковский, своё значимое место занимает восточный просветитель Абу Наср Аль-Фараби.

Аль-Фараби (псевдоним, полное имя Абу Наср Мухаммед ибн Мухаммед ибн Узлаг ат-Тюрки, родился в 873 году в городе Фороб, скончался в 950 году в Дамаске, похоронен на кладбище «Боб ас-саъир» в Дамаске) – мыслитель, внёсший весомый вклад в мировую культуру, известный среднеазиатский философ, учёный-энциклопедист, знавший более 70 языков мира. С его именем связано не только определённое число научных открытий средневековья, но и развитие просветительской социально-философской мысли стран Ближнего и Среднего Востока вообще. В совершенстве изучивший все науки своего времени и внёсший свой вклад в их развитие, комментариями к трудам греческих философов способствовавший их широкому распространению в восточных странах, аль-Фараби был высоко оценён на Востоке, где его называли «Ал Муаллим ас-соний» («Второй учитель», после Аристотеля) или «Аристотель Востока».

Об Абу Насре аль-Фараби и его научных заслугах в развитии восточной философии, логики, медицины, математики, этики и эстетики, литературоведения и языкознания и других отраслей естественных и общественных наук имеются значительные работы европейских, восточных исследователей, в том числе и узбекских ученых¹. Особый интерес к творчеству аль-Фараби вызван тем, что его научные труды посвящены культуре, социально-этическим и эстетическим проблемам².

Творчество Абу Насра Аль-Фараби и его научные труды были высоко оценены его современниками и исследователями. Среди них известные ученые Востока, великие мыслители Абу Али ибн Сина (980–1037), Захуреддин ал-Байхакий (умер 1169), Жалолуддин ибн ал-Кифтий (1172–1248), Ибн Абу Усайба (1203–1270), Ибн Халликон (1211–1282) и др.

Высказывания вышеуказанных ученых об Абу Насре Аль-Фараби и его научном наследии были тщательно проанализированы проф. М. М. Хайруллаевым и А. Ирисовым³.

Имеющей и теоретическое, и практическое значение проблемой современного языкознания является проблема культуры речи. Культура речи является важнейшим орудием изучения и усвоения неиссякаемых богатств языка, эффективного и целенаправленного использования их, средством совершенствования культуры и духовности человека, воспитания всесторонне развитой личности. Однако отношение людей к языку не только как к средству общения, но и как к важнейшему фактору в деле воспитания человека, его совершенствования в разные исторические периоды было разным.

Эти закономерности ярко отражены и в трудах одного из мыслителей Востока – Абу Наср аль-Фараби. В частности, отдельные взгляды Аль-Фараби на проблемы культуры речи, ораторское искусство, особенности поэтической речи, своеобразии речи произведений различных жанров нашли своё отражение в его труде «Шеър санъати»⁴ («Искусство стихосложения»).

Высказывания Абу Насра аль-Фараби о стихосложении, поэтике и поэтическом искусстве, о предьявляемых занимающимся поэтическим

творчеством требования требуют внимания и небесполезны в исследованиях лексики и стиля художественных произведений и лингвистики в целом.

Абу Наср аль-Фараби подчёркивает необходимость отличать поэта, обладающего врождённым поэтическим даром, от поэтов другого рода, при этом он отдельно останавливается на отношении поэтов к языку, лексическому богатству языка, различиях в использовании художественных стилистических средств.

Автор делил поэтов на три категории:

1) не овладевшие искусством стихосложения, методами художественного искусства, опирающиеся на природный дар поэты;

2) поэты, овладевшие искусством стихосложения и имеющие врождённый дар;

3) подражающие вышеприведённым категориям, не имеющие достаточного врождённого дара поэты.

Абу Наср аль-Фараби так оценивает действительно одарённых поэтов: «Такие люди действительно овладевают поэтическим искусством, ни одна особенность стихосложения, к какому виду поэзии бы не принадлежала, всё равно не избежит сей закономерности. Очень искусно использующие все применяемые в поэзии метафоры и сравнения, такие поэты достойны называться талантливыми поэтами⁵.

«Однако самыми лучшими поэтами считаются имеющие врождённый дар» – таким выводом завершает свои рассуждения учёный⁶. Абу Наср Аль-Фараби говорит, что иногда, бывает, самый несведущий в искусстве стихосложения поэт создаёт замечательное стихотворение высшего класса. Это, по мнению учёного, связано с темой произведения; или же и с поэтическим даром автора⁷.

Безусловно, вышеприведённые суждения Абу Насра Аль-Фараби помогут при исследовании языка поэтических произведений. В особенности сейчас, когда уделяется большое внимание изучению лингвистистики, лингвопоэтики, художественности и художественного мастерства, такие суждения ученого, несомненно, принесут большую пользу в исследованиях.

Отдельные высказывания Абу Насра Аль-Фараби о языке, речи, культуре речи встречаются в его книгах: «Китоб ал-алфоз ва ал-хуруфт» (Книга о словах и буквах), «Калом лахлу фи маъно исм ал-фалсафа» (О смысле слова «философия»), «Абу Наср Аль-Фарабий сўзи» (Книга высказываний Абу Насра Аль-

Фараби), «Китоб фи синлат ал-китоби» (Книга об искусстве письма), «Китоб фи ал-лугат» (Книга о языках), «Об искусстве стихосложения», «О правилах искусства стихосложения», «Город достойных».

В своей книге «Взгляды жителей города достойных» Абу Наср Аль-Фараби высказывает такую мысль: «Нет ни одного живого существа совершеннее того, кто владеет речью и понятием»⁸. По мнению Аль-Фараби, кто ценит это благо, стремится им владеть, тот должен обладать рядом достоинств. В частности, он должен «быть оратором, уважать знания и мудрых людей»⁹.

Говоря о том, каким требованиям должны отвечать правитель, имам, письмоводитель города достойных, Аль-Фараби отдельно останавливается на их отношении к языку, ораторских качествах. Например, правитель города достойных должен «быть от природы тонкого ума, быстро вникать в слова собеседника, улавливать его мысли», «с целью наиболее точно донести до собеседника свои мысли уметь выражать их с использованием красивых слов»¹⁰. Говоря о шести качествах, необходимых городскому имаму, Аль-Фараби отмечает такое качество: «Пятое качество – имам должен обладать даром оратора, чтобы пламенным словом побуждать народ следовать законам, установленным предыдущими имамами, а также созданным им самим по примеру предшественников»¹¹.

Говоря о различных ремёслах, учёный отдельное внимание уделяет искусству каллиграфии и выделяет несколько уровней владения каллиграфией. «Чтобы хорошо владеть этим ремеслом (каллиграфией), писец должен основательно знать язык, искусство речи, письмо и счёт, естественные науки. Например, один владлец данного ремесла умеет красиво писать и хорошо знает естественные науки, другой знает язык, искусство красноречия и отдельные аспекты каллиграфии, третий же мастерски владеет всеми этими науками»¹².

Выражая свои мысли по поводу происхождения наук, Абу Наср Аль-Фараби считает, что первичная и самая первая наука – это язык, наука дать название понятиям предмета, объекта, события-явления: «Говоря о том, как учить и учиться, как выразить мысль, высказать, как говорить и отвечать, я утверждаю, что первой из этих наук является наука давать названия предметам, то есть субстанциям и акциденциям»¹³. Речь здесь идёт о единице языка

– слове, которое именуется, составляет лексическое богатство языка. Явление речи возникает лишь при использовании слов. Но, кроме того, есть нечто, что обеспечивает взаимосвязь слов в речи, порядок их расположения, то, что Аль-Фараби именуется второй наукой: «Вторая наука есть грамматика, она учит правильно располагать данные предметам названия, субстанцию и акциденцию а также правильному составлению исходящих из этого поучительных предложений и речей»¹³. Третьей наукой Аль-Фараби называет логику.

Говоря о философии, логике, познании, разуме, нравственности, духовности и др., Аль-Фараби заостряет внимание на значении и месте в данной сфере языка. Он, обозначая 12 требований и условий, которым должен соответствовать нравственный человек, приводит следующие требования, связанные с речью, культурой речи, ораторским искусством: «(Во-вторых), должен быстро и правильно понимать суждения по любым обсуждаемым вопросам, вникать в их смысл, должен уметь распознавать истинность или ложность сказанного собеседником, его истинную цель; (в пятых), слова его должны быть точными, он должен уметь ясно и ровно выразить своё мнение; (в седьмых), должен любить истину и сторонников истины, должен ненавидеть ложь и сторонников лжи»¹⁴.

В вышеприведённых отрывках нашли отражение почти все требования культуры речи нашего времени: полностью и точно понимать мысль говорящего (собеседника), основную цель сказанного; использовать в речи слова с точным значением, говорить ясно и ровно, без задержек; речь должна содержать истину; порицать использующих речь для распространения сплетен, неуместных известий, быть правдивым и так далее.

Аль-Фараби так оценивает ложь: «Как фальшивые деньги не считаются деньгами, так и ложь никогда не заменит истины»¹⁵.

Как мы видим, наши предки, великие мыслители Востока оставили нам в культурное и духовное наследство язык, речь, культуру речи, языковые и неязыковые требования к ней, нравственные нормы использования языка и многое другое. Одной из важнейших задач языкознания и педагогики является использование сего неопределимого наследия для воспитания человека нашего времени в духе внимания и уважения к языку.

Бережное, уважительное отношение к языку, целевое и уместное его использование,

а также оценка его как средства воспитания и совершенствования человека имеет очень долгую историю. Издавна наши предки соznавали пользу языка, речи для жизни людей, воспринимали его как средство, положительно влияющее на человека, направляющего в социальном потоке, могущего даже изменить его жизнь. Поклонение языку, культ языка есть древнее явление, наши предки считали, что язык, речь человека способны сделать его счастливым или несчастным, потому были разработаны особые правила, определённые нормы бережного и целевого пользования языком. Следование этим правилам заложило основы культуры речи.

1. Относящиеся к культуре речи обычаи, нормы, которые унаследовали наши предки, сохранились на страницах произведений устного народного творчества, в языке древних письменных памятников, в народном устном языке – диалектах и говорах.

2. Издревле народ считал язык, речевую деятельность фактором, демонстрирующим культуру, духовность и нравственные качества человека.

3. Сохранившиеся в веках и дошедшие до нас сведения из сохранившихся памятников письменности, произведений устного народного творчества говорят о том, что наши предки считали язык человека, культуру его речи основным мериллом и условием хорошего человека, который, уважая язык, для использования его в благих целях должен соответствовать следующим требованиям:

- речь должна быть содержательной;
- речь должна быть простой и понятной;
- во время речевой деятельности необходимо учитывать личность и состояние слушателя;
- речь должна быть выразительной и впечатляющей;
- содержание речи должно быть логичным и собранным;
- и по содержанию и по форме речь должна быть изящной и красивой;
- речь должна быть краткой и ясной;
- во время речи должно следовать требованиям данного условия, нормам этики;
- речь должна быть свободной от грубых слов, звучной, логически выразительной, соответствовать цели и др.

И в наши дни, когда перед нами стоит важнейшая задача – воспитание духовно богатого человека, вопросы эстетики речи, уважения к

языку, этики общения актуальны всегда и для всех. И в решении этой проблемы весомую роль играет наследие наших мудрых предков, в частности, труды Абу Насра Аль-Фараби.

Примечания

¹ См.: Хайруллаев, М. М. Мирозрение Аль-Фараби и его значение в истории философии. Ташкент : Фан, 1967; Его же. Аль-Фараби. Эпоха и учение. Ташкент : Узбекистан, 1975; Казобеков, А. Л. Абу Наср ал – Аль-Фараби : исследование и переводы / А. Л. Казобеков, С. А. Муталлибов. Ташкент : Фан, 1986; Ал-Аль-Фараби. Научное творчество : сб. ст. М. : Наука, 1975.

² См.: Гафуров, Б. Г. Ал-Аль-Фараби в развитии культуры / Б. Г. Гафуров, А. Х. Касымжанов. М. : Наука, 1975; Ал-Аль-Фараби. О разуме и науке. Алма-Ата : Наука КазССР, 1975; Касымжанов, А. Х. Эстетические взгляды Аль-Фараби. Душанбе : Ирфон, 1990; Ал-Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Ал-

ма-Ата : Наука КазССР, 1973.

³ См.: Хайруллаев, М. Уйғониш даври Шарқ мутафаккирлари. Тошкент : Ўзбекистон, 1971. С. 141–146; 150–151; 173–176; Ирисов, А. Аль-Фарабий адиб. Тошкент : Фан, 1975.

⁴ Абу Наср Аль-Фараби. Шеър санъати / пер. с араб., предисл. и коммент. Абдусодика Ирисова. Ташкент : Изд-во лит. и искусства им. Г. Гуляма, 1979. С. 53

⁵ Там же. С. 36.

⁶ Там же. С. 37.

⁷ Там же. С. 38.

⁸ Абу Наср Аль-Фараби. Фозил одамлар шахри. Ташкент : Изд-во Народ. наследия им. А. Каддыри, 1993. С. 144.

⁹ Там же. С. 182.

¹⁰ Там же. С. 154–160.

¹¹ Там же. С. 161.

¹² Там же. С. 165–166.

¹³ Там же. С. 179.

¹⁴ Там же. С. 186–187.

¹⁵ Там же. С. 196.

И. И. Бекмирзаев

КОДИКОЛОГИЯ РУКОПИСНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПО ФИКХУ «АЛ-МУХИТ», НАПИСАННЫХ В МАВЕРАННАХРЕ

В статье впервые предпринята попытка исследования научного наследия Бурхануддина Махмуда ал-Бухари и Разиюддина ал-Сарахси на основе произведения «ал-Мухит». Исследуются история и порядок написания документов в учреждениях казията в Мавераннахре. Наряду с этим в работе проведен сравнительный анализ неисследованных до настоящего времени рукописных копий произведения «ал-Мухит», хранящихся в Рукописном фонде Института Востоковедения Академии наук Республики Узбекистан, в библиотеках ал-Азхар (Египет) и Сулеймания (Турция).

Ключевые слова: Бурхануддин Махмуд ал-Бухари, Разиюддин ал-Сарахси, ал-Мухит, Мавераннахр XI–XIII века, шурут, махзар, сижил, фатово, медресе, жаназа.

Начиная с десятого века по григорианскому летоисчислению в Мавераннахре начинают приводиться в определенный порядок отрасли науки *фикх*. К этому времени ученые Мавераннахра начинают собирать в единое произведение разрозненные фетвы мазхаба ханафитов. Одним из первых ученых, который положил начало систематизации фетв ханафитов, был Абу Лайс ал-Самарканди, собравший их в такие произведения, как «ал-Навазил» и «Уйун ал-масаил». Позднее факихами были переписаны последующие сборники фетв «Вокеот», «Навазил» и «Фатава». В числе ученых-создателей фетв были Мухаммед ибн Ибрахим ибн Ануш ал-Хасири ал-Бухари (ум. 500 / 1107), который создал «ал-Хави фи фатава», Фахруддин Ахмад ибн Мухаммед ибн Аби Бакр ал-Ханафи (ум. 522 / 1128), написавший «Мажма ал-фатава» и Ал-Садр ал-Шахид. Представитель семьи Али Моза Бурхануддин Махмуд ал-Бухари также создал множество произведений этого жанра.

В трудах ученых-библиографов встречаются различные мнения в отношении произведения «ал-мухит», написанного Бурхануддином Махмудом ал-Бухари (ум. 556 / 1219). По мнению ал-Кураши, произведение «ал-Мухит» принадлежит перу Разиюддина ал-Сарахси¹. Однако произведение «ал-Мухит» является совершенно самостоятельным произведением по отношению к «ал-Мухит ал-Сарахси», что подтверждается следующими словами ал-Лакнави: «Наши друзья для того, чтобы различить два произведения, написанных нашими авторами, называют произведение «ал-Мухит» Бурхана большим «ал-Мухит» ом, а «ал-Мухит ал-Сарахси» называют малым

«ал-Мухит»². Действительно, в Мавераннахре известны два произведения под названием «ал-Мухит», написанных в мазхабе ханафитов.

Первое из них принадлежит перу Бурхан ал-ислам Разиюддину Мухаммед ибн Мухаммед ибн Мухаммед ал-Сарахси (ум. 544 / 1149). Разиюддин ал-Сарахси постигал науку *фикха* у дяди Бурхануддина Махмуда ал-Бухари ал-Садра ал-Шахида, затем он прибыл в город Халаб (Сирия) и преподавал в медресе Нуриййа и Халавиййа. После того как он был освобожден от должности, до конца своей жизни преподавал в медресе Хотуниййа в Дамаске (Сирия)³.

До нас дошло множество копий «ал-Мухит ал-Сарахси». Ценность этого произведения, по мнению ученых, заключается в том, что фетвы ханафитских факихов, а также «Захир алривайа», «Навадир» даны в нём последовательно в упорядоченном виде⁴. Две рукописные копии этого произведения, хранящиеся в ИВ АН РУз (Узбекистан) под номерами № 10998, № 5963, являются лишь некоторыми частями этого произведения, в них не дан полный текст источника. Только копия под номером № 557 считается полным текстом рукописи. На её первой странице сказано о том, что у произведения есть 3 вида копий. Первая копия считается большой, в ней 8, 10, 12, 20 частей, вторая, среднего объёма, состоит из 4 частей, третья, малого объёма, состоит из 2 частей. Включения об этих особенностях даны в первой и второй частях произведения, что подтверждает факт написания произведения в полной или сокращенной форме. Кроме этого, вполне вероятно, что увеличение объёма произведения связано с тем, что произведение переписано некоторыми хаттатами и насихами (калли-

графами и переписчиками) крупным почерком. Кроме этого ученые, которые давали сведения о книге, могли оценивать лишь её объем, не учитывая вышеуказанные обстоятельства.

Копии “ал-Мухит ал-Сарахси”, хранящиеся в Ая Софии (Турция), переписаны в XII–XIII веках хиджры и включают в себя как минимум 2 и как максимум 32 книги. Кроме этого, копии данного произведения, возможно, хранятся в других библиотеках мира под названиями “ал-Мухит ал-ризави”, “ал-Мухит ал-сугра”, “ал-Мухит ал-вуста”, “Важиз ал-мухит ал-сарахси”.

В произведении “ал-Мухит ал-сарахси” всего 80 частей, в которых по порядку рассматриваются вопросы вероисповедания, коммерции, семьи, положения рабов, тексты клятв и другие имущественные договоры, вопросы межгосударственных отношений, кодекс поведения казиев, вопросы судебного процесса, уголовные вопросы, вопросы порядка наследования.

При сопоставлении двух произведений «ал-Мухит» сразу становится ясным, что существует большая разница между изучаемыми частями. Например, какая-либо тема, которая в одном произведении является отдельной частью, в другом произведении вообще отсутствует. Например, в «ал-Мухит ал-Бурхани» в качестве отдельных тем даны такие вопросы, как ископаемые (*ма’дан*), оформление документов кази (*ал-махазир ва-л-сижиллат*), поручительство (*даман*), обращение (*муа’мала*), запретное и разрешенное для людей, стены (*хийтан*), договоры (*шурут*), широко распространённые вопросы, обман (*гордость*), вопросы кафалата (*залога*). А в «ал-Мухите ал-сарахси» нашли отражение такие темы, как заупокойная молитва (*жаназа*), ремесло (*касб*), согласие (*разо’*), ‘идда, мера (*тадбир*), назначение (*каффарат*), клятва (*қасам*), *тазкийя*, родство, вопросы лечения людей, завещания и наследования, задолженность, освобождение из рабства по болезни, которые даны в качестве отдельных частей. Там же раскрываются вопросы, не встречающиеся в обоих произведениях. Например, порядок оформления документов казизата (*ал-махазир ва-л-сижиллат*), договоры (*шурут*) в “ал-Мухит ал-сарахси” отсутствуют.

Хотя названия этих двух произведений одинаковы, время их написания и содержание различны, и каждое из них создано в свойственном только ему стиле. По мнению некоторых исследователей, произведение «ал-Мухит ал-

Бурхани» Бурхануддина Махмуда ал-Бухари принадлежит деду писателя. Например, выражение ал-Иткани «ал-Мухит ал-Бурхани» означает, что автором является Бурхан ал-Кабир⁵. Несмотря на это, во множестве первоисточников и произведениях историков *табаката* (*библиографические произведения*) отмечается, что данное произведение написано Бурханудином Махмудом ал-Бухари.

Ещё один проблемный вопрос в исследованиях по «ал-Мухита ал-Бурхани» – это год окончания написания произведения. Внесение ясности в этот вопрос на основе рукописных источников и свидетельств *хаттатов* (*каллиграфов*) весьма сложно. Как известно, это произведение включает в себя результаты многолетней творческой деятельности, которую вёл Бурхануддин Махмуд ал-Бухари в Бухаре и в Самарканде. Опираясь на эти сведения, можно сказать, что мыслитель начал писать свое произведение в период своей жизни в Самарканде.

Подтверждением нашей мысли может являться следующее выражение, данное во введении к произведению Бурхануддина Махмуда ал-Бухари «ал-Захират ал-бурханиййа»:

بعد ان حمد الله و أثنى عليه وقد جمعت أنا في حداثة سنى و عنفوان عمرى و صدر أمرى في الافتاء ما رفع الى من مسائل الواقعات و ايضا ضمنت اليها اجناسها من المسائل و جمعت جمعا امر مدة مقامى بسمرتند. . . الخ⁶

Перевод: “После хвалы Аллаху, я в молодости, в период расцвета моей жизни и в самом начале моей деятельности по **фетве** смог собрать вопросы “ал-Воқе’от”. Кроме этого, в их число я внёс и похожие вопросы. В период своей жизни в Самарканде я собрал ещё множество вопросов”.

Здесь необходимо отметить, что произведение «ал-Мухит ал-Бурхани» полностью связано с личностью Бурхануддина Махмуда ал-Бухари, потому что автор, приводя **фетвы** Бурхана ал-Кабира или Разиюддина ал-Сарахси, использует такие выражения, как «по словам моего дедушки», «по мнению Разиюддина ал-Сарахси».

В процессе исследования выяснилось, что произведение «ал-Мухит ал-Бурхани» несколько раз готовилось к печати. Научный сотрудник центра исламских исследований, находящегося в городе Исламабад (Пакистан), «Идара ал-Куръан ва ал-‘улум ал-исламиййа» Луйи Абд ал-Ра’уф ал-Халили издал книгу под названием «Китаб ал-музараба мин «ал-Мухит ал-Бурхани», состоящую из 344 страниц, которая включала в себя часть произведения «ал-

Мухит ал-Бурхани» под названием «Китаб ал-музараба» в 1424 / 2003 году⁷. В этом же центре хранятся рукописные копии произведения «ал-Мухит ал-Бурхани», состоящие из 25 частей. Индийским исследователем Саййидом Хашимом ал-Надви также было изучено это произведение, однако оно не было опубликовано. В своем труде этот учёный опирался на рукописи произведения, которые хранятся в арабском рукописном фонде библиотек Сахаранапура (Индия) «Мазахир ал-'улум», Рампура (Индия) «Ридо» и Ражпутана (Индия) «Саъидийа»⁸.

Первое крупное издание произведения «ал-Мухит ал-Бурхани» было осуществлено Ахмадом Иззу Инайа (Каир, 2003)⁹, которое состояло из десяти томов, каждый объемом 500–550 страниц. Издание начинается частью «*тахарат*» (омовение), заканчивается частью «*ал-махазир ва-л-сижиллат*». В нем всего 64 части. В данном издании Ахмад Иззу Инайа опирается на бейрутскую рукописную копию произведения, однако в изданных томах нет указателей и необходимых комментариев. Во введении не даны сведения о Бурхануддине Махмуде ал-Бухари. Во многих местах наблюдается путаница в выражениях, написанных на персидском языке. При сопоставлении копии с рукописью, хранящейся под номером № 2861 ИВ АН РУз (Узбекистан), выяснилось, что в ней нет частей «*шурут*» и «*хунса*» (*гермафродитизм и его вопросы*).

Автором второго крупного издания «ал-Мухит ал-Бурхани» является Абдулкарим Сами ал-Жунди, который подготовил к публикации произведение в девяти томах (каждый том составляет в среднем 500–550 страниц)¹⁰. Это издание, не превышающее по объему произведение Ахмада Иззу Инайа, включает в себя значительно большее количество научного материала. Во введении даются сведения об истории и этапах развития *мазхаба ханафитов*, затем идут краткие сведения об авторе. Книга начинается с части «*тахарат*» (омовение) и заканчивается частью «*ал-махазир ва-л-сижиллат*». Это издание произведения «ал-Мухит ал-Бурхани» основывается на четырехтомной копии, хранящейся в медресе «Ахмадийя» в городе Алеппо (Сирия). В его исследовательской части даны сведения об учёных, классификация их произведений и хадисов, а также сведения об *аятах* Корана. Всего в издании 41 часть. Однако и в издании Абдулкарим Сами ал-Жунди нет части «*шурут*».

Как известно, после монгольского нашествия в Османской империи наблюдалось развитие исламской науки, центром которой стал город Стамбул. В последовательном развитии *мазхаба ханафи* в данном регионе большое значение имел ряд произведений, написанных *факихами* Мавераннахра. Подтверждением нашей мысли является то, что в Баязидской государственной библиотеке и библиотеках городов Сулеймания, Купрулу Турции хранится 66 копий рукописи. Это рукописи различного объёма, созданные переписчиками из разных государств.

В процессе исследования были также тщательно изучены 17 рукописных копий произведения, хранящихся в отделениях Ая Сафия и Мурад Мулла библиотеки Сулеймания (Турция)¹¹.

Как известно, все копии, кроме рукописи № 001413¹², хранящейся в отделении Ая Сафия библиотеки Сулеймания Стамбула, были переписаны одним переписчиком Мансуром ибн Яхя в Сирии в 731 / 738 годах хиджры.

Было определено, что в библиотеках «ал-Азхар», «Дор ал-кутуб ал-мисрийя» Каира и в Александрийской национальной библиотеке хранится 27 копий произведения различного объёма. Основные из них находятся в отделении «*Фикх ал-Ханафи (Ханафитское право)*» под номером № 471 (890 страниц) и состоят из 4 томов. Кроме того, в этой же библиотеке есть микрофильм данной копии под номером № 38000. Там же под номерами № 482 (720 страниц) и № 774 (602 страницы) хранятся II, III, V, VI, VII тома произведения. Однако порядок расположения томов книг рукописи не соответствует. При сопоставлении их с Ташкентскими копиями выяснилось, что в них нет частей «*бай'* (купля-продажа)», «*хунса*» (*гермафродитизм и его вопросы*), «*шурут*». В библиотеке университета ал-Азхар Каира в отделе «*Ханафитское право*» под номером № 3054 (894 страницы) хранится копия произведения, переписанная Саидом Халилом Аббас Тахтави в 975 / 1567–68 годах. Однако и в этой копии порядок частей дан неопределенно, потому что при сопоставлении с ташкентской копией выяснилось, что в ней нет частей «*хадж*» (*паломничество в священные города Мекку и Медину*), «*жинаят*» (*преступление*), «*шурут*», «*ал-махазир ва ал-сижиллат*». Вторая рукопись произведения «ал-Мухит ал-Бурхани», хранящаяся в этой библиотеке, переписана Мухаммед Канави в IX / XV веках. Эта копия соответствует копии под номером № 471 в «Дар ал-кутуб ал-мисрийя».

Ещё одна рукопись «ал-Мухит ал-Бурхани» хранится в Александрийской национальной библиотеке под номером № 1369. Эта копия переписана в Тунисе в XIII / XIX веках Абдулмажидом Абдуссаломом ал-Канъани ал-Малики в виде сборника¹³.

Ещё одна копия произведения «ал-Мухит ал-Бурхани» хранится в личной библиотеке Шайха Мавляна Мухаммед Азама, живущего в приграничном с Афганистаном городе Тахила Пакистана. Эта копия состоит из 2942 листов, на каждом листе в среднем 35 строк. Рукопись переписана *хаттатом* (каллиграфом) Мухаммедом ибн Мухаммедом арабской вязью *наسخ*, в некоторых местах *насталик* 1 рабиъ II 1182 / 15 августа 1768 года. Необходимо отметить, что эта рукопись выполнена в форме книги в кишлаке *Али Биалал* в окрестностях Бухары в мавзолее Хаджи Бахауддина Хасана Зарфа Ишана. По мнению Маъсуми, рукопись переписана на персидском и тюркском языках, в нее внесены важные для того времени *фетвы*¹⁴. Эта копия начинается с части «*тахарат*» (омовение) и заканчивается «*шуф'а*» (льготная покупка). В копии приводится всего 38 книг¹⁴.

Немецкий востоковед Карл Броккельман дает такие сведения о рукописных копиях произведения, хранящихся в других странах:

1) двухтомная рукопись и копии под номером № 0263, № 23714, хранящиеся в медресе Зайтунийя Туниса;

2) трехтомная рукопись и копия под номером № 212264, хранящиеся в Мосульской центральной библиотеке Ирака;

3) трехтомная рукопись и копия под номером № 37748¹⁴, хранящиеся в арабском отделении Британского музея Лондона.

Были исследованы 10 рукописных копий произведения, хранящихся в ИВ АН РУз (Узбекистан):

1) копия под номером № 2861, написанная письмом *насталик* (всего 1241 страниц);

2) копия под номером № 5982, переписанная в Бухаре письмом *насталик* (всего 955 страниц);

3) копия под номером № 9532, переписанная в 985 / 1578 году в Бухаре письмом *насталик* (всего 727 страниц);

4) копия под номером № 3161, место написания которой неизвестно, и переписанная письмом *насталик* (всего 543 страниц);

5) копия под номером № 7814, переписанная письмом *сулс* (всего 180 страниц);

6) копия под номером № 8781, переписанная письмом *наسخ* (всего 340 страниц, она считается третьим томом произведения);

7) копия под номером № 5835, переписанная в Бухаре в 1221 / 1807 году Мирзо Мухаммедом письмом *насталик* (всего 675 страниц);

8) копия под номером № 3167, переписанная письмом *сулс* (всего 314 страниц);

9) копия под номером № 3102, переписанная в 663 / 1265 году Абу ал-Фатхом Абдулкадиром ибн ал-Кабир ибн Али ал-Маргинани письмом *сулс* (всего 196 страниц);

10) копия под номером № 5945, переписанная в Бухаре в 989 / 1582 году Мухаммедом Али Наклибеком письмом *нимнаسخ* (всего 924 страниц).

Создание этих рукописей приходится на VII–XIII века хиджры.

В процессе исследования перечисленных копий нами были выяснены следующие важные вопросы: определен полный объем копии произведения «ал-Мухит ал-Бурхани». Это копия под номером № 2861, состоящая из 1241 страницы и хранящаяся в рукописном фонде ИВ АН РУз. Рукопись переписана в 1221 / 1776 году *хаттатом* (каллиграфом) Мухаммедом Тахиром ибн Фарманбек ал-Бухари (согласно генеалогии, его род начинается с Ходжа Мухаммеда Восиъ ибн Хазрата Жабира (р.а.)). Рукопись включает в себя 67 частей, начинается с «*тахарат*» (омовение) и заканчивается частью «*фараиз*» (наследование).

В качестве вывода можно сказать, что авторы в своих произведениях сумели собрать почти все предыдущие *фетвы ханафитского мазхаба*. Лишь оказавшись в безвыходном положении, авторы прибегали к использованию фетв других мазхабов для их сопоставления с имеющимися у них экземплярами (*кияс-аналогия*). Каждая книга начиналась с цитат из «*Захир ар-ривойа*» или из фетв последних мавраннахрских улемов. Для внесения ясности в трактовку различных вопросов иногда ими использовались персидские выражения. В обоих произведениях «ал-Мухит ал-Бурхани», на наш взгляд, уместно приведены *аяты и хадисы*. Во многих случаях авторами даются фетвы, основанные на теоретических доказательствах.

Примечания

¹ См.: Кураши Абу Мухаммед Абдулкадир ибн Абилвафа Мухаммед ибн Мухаммед ал-Мисри. Ал-Жавахир ал-музий'а фи табака

- ал-ханафиййа : в 5 т. / под ред. Абдулфаттах Мухаммед ал-Хулв. Каир, 1993 хиджры. Т. 3. С. 43 (далее: Ал-Кураши).
- ² Мухаммед Абдулхай ал-Лакнави. Ал-Фава'ид ал-бахиййа фи таражим ал-ханафиййа / под ред. Ахмад ал-Захабий; 1-е изд. Бейрут : Дор ал-аркам ибн ал-аркам, 1418 / 1998. С. 206 (далее: Ал-Фава'ид.).
- ³ См.: Ал-Кураши. Т. 3. С. 357; Ал-Фаваид. С. 188–191; Brockelmann, C. Geschichte der arabischen Litteratur : в 3 т. Weimar-Berlin : Хай'а ал-мисриййа, 1898–1993. Т.1. С. 463.
- ⁴ Институт Востоковедения Академии Наук республики Узбекистан: рукописи № 10998. 290 с.; № 5963. 301 с.; № 557. 610 с.; Турция, Стамбул, Библиотека Сулеймания, отд-ние Ая София: рукописи № 001397, № 001390, № 001405, № 001396, № 001395, № 001404, № 001394, № 001393, № 001392, № 001403, № 001391, № 001402, № 001401, № 001400, № 001399, № 001398.
- ⁵ См.: Таха Ахмад Хасан Хафини ал-Мағаз. Мин аввали Китаб ал-салат ила ахир ал-фасл ал-хамис минх мин Махтут ал-Мухит ал-бурхани. Каир : Ун-т ал-Азхар, 2003. С. 38.
- ⁶ Бурхануддин Махмуд ал-Бухари. Ал-Захира ал-бурханиййа. Стамбул : Библиотека Сулеймания; отд-ние Ая София: рукопись № 001170. 392 с. С. 1^а.
- ⁷ См.: <http://www.aslein.net/archive/index.Php/t-5361.html>.
- ⁸ Мухаммед Сағир Ҳасан Ма'сумий. Бурхан ал-шари'а ва китабух «ал-Мухит ал-бурхани». Исламабад : Асар ал-ислабиййа (Исламабад. ислам. ун-т), 1967. С. 71.
- ⁹ Бурхануддин Махмуд ал-Бухари. Ал-Мухит ал-бурхани фи ал-фикх ал-нў'мани : в 11 т. / под ред. Ахмад Иззу Инайа. Каир : Дар ихйа ал-турас ал-араби, 2003.
- ¹⁰ Бурхануддин Махмуд ал-Бухари. Ал-Мухит ал-бурхани фи ал-фикх ал-нў'мани : в 9 т. / под ред. Абдулкарим Сами ал-Жунди. Бейрут : Дар ал-кутуб ал-илмиййа, 2004.
- ¹¹ Библиотека Сулеймания, отд-ние Ая София: рукописи № 001406. 206 с., № 001407. 188 с., № 001408. 211 с., № 001409. 193 с., № 001410. 207 с., № 001411. 225 с., № 001412. 235 с., № 001413. 174 с., № 001414. 199 с., № 001415. 271 с.; отд-ние Мурад Мулла: рукописи № 001042. 427 с., № 001043. 511 с., № 001044. 459 с., № 001045. 409 с., № 001046. 275 с., № 001047. 835 с., № 001048. 622 с.
- ¹² Копия произведения № 001413 была переписана в 762 году хиджры месяца Шаъбан 15 дня Абдуллахом Ибрахимом ибн Ахмад ибн Хажар ибн Али ал-Фарси аш-Шафи'и.
- ¹³ Таха. «Ал-Мухит». С. 41.
- ¹⁴ Ма'суми. «Ал-Мухит». С. 71.

С. И. Эшанкулова

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ОБРАЗА ХЫЗРА В ЛИРИКЕ ПОЭТЕССЫ НАДИРЫ БЕГИМ

Статья посвящена творчеству замечательной поэтессы первой половины XIX века Надиры бегим. В современном узбекском литературоведении проблема изучения художественных образов в лирике Надиры остается актуальной. В данной статье рассматриваются стиль и образ Хызра в творчестве поэтессы, своеобразии и самобытности, а также мастерство и изящество, с которыми Надира использовала образ Хызра в художественных и эстетических целях.

Ключевые слова: Хызр, ислам, оби хайвон, Кахф, Калимуллах, миф, суфийские учения.

Изучение этапов развития религиозных легенд показывает, что святые, чудотворцы и пророки, имена которых связаны с религией, встречаются не только в фольклоре, но упоминаются и в письменных источниках. Лучшие образцы подобных легенд были широко распространены среди народов Ближнего и Среднего Востока и послужили своеобразной основой для формирования письменной литературы. Некоторые исследователи отмечают, что эти положительные герои, родившись в устном народном творчестве, через легенды, сказания, пословицы переходили в письменную литературу¹.

Одним из святых, представителей мира духовного совершенствования, освещаемых в поэзии Надиры бегим, является Хызр алайхиссалом². В образцах устного народного творчества (преданиях, легендах), а также в письменных источниках Хызр представлен в образе «оби хайвона» – святого, который, испив живой воды, достиг бессмертия. В суре «Кахф» Священного Корана описываются взаимоотношения между пророками Мусо³ и Хызром. Как известно из историй о святых, Мусо алайхиссалом был удостоен возможности свободного общения с Аллахом, поэтому его называли «Калимуллох». Он общался с Создателем без посредничества. Из пояснения Алоуддина Мансура: Мусо алайхиссалом спросил у Создателя: «Есть ли среди рабов божьих человек, превосходящий меня по уму и знаниям?» Всевышний ответил: «Тебе Мы даровали знания обо всем, что было, но среди рабов Моих есть человек, которому Мы даровали милосердие от Нас и научили его Нашим знаниям о том, что было и что будет, – значит, ты своими знаниями и просветительством можешь быть наставником для всего мира, но этому человеку ты не годишься даже в ученики»⁴. Человеком, о котором говорил Аллах, был

Хызр. Беседы между Мусо и Хызром подробно освещены в произведении «Кисаси Рабгузи» Насириддина Рабгузи⁵. Н. Маллаев отмечает, что в образе Хызра «сохранились мифические слова о бессмертии»⁶.

Святой Хызр неоднократно был вдохновителем поэзии Надиры. Традиционно в литературе Хызр изображается как духовный наставник, указывающий путь истины, призывающий к светлым дням и покровительствующий страждущим. Однако в трактовке Надиры духовному наставнику Хызру недоступны ее любовные переживания и одиночество разлуки:

Не рузи иштиёкам Хизри мурод ходй,
Не дар шаби фирокам шамъи висол рахбар⁷.

Ведущий к цели Хызр в страждущие дни не указывает мне путь,

И в ночи разлуки с любимым не ведет нас соединяющая свеча⁸.

В архаической мифологии Хызр олицетворяет весну и обновление. Впоследствии под влиянием религии и художественного эпоса Востока к этой характеристике добавляется образ «оби хайвона» – «дающего живую воду»⁹. В мифологии Хызр считается бессмертным, чудотворцем, нашедшим живой источник и испившим из него. Поэтому в большинстве случаев Хызр изображается с упоминанием источника воды:

Сабзаи хат лаъл нобинг маъво айлади,
Хизр килгондек ватан сарчашмаи хайвон куруб¹⁰.

Твои чистые рубиновые уста приютили пробивающийся пушок,

Как Хызра, поселившегося в устье источника найденной им живой воды.

Надира в красивой художественной форме сравнивает животворящую силу уст возлюбленного с устьем живого источника, даровавшим бессмертие Хызру.

При трактовке образа Хызра в поэзии Надиры можно убедиться, насколько глубок художественный талант поэтессы. В ее поэзии Хызр изображается как легендарный освободитель, помогающий людям в беде, мудрец, своими разумными советами несущий добро человеку, сказочный герой, благодаря живой воде достигший бессмертия, целитель, и в целом – святой, который может даровать жизнь:

Эй хушо, шиша аро оби хаёти хукамо,

Ким анинг хар киши нуш этса булур Хизрнамо¹¹.

О как прекрасно! В пузырьке – живая вода целителя,

Тот, кто попробует из него, станет подобным Хызру.

В представлении Надиры любящий человек бессмертен, как Хызр.

В восточной мифологии Хызр сравнивается с добром, весной, растительным миром. «В художественном творчестве Хызр представляется в облике седовласого старца в зеленом халате и зеленой чалме, верхом на белом коне с длинной стрелой в руках»¹².

Историческая основа олицетворения образа Хызра с добротой, цветом молодой зелени, по нашему мнению, связана с преданием, приводящимся в «Киссаси Рабгузи»: «Хызр – это жизнетворчество. Если Хызр алайхиссалом сажился на камень, этот камень становился живым»¹³. Ученый-фольклорист М. Афзалов отмечает: «Если сказочному герою встречается Хызр, он обязательно легко достигает поставленной цели, становится счастливым. Среди народа широко бытует предание, что успеха достигает человек, на которого «пал взор Хызра»¹⁴.

В газелях Надиры есть строки, отображающие веру в чудо, надежду, удачу, которые приносит Хызр:

Боз сар зад дили торики манн сад чашма нур,

Чун Хизр аз зулмати шаб оби хайвон ёфтам¹⁵.

Вновь заглянул в мою помрачневшую душу источник сотни лучей,

Подобно Хызру, в ночах мучений я нашла живую воду.

Живая вода в представлении Надиры ассоциируется с бессмертным творчеством, скрашивающим одиночество.

В поэзии Надиры образ Хызра трактуется на основе исламского и суфийского учения. В суфийском учении эпитет «возлюбленный»

относят к Аллаху – Господу миров, любящему своих рабов и любимому ими, в переносном значении – обращение к любимому человеку:

Мекунам ёди лабаш чун, мехурам хуни чигар,
Мехурам хуну ба оби Хизр мешуям дахон¹⁶.

*Вспоминая его губы, алые как кровь печени,
Мысленно припадаю к ним и полощу водою Хызра уста свои.*

Сравнивая губы с кровью печени, Надира подчеркивает цвет губ – алый, словно кровь печени. В алых губах возлюбленного отображаются вечное жизнелюбие и духовное возрождение. Лирический герой обращается к возлюбленной, видя в её губах жизнелюбие, суть чудес.

Он ки аз оби хаёти васли чонон зинда нест,

Гар хама Хизр аст, хобби вопасин пеш оядаш¹⁷.

Тому, кто не испытал чуда живой воды единения с возлюбленным,

Да будь он и Хызр, к нему придет последний сон.

Примечания

¹ В этих строках поэтесса по-новому интерпретирует традиционный мифологический мотив: Хызр – См.: Маслова, Ю. С. Введение в языковедение. М.: Академия, 2005. С. 182.

² Гулямов, А. Г. Современный узбекский язык. Синтаксис / А. Г. Гулямов, М. А. Аскараров, 1961. С. 5.

³ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873. С. 35.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Белова, А. Г. Синтаксис письменных текстов арабского языка. М.: Наука, 1985. С. 52.

⁶ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 84.

⁷ См.: Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Восточ. лит., 1998. С. 459.

⁸ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 83.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ См.: Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 465.

¹¹ См.: Хифни Насиф. Ад-дурису-н-нахвийа. Искандарийа, 2007. С. 422.

¹² Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 86.

¹³ См.: Хифни Насиф. Ад-дурису-н-нахвийа. С. 424; Мустафо Галайини. Жумиу-д-дурису-н-нахвийа. Каир, 2007. С. 342.

¹⁴ Носирова, М. Произведение Махмуда Замахшарий “Ал-унмузаж фи-н-нахв”. Ташкент : ТДШИ, 2005. С. 94.

¹⁵ Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 466.

¹⁶ См.: Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 112.

¹⁷ Фролов, Д. В. Арабская филология. М. : Языки славян. культуры, 2006. С. 96.

¹⁸ См.: Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 477.

¹⁹ См.: Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 86.

²⁰ Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 481.

²¹ См.: Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 88.

²² Там же. С. 91.

М. А. Насырова

МАВЕРАННАХР В КОНТЕКСТЕ АРАБСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ШКОЛ

Данная статья является частью исследования, впервые затрагивающего деятельность лингвистической школы Мавераннахра в средние века. Повсеместное распространение арабского языка (IX–XI), небывалый в истории подъём науки и культуры в Мавераннахре в немалой степени способствовали развитию арабского языка, арабского языкознания. Об этом свидетельствует появление плеяды знаменитых языковедов, таких как Исхак ал-Бухари, Махмуд аз-Замахшари, Ибн ал-Хаййат, Исхак Саффар ал-Бухари, Наср б. Абу ас-Сайид ал-Мутарризи, Мухаммад ал-Харезми, Умар ал-Жанди, Масъуд ат-Тафтазани и многие другие. Они активно участвовали в деле развития школы арабского языкознания в Мавераннахре.

Ключевые слова: Мавераннахр, лингвистическая школа, арабская грамматика, медресе, литературный язык, морфология и синтаксис, лингвистические исследования, теория арабской грамматики, рукописные копии, источники.

История арабского языкознания, уходящая в далекое Средневековье¹, и по сей день является объектом пристального изучения². Когда арабы впервые заинтересовались изучением своего языка, сказать трудно³, судя по источникам и дошедшим до нас сведениям, ясно, что начальный этап арабского языкознания окутан туманом легенд, но точно локализуется в двух иракских городах – Басре и Куфе⁴. С первых дней появления науки по арабской грамматике в ней сформировалось несколько научных школ – басрийская, куфийская, багдадская, египетская и андалусская школы арабского языкознания.

После завоевания арабами Средней Азии арабский язык как язык господствующей власти, религии, культуры и науки был распространен повсеместно. Обязательное знание арабского языка являлось центробежной силой для развития арабского языкознания в Средней Азии. Появилась целая плеяда учёных-языковедов. Многие из них учились в арабских странах, совершали путешествия в поисках знаний в Сирию, Ирак, Хиджаз и другие культурные центры исламского мира. В числе этих отважных ученых были Ибн Хаййат, Юсуф ал-Барки, Ахмад ал-Баркони и другие. Они усовершенствовали свои знания в Куфе, Басре, Багдаде, где уже были сформированы школы арабского языкознания. После возвращения на Родину они занимались просветительской и научной деятельностью.

Мухаммад ал-Харезми ал-Барки – (имам Абу Абдуллах) Мухаммад б. Ахмад б. Юсуф б. Исмоил б. Шах ал-Харезми ал-Барки (X век) – изучал морфологию и синтаксис арабского

языка, был одним из известных ораторов, понимающих тонкости и красоту литературного языка.

Абу Бакр Ахмад б. Мухаммад б. Мансур б. ал-Хаййат⁵ ан-Нахви (ум. в 320 / 932) – филолог, грамматик, историк, поэт, мухаддис. Знаток арабской грамматики, за что он был прозван «ан-Нахвий», т. е. «грамматик». Ибн Кифти писал о нём: «Учился у Мубаррада, рассказывает со слов Саълаби, имеет собственно прекрасные произведения». Некоторые его произведения по грамматике: «Китабу ан-нахв ал-кабир», «Китабу ал-мукниъ», «Китабу ал-муъжаз», «Маъонийи ал-Куръан» и др. Ибн ал-Хаййат умер в г. Басра⁶. Учёные, занимающиеся историей арабской грамматики, в своих трудах относят Ибн ал-Хаййата к числу грамматиков багдадской школы⁷.

Ахмад ал-Баркони родился в одном из сел Кята – Барконе, расположенном на восточном берегу Джайхуна. Его полное имя – Абу Бакр ал-Хафиз ал-имам Ахмад б. Мухаммад б. Ахмад б. Галиб ал-Харезми, Баркони, Шофеъи. Жил в 336–425 / 948–1034 годах. Прославился как факих, поэт, мухаддис, знаток Корана и грамматики арабского языка, составил «Муснад».

Постепенно на протяжении X–XII веков шло формирование лингвистической школы Мавераннахра. Создавались фундаментальные труды по арабской лингвистике, такие как «ал-Муфассал фи санъати ал-иъраб», «Мукаддамата ал-адаб», «Асасу ал-балага» Махмуда аз-Замахшари; «ал-Иклид» Умара ал-Жанди; «ал-Мисбах фи ан-нахв» Ал-Мутарризи; «ал-Мутаввал» Масъуда ат-Тафтазани; «ан-Нахву

ал-кабир» Ибн ал-Хайята; «ат-Тахмир», «Китабу сихри ал-иъраб», «ал-Иъжаб фи илми ал-иъраб» Мухаммада ал-Харезми и т. д.

Учёные Мавераннахра комментировали научные труды представителей басрийской, кувейтской, багдадской лингвистических школ. К примеру, Саффар ал-Бухари написал комментарий к знаменитому труду Сибавайхи, представителя басрийской школы, «Ал-Китаб» и назвал его «ал-Мадхал ила Сибавайх»; Махмуд аз-Замахшари также комментировал труд Сибавайхи. Его комментарий называется «Шарх абйат китаб Сибавайх». Замахшари комментировал и известнейший труд представителя кувейтской школы ас-Саълаби. Он известен как «Шарху ал-фасих». Такие учёные-языковеды, как Исмоил ал-Фукоъи («Умдату ал-макийд ва иддату ал-мажийд фи маърифати лафзати ат-тажвид»), Масъуд ат-Тафтазани («Шарху мухтасари ал-Занжоний» и «Халлу ал-макоид фи шархи ал-кавоид»), Солих б. Мухаммад ат-Тумуртоши («Шарху ал-алфия фи ан-нахв»), имели свои комментарии на определённые труды известных грамматиков.

Кроме этого, языковеды Мавераннахра писали специальные учебники для медресе по арабской грамматике для неарабов. Среди данных пособий можно выделить такие, как «Ал-Унмузаж фи ан-нахв» и «Харакат»⁸ Махмуда аз-Замахшари, «Ал-Мисбах фи ан-нахв» Насра ал-Мутарризи, «Тасрифу ал-афъал» Мухаммада ал-Муъиззи, «Мукаддиму ад-даририй» Хамидуддина ад-Дарири, «Шархи мулло» Абдурахмана ал-Джами и т. д. Эти пособия-учебники отличаются своей краткостью, лаконичностью, последовательностью, методом изложения и подачи материала. Они были составлены с учетом быстрого овладения как лексикой, так и грамматикой арабского языка. Впоследствии они приобрели такую популярность, что на протяжении нескольких веков использовались как основные учебники в медресе.

Имя и труды Махмуда аз-Замахшари (467 / 1075–538 / 1144) были известны во всем мусульманском мире, списки его произведений приводятся почти во всех авторитетнейших библиографических словарях средневековья – у Ибн ал-Кифти (XIII век), Якута ал-Хамави (XIII век), Ибн Халликана (XIII век), Хаджи Халифы (XVII век) и др.

Научные интересы Махмуда аз-Замахшари охватывали всю систему современных ему гуманитарных дисциплин. Общеизвестной в

научном мире заслугой учёного является то, что в условиях господства догм ортодоксального ислама он не только сумел разработать, но и успешно применил научный рационалистический метод познания, основанный на когнитивных способностях человека и логическом мышлении. В настоящее время историками науки выявлено около 70 работ, принадлежащих перу аз-Замахшари. Большая часть его научного наследия до нас дошла в многочисленных рукописных копиях и изданиях.

Аз-Замахшари приобрёл мировую славу главным образом как выдающийся грамматик, автор «ал-Муфассал фи санъати ал-иъраб». Именно глубоко научный взгляд на природные особенности арабского языка позволил ему добиться поразительных результатов в лингвистических исследованиях. Он внёс большой вклад в теорию арабской грамматики, разработав новый метод её изложения. По этому поводу В. Гиргас пишет: «Большая часть грамматиков, как Абу Али ал-Фариси в «Идахе», следуют Сибавайхи в распределении грамматических вопросов; другие, как Абубекр Абдул-Кахир ал-Джурджани в трактате «Сто управляющих», распределяют все явления языка по управляющим словам; и, наконец, третьи, как Джарулла аз-Замахшари в «Муфассал», излагают все грамматические вопросы в 3-х отделах: имя, глагол и частица». Далее он пишет: «Упомянутое нами сочинение считалось в течение XI, XII и XIII столетий классическим руководством для изучения арабского языка, доказательством чего служат многочисленные комментарии их, написанные грамматиками этого периода»⁹.

Труды Махмуда аз-Замахшари, особенно грамматические, оказали огромное влияние на последующее развитие грамматики арабского языка. Они стали отправным пунктом многочисленных исследований; их комментировали; их части вошли в другие книги; по ним учились и учатся десятки поколений.

Знаменитых грамматиков среди учёных Мавераннахра было очень много, среди них: Наср б. Абу ас-Сайид б. Али Абу ал-Фатх ал-Мутарризи (538 / 1143–610 / 1213) – «преемник Махмуда аз-Замахшари». После аз-Замахшари он достиг почётного прозвища «Имаму илми ан-нахв». Среди трудов по грамматике можно выделить следующие: «ал-Мисбах фи ан-нахв», «ал-Мукаддима ал-Мутарризийя фи ан-нахв», «ал-Икнаъ фи ал-луга», «Мухтасару ал-икнаъ фи ал-лугати», «ал-Мугриб»,

«ал-Муъриб фи шархи ал-мугриб». Труд «ал-Мугриб» посвящается анализу редко употребляемых слов в речи факихов¹⁰. Его книги дошли до наших дней. Учёные, занимающиеся историей арабского языка, изучают деятельность Абу Насра ал-Мутарризи и его учителя Махмуда аз-Замахшари как представителей багдадской школы¹¹.

Ал-Касым ал-Харезми (555–617 / 1160–1220) – (Абу Мухаммад) ал-Касым б. ал-Хусайн б. Мухаммад ал-Харезми. Родился в Хорезме и был убит монголо-татарами. Известный грамматик, знаток морфологии и синтаксиса арабского языка. За это его прозвали «Садру ал-афадил». Он написал больше десяти трудов по грамматике, некоторые из которых дошли до нас: «Китабу ажаиб ан-нахв», «Китабу ар-ривая фи ан-нахв», «Китабу сихри ал-иъраб», «Китабу шархи ал-абнийя», «аз-Завая ва ал-хабая фи ан-нахв», «ал-Мухассал ли ал-маслахати фи ал-байан», «ал-Мухтасар», «Китабу ал-мижмара фи шархи ал-муфассал», «Китабу ат-тахмир фи шархи ал-муфассал», «Китабу шархи ал-унмузаж», «Китабу шархи ал-ахажий ли ал-Жаруллах»¹². Комментировал шесть трудов Махмуда аз-Замахшари. Наибольшую известность из них получил «ат-Тохмир» – комментарий к «ал-Муфассал». Кроме этого, к «ал-Муфассал» им было написано ещё два комментария – «ал-Мухтасар» и «Китабу ал-мижмара», а также комментарий к «ал-Унмузаж фи ан-нахв» в «ал-Ахажий фи ан-нахв» Махмуда аз-Замахшари.

Тожиддин Ахмад б. Махмуд б. Умар ал-Жанди (ум. в 700 / 1301). Его труд «Укуду ал-жавахир фи илми ат-гасриф» посвящен морфологии арабского языка. Им был написан «Ал-Иклид» – комментарий к «ал-Муфассал» Махмуда аз-Замахшари, и «ал-Макалид» к «ал-Мисбах фи ан-нахв» Абу ал-Фатха Наср б. Абду ас-Сайида ал-Мутарризи. Он известен также как комментатор «ал-Кафийату фи ан-нахв» Ибн Хаджиба.

Языковедами данного периода были разработаны вопросы флексии имен, вопросы синтаксиса (сложносочинённые и сложноподчинённые предложения) и морфологии (неправильные глаголы, четырёхбуквенные глаголы и др.), а также звукоучения.

Махмуд аз-Замахшари уделяет большое внимание вопросам флексии, так как он считает, что «прежде всего, следует знать и'раб, ибо посредством его можно излагать сущность и других явлений»¹³. Термин «и'раб» (и'раб –

флексия) выбран в виду того, что он является основным понятием арабской грамматики.

Из истории развития арабской лингвистической науки хорошо известно, что каждый последующий этап в развитии лингвистической мысли возникал как форма преодоления противоречий, характерных для предшествующего периода развития науки о языке, новые достижения являлись непосредственным продолжением уже открытых закономерностей и теорий, но на новом, более высоком уровне развития науки. Также каждая из лингвистических школ, имеющих место в истории арабского языкознания, вносила свою лепту в общие достижения этой науки.

В последующем учёные-языковеды других лингвистических школ арабского языка писали комментарии на труды учёных Мавераннахра. К примеру, представитель египетской школы Абу ал-Хасан ас-Сахави (557–643 / 1167–1245) комментировал грамматический труд Махмуда аз-Замахшари «ал-Муфассал» и назвал свою книгу «ал-Муфаддал». Другой представитель этой школы, Ибн Хаджиб (571–646 / 1175–1248), тоже комментировал «ал-Муфассал» и назвал его «Ал-Ийдахи фи шархи муфассали аз-Замахшари». Абу Али Бадриддин ал-Хасан ал-Муради (690–749 / 1291–1348) написал супрокомментарий «Шарху ал-муфаддал фи шархи ал-муфассалли ас-Сахави»¹⁴. Другой представитель египетской школы, Абу Мухаммад Жамолиддин б. Хишам ал-Ансари (708–761 / 1308–1359), комментировал «ал-Кашшаф» Махмуда аз-Замахшари, который называется «Тахлису ал-инсаф фи тафсири ал-кашшаф».

Традиции школы Мавераннахра и её основателя Махмуда аз-Замахшари были подхвачены и развиты и в последующие века следующими учеными.

Мухаммад ал-Бухари (895 / 1490) – (Шамсуддин, Абдулмажид) Мухаммад б. Мухаммад ал-Бухари ар-Рамитани – факих и грамматик. Был имамом ханафийского толка в Мекке. Из его трудов: «Шарху ал-мукаддимати ал-ажрумийя», «Шарху танхики ал-лубоб». Оба эти комментария посвящены грамматике¹⁵.

Иноятуллах Ахунд (1176 / 1762) – Иноятуллах б. Абдуллах ал-Вобканди, ал-Бухари, ал-Ханафи. Научные интересы «Ахунда» охватывали гуманитарные дисциплины. Из его трудов по грамматике: «Хашия ала шархи ал-кафия», «Хашия ала шархи хикмати ал-айн», «Хашия ала тафсири сурати ал-бакара», «Ха-

шия ала шархи аздия», «Хашия ала шархи исботи ал-важиб»¹⁶. Иноятуллах Ахунд написал супрокомментарий к комментарию Абдурахмана ал-Джами «Шархи Мулла» – «Хашия ала шархи ал-кафия».

Али ал-Кунужи (1248–1307 / 1832–1890) – Али б. Хасан б. Али б. Лутфуллах ал-Хусайни, ал-Кунужи, ал-Бухари. К нему обращались «Садик Хасан». Из его трудов по грамматике были очень известны следующие два: «ал-Хутта фи зикри ас-сихохи ас-ситта», «Тахрижу ал-васая мин хабая аз-завая» и др.¹⁷

Мухаммад б. Солих б. Мухаммад б. Абдуллах б. Ахмад ал-Газзи, ат-Тумуртоши (1035 / 1626). Занимался грамматикой арабского языка и «илми фараиз», т. е. наукой о наследии. Был адибом и поэтом. Получил образование в Газзе и Каире. Умер в Газзе. Его труды: «Назм алфия фи ан-нахв», «Шарху ар-рахбия фи ал-фароиз», «Рисала фи тафзили ал-инсан», а также многочисленные стихи.

Салих б. Мухаммад б. Абдуллах б. Ахмад б. Мухаммад ал-Хатиб, ал-Газзи, ат-Тумуртоши, Ханафи (980–1055 / 1572–1645) – факих, адиб и учёный, занимавшийся арабским языкознанием. Из его произведений по грамматике: «Шарху ал-алфия фи ан-нахв», «ал-Иная фи шархи ан-никая», «Завахиру ал-жавахир», «Абкару ал-афкар ва факихату ал-ахёр»¹⁸.

Перечень имен ученых Средней Азии, деятельность которых оставила глубокий след в истории естествознания и гуманитарных наук, весьма велик. Размах деятельности этих ученых выходит за пределы Средней Азии. Перечень же имен среднеазиатских ученых, чьи индивидуальные заслуги перед наукой, может быть, более скромны, но в сумме составили огромную силу, двигавшую науку по пути прогресса, занял бы несколько страниц¹⁹.

Мы постарались дать как можно больше сведений о школе арабского языкознания в Мавераннахре, которая была сформирована уже в XI веке. Но, как нам всем хорошо известно, в рамках одной статьи невозможно осветить весь период – от возникновения и становления до полного развития одной научной школы. В нашем исследовании мы предприняли попытку проанализировать такие направления, как басрийская, куфийская, багдадская, египетская и андалусская школы арабского языкознания, и в то же время попытались показать особенности развития лингвистики в Мавераннахре.

Примечания

¹ См.: Гиргас, В. В. Очерк грамматической системы арабовъ. СПб., 1873. С. 2; Звегенцев, В. А. История арабского языкознания. М.: Изд-во МГУ, 1958. С. 13–14; История лингвистических учений. Средневековый восток. Л.: Наука, 1981. С. 54; Березин, Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высш. шк., 1975; Мэмэдэлиев, В. М. Бэсрэ грамматика мэкэтэби. Баку: АДУ, 1983. 118 б (на азербайдж. языке); Усмонов, С. Умумий тилшунослик. Тошент, 1972 (на узб. языке); Шейх Мухаммед ат-Тантави. Нашъату ан-нахв ва тариху ашхури ан-нуххат. Каир: Даар ал-маариф, 2005. С. 16 (на араб. языке); Салах Раввайи. Ан-нахву ал-арабий. Нашъатуху, татаввуруху, мадарисуху, рижалуху. Каир: Даар гариб, 2003. С. 7–8 (на араб. языке); Мазин ал-Мубарак. Ан-нахву ал-арабий. Ал-иллату ан-нахвийя: нашаатуха ва татаввуруха. Бейрут: Даар ал-фикр, 1971. С. 9–10 (на араб. языке).

² См.: Абдуллаев, И. Поэзия на арабском языке в Средней Азии и Хорасана X–нач. XII в. Тошкент: Фан, 1984. 296 с.; Вахабова, Б. А. Памятники арабоязычной библиографической литературы XII–XIII веков как источники для истории культуры Средней Азии: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970. 26 с.; Камалидинов, Ш. С. Китаб ал-ансаб. Тошкент: Фан, 1993. 221 б.; Исламов, З. М. Махмуд Замахшарийнинг «Мукаддамату-л-адаб» асаридаги туркий феълларнинг тахлили: филол. фанлар номзоди илм. дар. ол. уч. дисс. ... автореф. Тошкент, 1993. 28 б.; Хакимджанов, М. Ю. Махмуд Замахшарийнинг «Мукаддамату-л-адаб» асаридаги арабча-туркийча сузликнинг лексикографик тахлили (Исмлар): филол. фанлар номзоди илм. дар. ол. уч. дисс. ... автореф. Тошкент, 1994. 19 б.; Исломов, З. М. Махмуд Замахшарийнинг «Мукаддамату-л-адаб» асарининг кулэзма манбалари ва арабча – туркий феъллар сузлигининг йигма илмий-танкидий матни (Тошкент кулэзмалари асосида): филол. фанлари д-ра. дисс. ... автореф. Тошкент, 1998. 45 б.; Элмуродов, И. К. Ёкут Хамавийнинг «Муъжам ал-удабо» асари X–XII асрлар Хоразм илм-фани ва адабиёти тарихини урганишда мухим манба: тарих фанлари номзоди илм. дар. ол. уч. дисс. ... автореф. Тошкент, 2002. 26 б.; Носирова, М. А. Махмуд Замахшарийнинг «Ал-унмузаж фи-нахв» рисоласи – араб тили грамматикасига

оид асар : филол. фанлар номзоди илм. дар. ол. уч. дис. ... автореф. Тошкент, 2003. 28 б.; Яминов, А. А. Ибн Халликоннинг “Вафайат ал –айан” асарида Мовароуннахрлик ва Хуросонлик олимлар : тарих фанлари номзоди дис. ... автореф. Тошкент, 2008. 34 б.

³ См.: Ахвледжани, В. Г. Арабское языкознание в средние века. Л. : Наука, 1981. С. 29.

⁴ См.: Мухаммад Тантави. Нашъату ан-нахв ва тариху ашхури ан-нуххат. Каир , 2005; Салах Раввойи. Ан-нахву ал-арабий : нашъатуху, татаввуруху масадируху, рижалуху. Каир, 2003; Мозин Муборак. Ан-нахву ал-арабий. Ал-иллату ан-нахвиййа : нашаатуху ва татаввуруху. Бейрут, 1971.

⁵ “Хаййатун” – «портной». Указывает на ремесло ученого.

⁶ См.: Салох Раввойи. Ан-нахву ал-арабий : нашаатуху, татаввуруху, маларисуху, рижалуху. Каир, 2003. С. 456.

⁷ См.: Мухаммад Тантави. Нашъату ан-нахв ва тариху ашхури ан-нуххат. Каир, 2005; Салах Раввойи. Ан-нахву ал-арабий...; Мозин Муборак. Ан-нахву ал-арабий.

⁸ Харакат – первое слово в 4 главе «Мукаддима ал-адаб» Махмуда аз-Замахшари. Она посвящается склонению имен в арабском языке.

Эта глава переписывалась как самостоятельное пособие по изучению грамматики арабского языка.

⁹ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873. С. 16, 22.

¹⁰ См.: Салох Раввойи. Ан-нахву ал-арабий : нашъатуху, татаввуруху. Египет, 2003. 558 с.

¹¹ См.: Мухаммад Тантави. Нашъату-н-нахв ва тариху ашхури-н-нуххат. Египет : Дару ал-маориф, 2005; Салох Раввойи. Ан-нахву ал-арабий: нашъатуху, татаввуруху масадируху, рижалуху. Египет, 2003; Мозин Муборак. Ан-нахву ал-арабий...

¹² Якут Хамави. Муъжаму ал-удабо. Египет, 1924. Т. 2. 640 с.

¹³ Махмуд Замахшари. Ал-муфассал фи санъати-л-ираб. Каир, 1987. С. 30.

¹⁴ Салах Раввайи. Ан-нахву ал-арабий... С. 625.

¹⁵ См.: Ходжа Халифа. Кашфу аз-зунун. Бейрут, 1981. Т. 6. С. 216.

¹⁶ См.: Умар Кахолла. Муъжаму ал-муаллифийн. Дамаск, 1957. Т. 2. С. 587.

¹⁷ Там же. Т. 1. С. 571.

¹⁸ См.: Умар Кахолла. Муъжаму ал-муаллифийн. Дамаск, 1957. Т. 1. С. 833.

¹⁹ См.: Булгаков, П. Г. Жизнь и труды Беруни. Ташкент : Фан, 1972. С. 10, 12.

СПОСОБЫ ИЗЛОЖЕНИЯ СИНТАКСИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «МУКАДДИМА» ХАМИДУДДИНА ДАРИРИ

Статья посвящена определению способа изложения, использованного при освещении грамматических тем, в произведении бухарского языковеда Хамидуддина Дарири «Мукаддима». Наряду с этим в статье проводится сопоставительный анализ подходов Хамидуддина Дарири при изложении синтаксиса арабского языка с подходами других грамматистов.

Ключевые слова: синтаксис, морфология, имя, глагол, обстоятельство, обособление, исключение, начальное слово, атрибут, управление, управляющее, определённое и неопределённое состояние, полное и неполное склонение.

Синтаксис начинается там, где мы выходим за пределы слова или устойчивого сочетания слов, где начинается связная речь с её свободной комбинацией лексических единиц в рамках переменного словосочетания и предложений¹.

В арабском языке синтаксические связи, выраженные различными грамматическими средствами, изучает النحو «нахв», а морфологические показатели, выражающие синтаксические функции слов, изучает صرف «сарф». Басрийский филолог Ибн Дурайд термин «النحو» объясняет в своём произведении «Книга этимологии» следующим образом: основой термина «النحو» является слово «направление», «отсюда произошёл нахв в речи, как будто он есть стремление к правильному выражению (мыслей)»². Действительно, «изложение мысли является основной функцией языка, каждая законченная мысль выражается совокупностью слов или каким-либо одним словом»³. В системе изложения мысли языком взаимосвязь в различных формах слов выполняет какую-либо грамматическую функцию. Данную систему арабского языка филологи определяют следующим образом: «Речью (калам) или предложением (жумла) грамматики называют такое сочетание двух или более слов, которым выражается полное суждение, так что слушатель не остаётся в недоумении»⁴.

Синтаксические отношения выражаются формами слов, вспомогательными словами, порядком слов. Эти способы используются при создании словосочетаний и предложений. Автором были изучены и проанализированы формы средств, средства, относящиеся к именам, к глаголам, и средства, свойственные грамматике арабского языка, которые были изложены в произведении «Мукаддима».

Произведение «Мукаддима» начинается главами, посвященными вопросам флексии,

что не является случайным, потому что изменение формы слова всегда является показателем его связи с другими словами. По этой причине арабские языковеды в своих произведениях, прежде всего, анализировали правила флексии. Слова в различных формах связываются между собой и вследствие этого наряду с морфологическими особенностями начинают обладать и определёнными синтаксическими свойствами, то есть выполняют в речи какую-либо грамматическую функцию. Части речи, которые изучаются в морфологии, в синтаксисе выполняют задачу членов предложения. Проанализировав сведения о главных и второстепенных членах предложения, а также вспомогательных словах грамматики арабского языка, которые даны в произведении «Мукаддима», мы пришли к выводу, что Хамидуддин Дарири использовал своеобразный подход в рассмотрении синтаксиса арабского языка.

Как известно, члены предложения являются синтаксической категорией, они показывают взаимоотношения элементов состава предложения. Главные члены, связанные между собой предикативной связью – синтаксической категорией выражают основное содержание предложения. В арабском языке основной состав, т. е. «структура синтаксического единства, состоит из глагольного и именного»⁵, в соответствии с этим предложения бывают двух видов: именное и глагольное. В. Гиргас отмечает, что «рассматривая предложения в отношении места, занимаемого в них подлежащим и сказуемым, они делят их на именные, глагольные и обстоятельственные»⁶. Предложение, начинающееся обстоятельством, он называет «обстоятельственным предложением» и отмечает, что предложение такого типа можно называть также именным. Б. М. Гранде

тоже упоминает о том, что арабские грамматисты предложения, в составе которых сказуемое является обстоятельством, называют *جملة ظرفية* «обстоятельственные предложения», и считает эти предложения относящимися к виду именных предложений⁷.

Арабские грамматисты предложения, начинающиеся именными частями речи, считают именным предложением, где подлежащее называется «мубтадо», а сказуемое «хабар». Хамидуддин Дарири даёт сведения об именных предложениях арабского языка в теме «Подлежащее и сказуемое» *باب المبتدأ والخبر*. О минимальной именной единице он пишет следующее: «Знайте, мубтадо [т. е. подлежащее именного предложения] и хабар [т. е. сказуемое именного предложения] всегда стоит в именительном, первом падеже, например: زيد قائم – “Зайд стоящий или Зайд стоит”. Слово زيد является подлежащим, слово قائم является сказуемым, поэтому они оба в именительном падеже. Великий Аллах: *الله لطيف بعباده* – “Аллах милосерден к своим рабам”(Шуро 19)» (М. 5).

Какой бы частью речи не было выражено подлежащее и какое бы значение не выражало бы, подлежащее всегда стоит в именительном падеже. Эта форма является одним из грамматических признаков, показывающих абсолютное господствующее положение подлежащего. Господствующее положение подлежащего заметно также по порядку слов предложений и наличию морфологических показателей (артикуль определенности). В арабском языке подлежащее в структуре именного предложения всегда стоит на первом месте. Сказуемое является вторым главным членом, который выражает суждение (утверждение или отрицание) о подлежащем и подчиняется подлежащему.

В. Гиргас отмечает: «Когда подлежащее, будучи именем, стоит в начале предложения, то оно называется “мубтадо”, то есть начальным словом, так как оно не зависит в отношении падежа от управляющего слова. Сказуемое, находящееся после него, называется “хабар”, то есть атрибутом»⁸. Он подтверждает мнение Хамидуддина Дарири о падеже главных членов посредством утверждений представителей двух больших школ арабской грамматики: «Басрийские грамматисты говорят, что начальное слово стоит в именительном падеже по самому месту, занимаемому им в предложении ... атрибут же стоит в именительном, по более принятому мнению, по требованию начального слова. Куфийские же грамматисты

утверждают, что начальное слово и его атрибут ставят друг друга в именительный падеж»⁹. Современные арабисты¹⁰ и арабские лингвисты¹¹ подходят с точно такой же точки зрения к данному вопросу.

Хамидуддин Дарири следующим образом классифицирует сказуемое, которое считается основным элементом, показывающим предикативность: «Знайте, что сказуемое именного предложения может быть четырёх видов: имя, глагол, наречие, т. е. обстоятельство и предыдущее подлежащее, выраженное местоимением, соответствующим имени» (М. 5).

В. Гиргас сказуемое, т. е. «хабар», называет атрибутом и отмечает, что «оно может являться одним существительным или причастием, целым именным или глагольным предложением, а также обстоятельством»¹². Арабские грамматисты также считают, что сказуемое именного предложения выражается одним словом, словосочетанием или обстоятельством¹³. Махмуд Замахшарий дал следующее определение: «Сказуемое именного предложения состоит из одного слова или предложения, оно в свою очередь может быть именным, глагольным, условным, обстоятельным»¹⁴.

Русские грамматисты, изучавшие произведения, посвящённые арабскому нахву, отмечали, что условные предложения могут быть в составе только глагольных предложений, а обстоятельственные могут быть в составе и глагольных, и именных предложений. Именно это, по нашему мнению, является причиной того, что Дарири ввёл условное предложение, выделенное Замахшарий, в состав глагольного предложения и отдельно его не выделил.

Когда Дарири начал изучать данную тему, он выразил своё мнение о падеже главных членов. В конце темы в соответствии со структурой сказуемого он более детализировал своё мнение и отметил следующее: «Если сказуемое подлежащего является именем, то оно читается в именительном падеже, например: زيد قائم – “Зайд стоящий” (М. 5). Данное предложение двусоставное, его сказуемое простое. Простейшее двучленное именное предложение состоит из двух имен в именительном предложении»¹⁵. Дарири отмечает: «Если сказуемое выражено глаголом, обстоятельством или словосочетанием, то оно обретает соответствующие падежные окончания».

Дарири в этом разделе классифицировал сказуемое именного предложения, он отметил, что оно может быть именным, глагольным, об-

стоятельственным или словосочетанием. По структуре Дарири делит предложения на маленькие и большие, потому что в грамматике арабского языка сказуемое предложения, состоящее из одного слова – имени, глагола или обстоятельства, считается маленьким, а предложение, в котором сказуемое выражено словосочетанием, считается большим. Большие и маленькие предложения встречаются только в атрибутивных именных сочетаниях и начальных словах. В современном арабском языкознании признаётся классификация сказуемого, предложенная Дарири.

В состав вспомогательных слов, оказывающих влияние на главные члены именных предложений, Дарири включал предлоги, частицы клятвы и некоторые частицы исключения. Он показывает несколько видов анализа предложения, в составе которого есть предлог. В первом виде слово, стоящее после предлога, является подлежащим, и в соответствии с особенностью влияния предлога он считает их похожими на “إن – сестёр”, например: морфологические показатели и синтаксический порядок предложения *إن الطالب عاقل* – “Действительно, студент умный” похож на *على الطالب عقل* – “У студента есть ум”. Наряду с этим он отмечает, что частица *إن* “управляет существительное в именительном падеже”¹⁶ – вспомогательное слово, предлоги являются вспомогательным словом – «управляющим именами в родительном падеже». Во втором случае в предложении *على زيد درهم* – “У Зайда есть дирхам” выпало слово *موجود* – “есть”. В действительности это предложение должно звучать следующим образом: *موجود على زيد درهم*, поэтому выражение *زيد* является сказуемым причастия *موجود*. Современные лингвисты пример второго анализа приводят в своих произведениях.

Грамматические явления в произведении «Мукаддима» Хамидуддин Дарири излагает тем же способом, что и Сибавейхи в своём «аль-Китабе». Этот способ используют также такие классики арабской грамматики, как Фарисий, Мустафо Галйини, Антуан Дахдах. Превосходство такого способа подачи материала даёт возможность комментирования похожих аспектов имени и глагола, свойственных арабскому языку в рамках одной системы.

В плане структуры произведения “Мукаддима” Дарири прежде всего напоминает о том, что слова делятся на такие части речи, как имя, глагол и харф, и определяет флексии слов. Затем он излагает сведения о слове в начале пред-

ложения, т. е. подлежащем и его атрибуте, т. е. сказуемом, частицах и глаголах, влияющих на них. В следующих разделах Дарири даёт сведения об отглагольных словах, о применении родительного и винительного падежей, зависимых словах, о частично склоняемых словах, способах образования существительных и о некоторых звуках.

Хамидуддин Дарири к известным грамматическим правилам подходит с логической точки зрения и вносит в них ясность. Например, в тех случаях, когда определением собственного имени существительного является слово «какой-то», он считает это слово неопределённым, приводит примеры того, как слово неопределённое грамматически может быть определённым логически, в качестве примера он приводит аяты из Корана. В процессе наших исследований мы не встретили такого подхода в произведениях по грамматике других арабистов. Однако Мустафо Галайини приводит некоторые примеры (превращение двухпадежных имён в трехпадежные) в своём произведении и признаёт, что данные явления наблюдаются только в поэзии. Русский лингвист Д. В. Фролов толкует данное явление следующим образом: «Употребление танвина со словом, которое его не имеет, когда это слово уподобляют именам, имеющим танвин, на том основании, что и то – имена, и это – имена»¹⁷.

Развитие форм спряжения глагола в арабском языке привело к тому, что глагол стал равен двучленному предложению. Глагольное предложение состоит только из одного глагола и не может быть одночленным как именное предложение, потому что в глагольных формах выражается субъект и соответствующие ему признаки. Разница между двучленным именованным предложением и глагольным обнаруживается во всём характере их структуры, в порядке слов и в согласовании. Базируется эта разница не на различии семантики, а на морфологических приёмах выражения связи между подлежащим и сказуемым¹⁸. Порядок глагольного сказуемого Дарири определяет следующим образом: «Если глагол находится перед подлежащим, он стоит в форме единственного числа, двойственное, множественное число не применяется. В случае, когда глагол стоит после подлежащего, он выражается в форме двойственного или множественного числа, пример: *قام أخوأك ثم قعدا* – “Твой брат встал, затем сел”. Так как *قام* стоит перед подлежащим, он стоит в форме единственного числа, а в случае

когда *قعدا* стоит после подлежащего, мы употребляем его в форме двойственного числа. Предложение *جاء قومك فدخلوا عليه* тоже похоже на приведенный случай. Так как *جاء* стоит перед подлежащим – единственное число, когда *دخلوا* после подлежащего – множественное число. Великий Аллах говорит: *و جاء إحوة يسوف فدخلوا عليه* – «Когда братья Юсуфа пришли (в Египет) и вошли к нему» (Юсуф ٥٨)».

Действительно, если в глагольном предложении подлежащее выражено именем, то порядок предложения следующий: сначала подлежащее, затем сказуемое. Если сказуемое имеет однородные члены, сказуемое, стоящее после подлежащего, согласуется с подлежащим в числе и роде. Арабские грамматисты подлежащее глагольного предложения называют *فاعل* «фа’ил», а сказуемое *فعل* «фи’л».

Если в глагольном предложении имеются члены, зависящие от глагола, то они считаются «прибавками»¹⁹, с которыми глагол составляет распространённое предложение, но не сложное. Прямое дополнение также относится к прибавкам, влияние действия обозначенного глагола переходит на него и управляет им в винительном падеже. Такое дополнение в арабском языке называется *مفعول به* «маф’ул биhi». Дарири в главе «Подлежащее и его прямое дополнение» о таких членах предложения, зависящих от глагола, пишет следующее: «Запомните, что фозил, т. е. подлежащее глагольного предложения, всегда стоит в именительном падеже, а маф’ул биhi, т. е. прямое дополнение, всегда стоит в форме винительного падежа, пример: *ضرب زيد عمروا* – «Зайд ударил Амра». Слово *زيد* является подлежащим, поэтому используется в именительном падеже, а слово *عمروا* является прямым дополнением и потому стоит в винительном падеже. Великий Аллах: *و قتل داود جالوت* – «Давуд убил Жалута» (Бакара ٢٥). В аяте слово *داود* является подлежащим, поэтому стоит в именительном падеже, слово *جالوت* является прямым дополнением и потому используется в винительном падеже» (М. 5).

В этом отношении Б. М. Гранде выражает такое же мнение, как и Дарири: «Прямое дополнение обычно стоит после подлежащего и сказуемого»²⁰. Представители школы Куфа тоже это подтверждают, согласно их мнению, прямым дополнением управляют и глагол и прямое дополнение²¹.

Ещё одна из прибавок глагольного предложения «*مفعول مطلق*» – «абсолютное дополнение». Это отглагольное наименование действия, од-

нокоренное с глаголом или одинаковое с ним по значению, которое является дополнением в форме винительного падежа и усиливает значение глагола. Дарири о такого вида дополнениях пишет в разделе «Глава о масдаре» следующее: «Знайте, что масдар всегда стоит в форме винительного падежа, например: *ضربت ضرباً* – «Я сильно ударил». Слово *ضرباً* является масдаром и поэтому стоит в винительном падеже. Великий Аллах: *فضرب الرقاب* – «ударьте по шее» (Мухаммад ٤)» (М. ٨). Дарири наряду с абсолютным дополнением следующим образом определяет место обстоятельства в предложении: *وكذلك الحال منصوب أبدأ، كقولك: جاءني زيد راكباً، نصبت راكباً على الحال. قال الله تعالى: يدخلون في دين الله أفواجا.* – «Обстоятельство всегда стоит в форме винительного падежа, например: *جاءني زيد راكباً* – «Зайд верхом на лошади приехал ко мне». Слово *راكباً* является обстоятельством и поэтому используется в форме винительного падежа. Великий Аллах: *يدخلون في دين الله أفواجا* – «группами входящие в религию (Ислам) Аллаха (Наср 2)» (М. 8).

Дарири не зря объединил два этих явления. В этом отношении В. Гиргас выражает единое с ним мнение: «Обстоятельственное выражение состояния, обособление и исключение ставятся, по словам грамматиков, в винительный падеж, так как они, подобно объективным дополнениям, суть второстепенные члены, являющиеся для пояснения главных членов предложения. Поэтому эти выражения называются уподобленными объективным дополнениям. Обстоятельственное выражение состояния есть отглагольное имя, поставленное в винительный падеж для выражения состояния действителя или объекта»²². Дарири толкует глагол как влияющее на имена и управляющее ими слово.

Как известно, существуют несколько способов представления грамматики арабского языка. Махмуд Замахшари изучал грамматику под разделами «имя», «глагол» и «харф». Абу Бакр Джурджани изучал грамматические явления, распределив слова на управляющие и зависимые. Но подавляющее большинство арабских грамматистов освещают грамматические явления на основе способа, используемого Сибавейхи в произведении «аль-Китаб». Хамидуддин Дарири в своём произведении «Мукаддима» при представлении грамматики основывался на способах Сибавейхи и произведении «Идах», автором которого является Фариси – последователь Сибавейхи. В нача-

ле своего произведения Дарири напоминает о том, что слова делятся на имена, глаголы и харфы, определяет флексии слов. Затем он излагает сведения о слове в начале предложения, т. е. о подлежащем и его атрибуте, т. е. сказуемом и влияющих на него частицах, глаголах. Хамидуддин Дарири в своём произведении «Мукаддима» всего лишь один раз использует слово «предложение». Но это отнюдь не означает, что он не занимается изучением атрибутивной или предикативной конструкции. Напротив, в «Мукаддиме» содержится очень подробный анализ грамматических особенностей различных видов пар «управляющее – управляемое».

Такое освещение грамматических тем даёт возможность правильного осознания и восприятия своеобразных явлений арабского языка.

Примечания

¹ См.: Маслова, Ю. С. Введение в языкознание. М. : Академия, 2005. С. 182.

² Гулямов, А. Г. Современный узбекский язык. Синтаксис / А. Г. Гулямов, М. А. Аскараров. Ташкент, 1961. С. 5.

³ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. СПб., 1873. С. 35.

⁴ Там же. С. 83.

⁵ Белова, А. Г. Синтаксис письменных текстов арабского языка. М. : Наука, 1985. С. 52.

⁶ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 84.

⁷ См.: Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М. : Восточ. лит., 1998. С. 459.

⁸ Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 83.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ См.: Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 465.

¹¹ См.: Хифни Насиф. Ад-дурусу-н-нахвийа. Искандарийа, 2007. С. 422.

¹² Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 86.

¹³ См.: Хифни Насиф. Ад-дурусу-н-нахвийа. С. 424; Мустафо Галайини. Жумиу-д-дурусу-н-нахвийа. Каир, 2007. С. 342.

¹⁴ Носирова, М. Произведение Махмуда Замахшарий “Ал-унмузаж фи-н-нахв”. Ташкент : ТДШИ, 2005. С. 94.

¹⁵ Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 466.

¹⁶ См.: Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 112.

¹⁷ Фролов, Д. В. Арабская филология. М. : Языки славян. культуры, 2006. С. 96.

¹⁸ См.: Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 477.

¹⁹ См.: Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 86.

²⁰ Гранде, Б. М. Курс арабской грамматики... С. 481.

²¹ См.: Гиргас, В. Очерк грамматической системы арабов. С. 88.

²² Там же. С. 91.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СЛОЖНОГО ГЛАГОЛА В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение семантики сложного глагола в персидском языке является одной из важнейших проблем иранистики. Несмотря на значительные успехи в решении этого важного вопроса, в самом Иране и в других персоязычных государствах до сих пор не создана единая и до конца последовательная теория. В настоящей статье были рассмотрены основные семантические типы сложных глаголов исключительно на основе современных источников персидского языка.

Ключевые слова: семантика, сложный глагол, компонирующий, моделированный, немоделированный, мотивированный, немотивированный, частично мотивированный, предложный глагол, беспредложный глагол.

Вопросы семантики сложных глаголов в персидском языке привлекают к себе внимание все большего числа лингвистов-иранистов. Но разработка данных вопросов всё еще проводится с учетом материалов разноструктурных языков и опирается на обширную программу теоретических исследований. Тем не менее, несмотря на значительные успехи в решении этого важного вопроса, до сих пор не создана единая и до конца последовательная теория.

В самом Иране за последние годы наметился некоторый сдвиг в области изучения семантики сложных глаголов. Были изданы словари разговорной лексики, устойчивых оборотов, поговорок, которые содержат большое количество фразеологических единиц различной грамматической и семантической структуры¹.

Что касается теоретических исследований, специально посвященных вопросам семантики сложных глаголов, то они в Иране практически не проводятся. В течение длительного времени особенности значения сложных глаголов оставались без внимания.

Ю. А. Рубинчик в своей работе «Основы фразеологии персидского языка» о структурно-семантической типологии сложного глагола пишет так: «Семантические взаимоотношения между компонентами, сохранение или изменение значений именной части и компонирующего глагола, а также сочетательные свойства компонирующего глагола (валентность компонирующего глагола) определяет характер сцепления двучленных глагольных словосочетаний и позволяет выделить два структурно-семантических типа сложного глагола – моделированные и немоделированные сложные глаголы»².

Известно, что к моделированным сложным глаголам относятся такие глагольно-именные словосочетания, в которых именная часть полно-

стью сохраняет свое значение, а глагольная часть либо сохраняет свое значение, частично его ослабляя в большинстве случаев, либо его полностью изменяет. Про сложные глаголы немоделированного образования Ю. А. Рубинчик говорит так: «По сравнению с моделированными сложными глаголами они лишены той стандартности структурно-семантических взаимоотношений между компонентами, которая создается благодаря сохранению значений именной части и регулярной повторяемости компонирующего глагола с сохраненным или измененным значением. Компонирующий глагол в составе немоделированных сложных глаголов в значительной степени утрачивает ту служебно-формальную функцию, которую он выполняет в моделированных сложных глаголах»³.

Среди ирановедов принято разделять немоделированные сложные глаголы на три основные семантические группы.

Первая группа: сложные глаголы немотивированного значения. Оба компонента таких сложных глаголов полностью утрачивают свое значение. Такие сложные глаголы встречаются, в основном, в разговорной речи. Анализируя рассказы знаменитого иранского писателя Жалола Оле Ахмада⁴, мы встретили множество новых сложных глаголов этой группы:

gardan shekastan – (*garden* – шея и *shekastan* – ломать) терять выносливость;

gonde shodan – (*gonde* – толстый и *shodan* – быть) преувеличиваться;

xar shodan – (*xar* – осёл и *shodan* – быть) обмануться;

xoshk zadan – (*xoshk* – сухой и *zadan* – бить) стоять в недоумении.

Вторая группа: сложные глаголы с частично мотивированным значением. Эти сложные глаголы не теряют все значения. Если один компо-

нент утрачивает свое значение, то второй из компонентов обязательно его сохраняет. В рассказах Жалола Оле Ахмада такие сложные глаголы употребляются также очень активно. Например: *ob bastan* – наполнять; *gelu gereftan* – испытать тоску; *tig andoxtan* – резать; *po nehodan* – вступать.

Третья группа: среди сложных глаголов в персидском языке есть ряд глагольных сочетаний, которые называются *предложными сложными глаголами*. В современном персидском языке можно встретить достаточное количество сложных глаголов такого рода.

В Иране все еще сохраняется определение «глагольного выражения», которое Парвиз Нотел Хонлари в своей работе «Структура глагола» дал этим словосочетаниям с предлогом⁵.

Во всех работах по грамматике персидского языка двучленные словосочетания, к именной части которых относится предлог, специально не рассматриваются. Специальное изучение сложных глаголов с предлогом можно встретить в вышеуказанной работе Ю. А. Рубинчика, и именно этот источник до сих пор считается наиболее ценным источником по изучению проблемы двучленных глагольных словосочетаний⁶.

Необходимо отметить, что предложные и беспредложные сложные глаголы с точки зрения семантики и структуры одинаковы. Об этом свидетельствуют следующие предложные и беспредложные глагольные словосочетания, образованные из одной именной части и считающиеся синонимами. Например: *tasarrof kardan* – овладеть, завладеть – *tahte tasarrof darovardan* – быть захваченным.

Как и беспредложные сложные глаголы, сложные глаголы с предлогом также можно разделить на две структурно-семантические группы: моделированные и немоделированные.

Немоделированные сложные глаголы с предлогом, в свою очередь, делятся на семантические подгруппы.

Первая подгруппа – это предложные сложные глаголы с мотивированным значением. В таких глагольных сочетаниях для именной части и компонирующего глагола характерно переосмысление компонентов. Например: *dar miyon gozoshtan* – рассказывать; *be kale zadan* – вспомнить; *bar bod dodan* – разрушать, потерять и т. д.

Вторая подгруппа – предложные сложные глаголы с частично мотивированным значением. К этой подгруппе можно отнести такие глагольные словосочетания, у которых один компонент сохраняет свое значение, а другой подвергается переосмыслению. Такие глагольные словосоче-

тания в словарях практически не встречаются, но в некоторых источниках можно встретить их разновидности. В рассказах Жалола Оле Ахмада встречаются следующие: *be emzo rasondan* – подписывать; *be jo mondan* – оставаться; *dar dast doshtan* – владеть, иметь; *be bor ovardan* – приносить, давать и т. д.

В некоторых источниках встречаются сложные предложные глаголы третьей группы. Однако, проанализировав более десяти книг упомянутого выдающегося иранского писателя, мы не встретили предложных сложных глаголов с мотивированным значением.

Тем не менее, Ю. А. Рубинчик приводит пример глагольных словосочетаний, которые можно встретить в некоторых источниках. Например: *be rasmiyat shenohtan* – признавать официально; *be zamin neshastan* – приземляться и т. д.

На основе вышесказанного мы пришли следующим основным выводам.

Несмотря на то что изучение семантики немоделированных сложных глаголов считается одной из основных проблем персидского языка, его изучению уделяется все еще мало внимания. Вместе с тем, известно, что только тщательное изучение семантики сложных глаголов решает кардинально проблему понимания тонкостей этого восточного языка.

Количество предложных и беспредложных сложных глаголов в современном персидском языке интенсивно растет, поэтому изучение и анализ сложных глаголов с точки зрения семантики и структуры должны проводиться исключительно на основе современных источников персидского языка. Исследователи уверены, что это решит проблему сложных глаголов персидского языка, к чему и стремятся известные востоковеды XX века.

Примечания

¹ См.: Abulxasan Najafiy. Farhange forsiye omyone. Тегеран, 2001.

² Рубинчик, Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М.: Наука, 1981. С. 153.

³ Там же. С. 159–160.

⁴ В качестве источников примеров выступают следующие издания: Jalol Ole Ahmad. Nefrine zamin. Tehron, 1972; Его же. Modire madrase. Tehron, 1979; Его же. Panj doston. Tehron, 1979.

⁵ См.: Parviz Notel Honlari. Soxte fel. Тегеран, 1976. С. 61.

⁶ Рубинчик, Ю. А. Указ. соч. С. 164–168.

М. Х. Абдулхайров

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛИШЕРА НАВОИ

В данной статье проанализированы методы исследования текстов произведений Алишера Навои, одним из которых является прозаическая интерпретация поэмы «Фархад и Ширин». Исследован также метод герменевтики.

Ключевые слова: метод, история текста, произведение, глоссы, конъектуры, словарь.

В современной узбекской текстологии сложились модель¹ и методические принципы анализа текстов литературных памятников, в том числе произведений Навои. Модель исследования древних текстов складывается из ряда приемов макро- и микроанализа.

Чтение и понимание художественного текста осуществляется на основе его первичной интерпретации, которая отличается от филологического микро- и макроанализа следующими признаками:

1) современным или приближенным к современности языком;

2) философской глубиной взгляда на текст памятника, так как интерпретатор соотносит исследуемое произведение с контекстом всего творчества автора и контекстами произведений современников автора;

3) культурологической наполненностью, то есть знанием традиций, культуры, литературы, соотношением культурной ситуации исследуемой эпохи в целом с тем, как она отразилась в интерпретируемом произведении.

Эти признаки интерпретации позволяют говорить о ней как о методе, выводящем интерпретируемое произведение вовне, расширяющем и углубляющем границы текста, соотносящем его с другими текстами произведений того же автора или других авторов исследуемого времени.

Интерпретацию поэмы Алишера Навои «Фархад и Ширин» осуществил поэт и ученый, академик Гафур Гулям, овладевший искусством глубинного чтения и понимания художественного текста, сумевший донести до читателя непознанное доселе восприятие поэмы новым методом «прозаического изложения»².

Замена поэтического текста на прозаический стала новой областью узбекского наводения³ и новым словом в развитии текстологии. Хотя нужно отметить, что Гафур Гулям не был первым, кто дал прозаическую интер-

претацию поэмы «Фархад и Ширин». Ее впервые переложил в прозу на литературном языке и в графике своего времени писатель XIX века Умар Бокий.

В 1940 году, в связи с 500-летним юбилеем Алишера Навои, Гафур Гулям опубликовал прозаический вариант поэмы «Фархад и Ширин» рядом с подлинным текстом. Оригинал был, конечно, воспроизведен на литературном языке времени Алишера Навои⁴, а его перевод был дан на современном узбекском языке. Сопоставление оригинала и перевода подтверждает давно известную истину: по художественной ценности прозаический перевод никогда не сравнится с оригиналом, однако факт его осуществления, как и переложение всех поэм «Хамсы» в прозаическую форму, представляет большую ценность, так как он приближает творчество классика к современному читателю, делает его духовным достоянием современности.

Переложение Гафуром Гулямом поэмы «Фархад и Ширин» в прозу стало одним из знаковых событий в литературной жизни Узбекистана 30-х годов. В эти же годы на основе такого опыта были преобразованы в прозу и другие поэмы «Хамсы» Алишера Навои, тем самым они были открыты заново⁵. Гафур Гулям, глубоко осознавая ценность текста, ставил целью полнее донести до читателя содержание поэмы. Такой способ исследования превратился в новую область узбекской текстологии.

Еще один способ, которым исследовались произведения А. Навои, – это герменевтика. Герменевтика – теория понимания и интерпретации текстов, исторических памятников и феноменов культуры⁶. Герменевтический метод исследования художественных текстов был ведущим в Европе на протяжении XIV–XV веков, и сегодня, в XXI веке, он переживает возрождение.

Произведения А. Навои неоднократно и подробно исследовались этим методом. Од-

нако в данной статье мы не будем специально останавливаться на герменевтическом анализе, тем более что его роли и значению в интерпретации произведений А. Навои посвящены отдельные исследования⁷.

В целом, можно сказать, что методы прозаического переложения и герменевтический как приемы макроисследования текстов А. Навои приблизили их к современности, сделали достоянием не только специалиста-филолога, но и широкого круга читателей. Однако подробное исследование подлинников художественных произведений А. Навои и его научных трактатов говорит о том, что в них еще немало «белых пятен», неисследованных, непонятых и непереуверенных слов, словосочетаний и выражений, работа над истолкованием которых должна быть продолжена⁸. Эта работа требует от исследователя предельной достоверности, поэтому для ее ведения наиболее целесообразными и соответствующими объекту исследования нам представляются современные способы глосс и конъектур.

Глосс (греч. *glosse*) – трудное, непонятное, редкое или устаревшее слово. Д. С. Лихачев по поводу восстановления и истолкования глосс пишет: «Глоссы и интерполяции делаются по разным причинам: для придания тексту большей полноты (например, интерполяции из других сочинений на ту же тему, особенно в сочинениях исторических) или разъяснения кажущегося писцу непонятным текста для восполнения мнимого или действительного пропуска»⁹.

Неоценима роль Алишера Навои в формировании языка литературы и науки, в расширении и обогащении словаря. В узбекском навоиведении существует давняя традиция создания словарей к произведениям Алишера Навои. Эти словари облегчают труд переводчиков произведений великого поэта. Наиболее известными из этих глоссариев являются: «Абушка»¹⁰, «Санглах»¹¹, «Бадаеъ ул-луғат»¹², «Луғати чигатойи туркий-усмоний»¹³, «Китоби луғати атракия»¹⁴. Порсо Шамсиевым и Собиржоном Ибрагимовым были созданы «Краткий словарь произведений узбекской классической литературы» (1953)¹⁵ и «Толковый словарь к произведениям Алишера Навои» (1972)¹⁶. Батырбек Хасанов составил «Краткий словарь к произведениям Алишера Навои» (1993)¹⁷. В этих словарях дано толкование многочисленных тюркских, арабских и персидских слов из произведений поэта. В настоящее время наиболее полным считается упомянутый «Толковый

словарь языка произведений Алишера Навои». Мы сравнили слова и выражения из двадцатитомного собрания сочинений Алишера Навои со словарем «Толкового словаря языка произведений Алишера Навои», в результате чего выявили 5358 (с повтором – 6082) слов и выражений, не вошедших в толковые словари. Этим словам мы дали истолкование по методу глосс.

«Конъектуры – это исправления (точнее, частичные восстановления первоначального текста), предлагаемые исследователем на основании различных соображений, которые не могут быть подтверждены чтением других списков»¹⁸.

В. Н. Перетц пишет по этому поводу: «Случается, однако, и так, что ни одна из имеющихся рукописей не дает ясного, вполне удовлетворительного чтения, или так, что имеется всего лишь одна рукопись какого-нибудь памятника с испорченными, неясными местами. Тут исследователю приходится как бы становиться на место автора и пытаться восстановить испорченное чтение от его лица с помощью конъектур, т. е. различного рода соображений и догадок. Для конъектур, опять-таки, нет общих, определенных законов и правил: кто более других может уподобиться автору данного произведения, проникнуться его духом и манерой, кто лучше других понимает его, тот и может наиболее удачно его исправить. Конечно, необходимо, чтобы предлагаемая конъектура давала месту, по возможности, наилучший смысл и не противоречила ни другим местам сочинений, ни обыкновениям его автора»¹⁹.

В настоящее время конъектуры в основном даются после публикации текста. Текстологи выявляют ошибки и недостатки в опубликованном произведении исходя из смысла текста. Значит, в задачи конъектуры входит исправление ошибок в источниках разного рода после полного осознания и представления лексических и семантических особенностей оригинала. Например, один бейт Навои неправильно дан в редакции:

Ашракат мин акси шамсил-каъси анворул-худо,

Ёр аксин майда кўр, деб жомдин чикти садо (29)²⁰.

Чаши, солнце отражая, правый путь явила мне.

И раздался голос чаши: «Друг твой отражен в вине» (11)²¹.

То, что в первой строке вместо слова «анвор ул-худо» дано слово «анворул-худо», можно

определить методом конъектуры без консультации с оригиналом, так как “анвор ул-худо” имеет значение “лучи правильного пути”, а “анворул-худо” – “лучи Аллаха”. Последнее, несомненно, не подходит к смыслу текста.

Следует отметить и неточности в опубликованных произведениях Алишера Навои, например, искажения имен собственных некоторых исторических личностей и ряда названий предметов. В следующих парах первый вариант – правильный, второй – искаженный: *Нажошиий – начашии* (112)²², *Насух – насух* (91)²³, *хотиф – Хотиф* (482)²⁴, *Парвез – парвез* (112)²², *хифз – хавз* (289)²⁵, *пижир – бижир* (383)²⁶, *парчам – пуржам* (78)²³, *ахгар – ахсар* (262)²³ и т. п.

Таким образом, исследование текстов произведений Алишера Навои методами макро- и микроанализа является важным фактором обеспечения их полными и точными толкованиями, а это, несомненно, может стать важнейшим вкладом в фундаментальные исследования произведений поэта.

Примечания

¹ Мы используем термин «модель» условно.

² См.: Шамсиев, П. Некоторые вопросы изучения текста произведений Навои : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1969. С. 1.

³ См.: Хайитметов, А. Адабий меросимиз уфклари. Тошкент : Ўқитувчи, 1997. Б. 53.

⁴ См.: Қаюмов, А. Академик Ғафур Ғулом. Тошкент : Абдулла Қодирий номидаги халқ нашриёти, 2002. Б. 17.

⁵ См.: Хайитметов, А.. Адабий меросимиз уфклари. Б. 52–53.

⁶ От греч. *hermenevteke, hermenevo* – «разъясняя». Первоначальное значение слова, восходящее к античности и средневековью, – искусство и теория истолкования (интерпретации) текста.

⁷ См., например: Эркинов, А. Герменевтический анализ «Хамсы» : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ташкент, 1996.

⁸ См.: Абдулхайров, М. Слова и выражения в произведениях Навои. Ташкент : Тафаккур бустони, 2009. С. 240.

⁹ Лихачев, Д. С. Текстология на материале русской литературы X–XVII вв. СПб. : Алетейя, 2001. С. 90–92.

¹⁰ Vambery Armin. *Abuska. Gsagataytorok szogutemeny J. Budenz. Pest, 1862.*

¹¹ Sanglax, A. *Persian Guide to the Turkish language by Muhammad Mahdi Xan / Facsimile Text with an introduction and indices by Sir Gerard Ifusion. L., 1960.*

¹² Боровков, А. К. Бадаи ал-луғат. Словарь Тали Имани Гератского. М. : Восточ. лит., 1961.

¹³ Вельяминов-Зернов, В. В. Словарь джагатайско-турецкий. СПб., 1868.

¹⁴ См. об этом: Умаров, Э. А.. Словарь староузбекского языка и вопросы фонетики. Ташкент : Фан, 1994. С. 36–40.

¹⁵ Шамсиев, П. Краткий словарь произведений узбекской классической литературы / П. Шамсиев, С. Ибрагимов. Ташкент : Фан, 1953. 452 с.

¹⁶ Шамсиев, П. Словарь языка произведений Алишера Навои / П. Шамсиев, С. Ибрагимов. Ташкент : Ғ. Ғулом номидаги Адабиёт ва санъат нашриёти, 1972. 787 с.

¹⁷ Хасанов, Б. Краткий словарь языка произведений Алишера Навои. Ташкент, 1993.

¹⁸ Лихачев, Д. С. Указ. соч. С. 163–169.

¹⁹ Перетц, В. Н. Из лекций по методологии истории русской литературы. История изучения. Методы. Источники (корректированное издание на правах рукописи). Киев, 1914. С. 276.

²⁰ Навои, А. Бадоеъ ул-бидоя (Чудеса истоков). Мукаммал асарлар тўплами. 1-жилд. Тошкент : Фан, 1987. 724 б.

²¹ Навои, А. Сокровищница мыслей / пер. Вс. Рождественского. Ташкент : Фан, 1968. С. 543.

²² Навои, А. Фавойид ул-кибар (Полезные советы старости). Мукаммал асарлар тўплами. 6-жилд. Тошкент : Фан, 1990. 568 б.

²³ Навои, А. Наводир ун-нихоя (Диковины конца). Мукаммал асарлар тўплами. 2-жилд. Тошкент : Фан, 1987. 620 б.

²⁴ Навои, А. Бадоеъ ул-васат (Диковины среднего возраста). Мукаммал асарлар тўплами. 5-жилд. Тошкент : Фан, 1989. 544 б.

²⁵ Навои, А. Наводир ун-нихоя (Диковины конца). Мукаммал асарлар тўплами. 2-жилд. Тошкент : Фан, 1987. 620 б.

²⁶ Садди Искандарий (Стена Искандера). Мукаммал асарлар тўплами. 11-жилд. Тошкент : Фан, 640 б.

С. У. Султанходжаева

МОДЕЛЕОБРАЗУЮЩИЕ ГЛАГОЛЫ В СОМАТИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассмотрены моделиобразующие глаголы в соматических фразеологизмах персидского языка, изучена потенциальная возможность глаголов в образовании соматических фразеологизмов и выявлена их сочетаемость с соматическими лексемами. Предложенный анализ моделиобразующих глаголов окажет помощь при изучении вопросов сочетаемости глаголов с соматизмами.

Ключевые слова: моделиобразующий глагол, соматизм, соматические фразеологизмы, продуктивность, сочетаемость.

Благодаря изучению вопросов фразеологии персидского языка Ю. А. Рубинчиком, Л. С. Пейсиковым, А. А. Веретенниковым и рядом других исследователей на данный момент существует добротная теоретическая база для анализа частных вопросов глагольной и именной фразеологии. Монографическое исследование Ю. А. Рубинчика «Основы фразеологии персидского языка»¹ посвящено всестороннему лингвистическому анализу фразеологизмов в персидском языке. В работе проведена грамматическая классификация фразеологических единиц (ФЕ) персидского языка, дана характеристика структурно-семантических типов глагольных и именных ФЕ, рассмотрены вопросы их синтаксического и стилистического функционирования в языке. Л. С. Пейсиков в своём труде «Лексикология современного персидского языка»² посвятил вопросам фразеологии специальную главу, где рассмотрены глагольные фразеологизмы персидского языка в тесной взаимосвязи с вопросами сложного глагола. В другой монографии под названием «Очерки по словообразованию персидского языка» Л. С. Пейсиков³ наряду с общей проблемой свободных словосочетаний рассматривает вопрос и о фразеологических сочетаниях, в том числе именных и глагольных фразеологических единицах. Большой вклад в дело исследования персидской глагольной фразеологии внесла монография «Очерки глагольной фразеологии персидского языка» А. А. Веретенникова⁴. А. А. Веретенниковым определены критерии отграничения многокомпонентных глагольных фразеологизмов от сложных глаголов, выявлены особенности рамочных построений глагольных фразеологизмов, исследована взаимосвязь значений фразеологической единицы и составляющих её компонентов и разработана семантическая

классификация персидских глагольных фразеологизмов, основанная на изучении соотношения элементов планов содержания и выражения.

Важнейшими результатами указанных исследований являются: а) выявление тенденций развития глагольной фразеологии, включающей в свой состав словосочетания разной семантической слитности и внутренней структуры; б) отнесение к фразеологии двучленных устойчивых словосочетаний, более известных под названием «сложный глагол»; в) отграничение многокомпонентных глагольных фразеологизмов от фразеологизмов-предложений, т. е. от коммуникативных фразеологических единиц, имеющих структуру предложения. Актуальность постоянного и детального изучения глагольных фразеологизмов в персидском языке обусловлена широким использованием этого разряда языковых единиц и их специфическими особенностями. Определение роли глагольного и именных компонентов в создании целостного фразеологического значения может внести ясность во многие вопросы. В роли именной части глагольной ФЕ используется чрезвычайно широкий круг лексем, обладающих одним или несколькими значениями и относящихся к различным частям речи. А глагольная часть выполняет формально-грамматическую роль показателя действия и в зависимости от семантической структуры сложного глагола⁵ в большей или меньшей степени участвует в формировании общего значения фразеологической единицы. Принадлежность слова, выступающего в роли именной части, к той или иной части речи, его морфемный состав и лексическое значение являются немаловажными факторами, оказывающими влияние на выбор компонирующего глагола и облегчающими понимание не только прямых, но и переносных значений сложного

глагола. Поэтому знание значений этих слов, их морфологической структуры и морфологической принадлежности необходимо для понимания природы сложных глаголов и их структурно-семантической классификации. Самую большую группу составляют сложные глаголы, именная часть которых выражена именами существительными⁶.

В роли таких именных компонентов глагольных фразеологизмов могут выступать также и слова, обозначающие части тела человека. Глагольные фразеологизмы, в состав которых входят названия частей тела человека, составляют весьма значительный по объему и употребительный пласт фразеологизмов. Данная статья имеет целью исследование механизма моделирования некоторых глаголов в соматических фразеологизмах. Надо отметить, что не все глаголы имеют одинаковую сочетаемость с соматическими лексемами в образовании соматических фразеологических единиц (СФЕ). Степень употребляемости глаголов в образовании соматических фразеологизмов может быть различной в зависимости от фразеологической продуктивности глагола. В то же время существует ограниченное число глаголов, которые не употребляются в функции глагольного компонента соматических фразеологизмов. Ниже проведен анализ часто употребляемых глаголов в персидском языке касательно их сочетаемости с соматическими лексемами *del* «сердце», *čejm* «глаза», *sar* «голова», *dast* «рука», *abru* «брови», *zabân* «язык», *jegar* «печень», *pâ* «нога», участвующими в образовании СФЕ персидского языка.

1) Глагол *zadan* «бить, ударять; тереть, натирать; биться; играть (инструмент); надевать (очки); обкрадывать» сочетается со всеми вышеупомянутыми соматическими лексемами, кроме соматизма *jegar* «печень».

2) Глагол *gereftan* «брать; ловить; получить; овладевать; получать; процветать» образует фразеологические единицы с анализируемыми соматизмами, кроме соматизмов *jegar* «печень» и *abru* «брови».

3) Глагол *dâdan* «давать; вручать» также сочетается с указанными соматическими лексемами, кроме соматизмов *čejm* «глаза» и *abru* «брови».

4) В отличие от глаголов, приведённых выше, глагол *dâštan* «иметь; владеть» образует фразеологические единицы только с соматизмами *del* «сердце», *čejm* «глаза», *dast* «рука», *jegar* «печень», *pâ* «нога».

5) Глагол *kardan* «делать, заниматься» образует соматические фразеологизмы только с соматизмами *del* «сердце», *čejm* «глаза», *dast* «рука», *pâ* «нога».

6) Глагол *bastan* «закрывать; привязывать; застёгивать; выключать; преграждать» сочетается только с соматизмами *del* «сердце», *čejm* «глаза», *zabân* «язык».

Глагольные соматические фразеологизмы выделяются на основе наличия определенной системы моделей, в которых глагол участвует в организации структурных типов глагольных СФЕ как стержневой, основной моделиобразующий элемент ФЕ. Для компонентного структурирования глагольных ФЕ типы сложного глагола характерно подразделять на строение – «ИЧ+КГ» (именная часть и компонирующий глагол). Вместе с тем, в состав многих сложных глаголов входят предлоги, послелого, помещаемые перед и после ИЧ, и образуется строение «предлог+ИЧ+КГ; ИЧ+послелог+КГ».

На основе указанных глаголов и соматических лексем были выявлены моделиобразующие глаголы СФЕ по структуре компонирующего глагола и именной части. При моделировании структурных схем СФЕ используются следующие символы: V-глагол, Sn-соматическая лексема, prep-предлог, post-послелог.

1. Моделиобразующий глагол *zadan* «бить, ударять; тереть, натирать; биться; играть (инструмент); надевать (очки); обкрадывать»: модель: Sn+post+V: *del-râ zadan* (букв.: бить сердце) «надоедать»;

модель: Sn+V: *čejm zadan* (букв.: «бить глаза») «подмигнуть», «сглазить»;

модель: Sn+V: *sar zadan* (букв.: ударить голову) «заходить ненадолго», «восходить», «подрезать»;

модель: Sn+V: *dast zadan* (букв.: бить руку) «трогать», «ощупывать», «аплодировать», «браться»;

модель: Sn+V: *zabân zadan* (букв.: бить языком) «пробовать (языком)», «лизать»;

модель: Sn+V: *abru zadan* (букв.: бить брови) «подмаргивать», «подмигивать»;

модель: Sn+V: *pâ zadan* (букв.: бить ногу) «топтать», «давать подножку», «обманывать», «надувать».

2. Моделиобразующий глагол *gereftan* «брать; ловить; получать; овладевать; получить; процветать»:

модель: prep+Sn+V: *be del gereftan* (букв.: брать к сердцу) «принимать близко к сердцу, переживать», «обижаться»;

модель: *Sn+V: češm gereftan* (букв.: брать глаза) «закрывать глаза», «не обращать внимания, смотреть сквозь пальцы»;

модель: *Sn+V: sar gereftan* (букв.: брать голову) «получаться, удаваться», «идти хорошо (о деле)», «зарядить (о дожде)»;

модель: *Sn+V: pâ gereftan* (букв.: брать ногу) «входить в силу», «крепнуть», «долго держаться», «начинать ходить»;

модель: *prep+Sn+V: be dast gereftan* (букв.: брать в руку) «захватывать», «овладевать»;

модель: *Sn+V: zabân gereftan* (букв.: брать язык) «заикаться».

3. *Моделеобразующий глагол dâdan «давать; вручать»:*

модель: *Sn+V: del dâdan* (букв.: вручать сердце) «ободрять», «вдохновлять», «придавать смелости», «относиться со всем вниманием», «отдать сердце», «влюбиться»;

модель: *Sn+V: sar dâdan* (букв.: давать голову) «сложить голову, погибнуть», «давать волю (чему-л.)», «давать в придачу (при обмене)»;

модель: *Sn+V: jegar dâdan* (букв.: давать печень) «печалить», «огорчать», «причинять страдания»;

модель: *Sn+V: pâ dâdan* (букв.: давать ногу) «удаться», «повести», «идти в ногу»;

модель: *Sn+V: dast dâdan* (букв.: давать руку) «здороваться», «ударить по рукам», «заключить сделку», «происходить», «случаться»;

модель: *Sn+V: zabân dâdan* (букв.: давать язык) «обещать», «давать слово».

4. *Моделеобразующий глагол dâstan «иметь; владеть»:*

модель: *Sn+V: del dâstan* (букв.: иметь сердце) «быть храбрым, смелым», «решаться»;

модель: *Sn+V: češm dâstan* (букв.: иметь глаза) «возлагать надежду», «ожидать»;

модель: *prep+Sn+V: dar dast dâstan* (букв.: иметь в руке) «владеть», «располагать», «носить в руках»;

модель: *Sn+V: jegar dâstan* (букв.: иметь печень) «иметь смелость, отвагу»;

модель: *Sn+V: pâ dâstan* (букв.: иметь ногу) «иметь силу (о словах, высказываниях)».

5. *Моделеобразующий глагол kardan «делать, заниматься»:*

модель: *Sn+V: del kardan* (букв.: делать сердце) «ласкать», «проявлять нежность»;

модель: *Sn+V: češm kardan* (букв.: делать глаза) «подмигнуть»; «сглазить»;

модель: *prep+Sn+V: be dast kardan* (букв.: делать в руку) «надевать на руку»;

модель: *Sn+V: pâ kardan* (букв.: делать ногу) «надевать».

6. *Моделеобразующий глагол bastan «закрывать; привязывать; застёгивать; выключать; преграждать»:*

модель: *Sn+V: del bastan* (букв.: привязывать сердце) «полюбить», «привязаться душой и сердцем»;

модель: *Sn+V: češm bastan* (букв.: закрыть глаза) «игнорировать», «не замечать», «умирать»;

модель: *Sn+V: zabân bastan* (букв.: закрыть язык) «хранить молчание», «молчать».

Как показывает наш фактологический материал, который состоит из около 1000 карточек с примерами на употребление СФЕ, с глаголом *zadan* «бить» встречается 93 фразеологизма, с глаголом *gereftan* «брать» – 80, с глаголом *dâdan* «давать» – 65, с глаголом *dâstan* «иметь» – 58, с глаголом *kardan* «делать» – 42, с глаголом *bastan* «закрывать» – 16 фразеологизмов.

Делая выводы о моделиобразующих глаголах в соматических фразеологизмах, важно учитывать, что не все глаголы имеют одинаковую потенциальную возможность для образования фразеологизмов. Значительным потенциалом фразеобразовательной продуктивности обладают глаголы *zadan* «бить», *gereftan* «брать», *dâdan* «давать», которые сочетаются с вышеуказанными соматическими лексемами. К менее продуктивным в образовании соматических фразеологизмов глаголам относится глагол *dâstan* «иметь». Глаголы *kardan* «делать» и *bastan* «закрывать» являются наименее продуктивными моделиобразующими глаголами.

Примечания

¹ См.: Рубинчик, Ю. А. Основы фразеологии персидского языка. М. : Наука, 1981. 276 с.

² См.: Пейсиков, Л. С. Лексикология современного персидского языка : учеб. пособие для вузов. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1975. 206 с.

³ См.: Пейсиков, Л. С. Очерки по словообразованию персидского языка. М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 1973. 199 с.

⁴ См.: Веретенников, А. А. Очерки глагольной фразеологии персидского языка. М. : Наука, 1993. 256 с.

⁵ См.: Двучленные глагольные фразеологические единицы в многочисленных работах называются сложными глаголами.

⁶ См.: Рубинчик, Ю. А. Указ. соч. М. : Наука, 1981. С. 124–140.

Ю. А. Ерофеева

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ФОРМЫ ПРОВЕДЕНИЯ УРОКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

В статье кратко сформулированы проблемы преподавания китайского языка детям младшего школьного возраста. Изложены характерные особенности данной возрастной группы детей и проблемы, связанные с восприятием учащимися китайского языка. Также кратко охарактеризованы методы, которыми может пользоваться учитель для подготовки и организации уроков. Приведены примеры нетрадиционных уроков, опробованных автором статьи. Представлены некоторые итоги и даны рекомендации учителям, основанные на наблюдениях за детьми в процессе проведения уроков.

Ключевые слова: китайский язык в начальной школе, игровые методики, нетрадиционный урок, уроки китайского языка, из опыта работы.

В настоящее время обучение иностранным языкам рассматривается с позиции коммуникативной деятельности, умения общаться. Ученик получает возможность пользоваться языком в его коммуникативной функции, прежде всего на уроке, поэтому внимание ученых, методистов и учителей направлено на поиск резервов для совершенствования урока, на повышение его эффективности¹.

Одной из проблем изучения китайского языка в начальной школе является мотивация учащихся. В начале у детей, как правило, большое желание изучать язык. Они в этом усматривают что-то «приключенческое», возможность проникнуть в незнакомый мир. Но как только начинается процесс овладения китайским языком, отношение учащихся меняется, так как начинается стадия преодоления трудностей, что снижает стремление к обучению. Изучение китайского языка требует от изучающего большой концентрации внимания, образное мышление, хорошо развитую зрительную память, усидчивость и, конечно, большое желание овладеть китайским языком.

Так как речь идет об учениках начальной школы, то необходимо заметить, что для данной возрастной группы (6–10 лет) характерны проявления неустойчивости внимания, подвижности и эмоциональности. Неустойчивость внимания связана со слабым развитием умения произвольно подчинять свои действия внешним обстоятельствам, влияниям, воздействиям, а внутренним целям, которые ставит перед учеником учитель. У детей начальной школы внимание более устойчиво на выполнении внешних, а не умственных действий. Поэтому учителю на уроках китайского языка

необходимо использовать как можно больше наглядных пособий, заданий, связанных с решением задач, цель которых, на первый взгляд, отнюдь не учебная. То есть перед учеником ставится понятная и привлекательная для него цель, выполняя которую он волей-неволей выполняет и то учебное действие, которое планирует педагог.

Подвижность, характерная для ребенка младшего школьного возраста, также обычно связана со слабым развитием волевых действий. Ребенок, испытывая естественную потребность в движении, не умеет длительное время сохранять одну и ту же позу, заниматься одним и тем же делом. Для решения данной проблемы урок китайского языка делится по времени на 3 части (25 + 10 + 10 минут). Как правило, первая часть урока – классическая. Это может быть и объяснение нового материала, и опрос, и повторение. Затем следует сменить род деятельности. Хорошо работает игровой прием. Желательно, чтобы игра была подвижной, но при этом тоже направлена на изучение китайского языка. Заключительная часть урока возвращает детей за парты. Это время подводить итоги, повторять пройденный материал.

Эмоциональность свойственна младшим школьникам, выражается в их легкой возбудимости, потребности вслух высказываться о своих переживаниях, впечатлениях, интересах².

Китайский язык кажется ученикам необыкновенным. Поднебесная полна древних тайн и необъяснимых явлений. Ребята с удовольствием готовы слушать легенды и истории Китая. Сами, возвратившись из путешествия по Поднебесной, привозят массу впечатлений, фото-

графий, книг и т. п. Для того чтобы сохранить дисциплину на уроке, вводится час вопросов и ответов. Ребята знают, что в определенный урок, специально отведенный для разговоров о Китае, они могут обсудить, спросить и рассказать все, что их интересует. Таким образом, потребность вслух высказываться удовлетворена и дисциплина на уроках под контролем учителя. Система, по которой мы делим урок китайского языка на три части, позволяет переключать внимание учеников с одного вида деятельности на другой, обеспечивая при этом более эффективное овладение материалом.

Из всего вышесказанного следует: традиционные методы изучения китайского языка не способствуют в полной мере полноценному взаимодействию ученика с учителем и другими учениками на уроке. А также полностью не раскрывают и не развивают индивидуальных качеств учащихся³. Возвращаясь к структуре урока, хотелось бы добавить то, что структура может меняться в зависимости от поставленных учебных задач. Учитель может менять части местами, не делить урок, а провести его в одном ключе и т. п.

Таким образом, творчески подходя к построению методической и логико-психологической подструктур урока, учитель во многом обеспечивает его нетрадиционность, новизну, привлекательность, максимальную продуктивность при достижении любых целей обучения, развития и воспитания.

Итак, мы подошли к тому, чем же характеризуется нетрадиционный урок? Это урок, который не относится ни к одной из известных классификаций, ему присуща большая вариативность структуры, он основан на творчестве, импровизации, на взаимодействии ученика и учителя при их увлеченности совместной творческой деятельностью. И, наконец, он основан на том, что ученик есть не только объект, но и субъект учебной деятельности⁴. По своему назначению такие уроки могут быть и уроками изучения нового, и уроками повторения, и обобщающими, и уроками комбинированного типа.

Нетрадиционные уроки китайского языка в начальной школе дают возможность:

- 1) повысить интерес учащихся к учебному материалу;
- 2) повысить познавательную активность и творческую самостоятельность;
- 3) воспитать умение работать в коллективе;
- 4) установить правила поведения на уроке;

5) работать с учащимися с разным уровнем подготовки.

При подготовке и проведении урока учитель должен учитывать следующее:

1) возраст учащихся (возрастные особенности данной группы учащихся);

2) виды игровой деятельности должны быть организованы на основе изученного материала, они не должны напоминать контрольную работу или экзамен;

3) планирование и проведение уроков должно способствовать успешному овладению учебного материала, а также решать конкретные цели и задачи:

а) улучшить произношение (овладение тонами китайского языка и характерными особенностями произношения);

б) содействовать формированию умений и навыков чтения транскрипции китайского языка (pinyin), а также иероглифического письма;

в) повысить уровень практического овладения грамматическим материалом;

г) расширить лексический запас учащихся и автоматизировать их умение использовать его в речи;

д) воспитать навыки аудирования у учащихся и т. п.

Параллельно с каждой из названных решаются воспитательные задачи: пробудить интерес к китайскому языку, сформировать потребность в его изучении и практическом применении знаний, умений и навыков, расширить кругозор, обогатить духовный мир школьников⁵.

Нетрадиционные формы уроков, используемые для изучения китайского языка в начальной школе:

- 1) урок творчества;
- 2) урок-спектакль;
- 3) урок-проект;
- 4) дидактические сказки;
- 5) урок исправления ошибок;
- 6) урок-викторина;
- 7) урок без учителя;
- 8) урок-фантазия;
- 9) урок-игра;
- 10) урок-путешествие.

Урок творчества «Зоопарк».

Игровая задача: учащиеся выполняют какую-то творческую работу, которая в дальнейшем может служить материалом для другой формы урока.

Педагогическая задача: запоминание новой лексики по теме «Животные»; отработка речевых конструкций по теме, согласно программе.

Содержание занятия: учитель в начале урока сообщает ученикам, что необходимо создать зоопарк. Для этого понадобится пластилин (можно использовать глину, а в дальнейшем раскрасить животных). Оговариваются животные, которые будут жить в зоопарке. Каждый ученик выбирает животное, которое он будет лепить.

动物园 dong4wu4yuan2

Домашние животные 家畜 jia1chu4

Утка 鸭子 yazi4

Кошка 猫 maol

Свинья 猪 zhu1

Корова 牛 niu2

Лошадь 马 ma1

Баран 羊 yang2

Собака 狗 gou3

Курица 鸡 ji1

Дикие животные 野兽 ye3shou4

Заяц 兔子 tu4zi

Лев 狮子 shi1zi

Тигр 老虎 laohu3

Волк 狼 lang2

Слон 大象 daxiang4

Жираф 长颈鹿 chang2jing3lu4

Еж 刺猬 ci4wei

Белка 松鼠 song1shu3

Обезьяна 猴子 hou2zi

Животный мир 动物世界 dongwushijie4

Стрекоза 蜻蜓 qing1ting2

Черепаха 龟 gui1

Улитка 蜗牛 wo1niu2

Пчела 蜜蜂 mi4feng1

Змея 蛇 she2

Мышь 老鼠 laoshu3

Рыба 鱼 yu2

Во время лепки ребята должны запомнить, как по-китайски называется животное, которое они лепят. Для лучшего запоминания учитель постоянно обращается к ребятам с вопросами:

– Что ты делаешь? 你做什么? Ni3 zuo4 shen2me.

– Я леплю животных. 我塑动物。Wo3 su4 dong4wu4

– Кого ты лепишь? 你塑谁? Ni3 su4 shei2?

– Я леплю зайца (змею, мышь и т. п.) 我塑兔子 (蛇, 老鼠)。Wo3 su4 tu4zi (she2, laoshu3)

Если лексический запас позволяет, можно расширить диалог:

– Какого зайца ты лепишь? 你塑什么兔子? Ni3 su4 shen3me tu4zi?

– Я леплю маленького белого зайца. 我塑小白兔子。Wo3 su4 xiao3 bai2 de tu4zi.

– Что любит есть твоя кошка? 你的猫喜欢吃什么。Ni3 de maol xi3huan chi1 shen2me.

– Моя кошка любит есть рыбу. 我的猫喜欢吃鱼。Wo3 de maol xi3huan chi1 yu2.

Ученики могут сами задавать друг другу вопросы.

После того как все животные готовы, делаем вольеры для каждой группы животных (дикие, домашние, лесные жители и т. п.) Наш зоопарк готов. Он нужен нам для следующего урока – урока-спектакля.

Урок-спектакль.

Игровая задача: исполнение детьми определенного сюжета. Сценарий служит лишь канвой для импровизации.

Педагогическая задача: закрепление уже пройденного материала. Здесь работает принцип деятельности. Освоение учениками знаний, умений, навыков, преимущественно в форме деятельности⁶.

Содержание занятия: экскурсия по зоопарку. Каждый ученик должен побывать в роли гида. Можно использовать два способа ведения экскурсии. Первый способ: учащийся рассказывает про животных, заменяя слова, которые знает, китайскими.

Например: Мы рады приветствовать вас в нашем 动物园 dong4wu4yuan2 (зоопарке). Здесь вы можете познакомиться с 家畜 jia1chu4 (домашними животными), 野兽 ye3shou4 (дикими животными), 动物世界 dongwushijie4 (животным миром). Это 狮子 shi1zi (лев) и т. п.

Ученики должны придумывать текст сами, стараясь использовать как можно больше слов на китайском языке.

Второй способ: всю экскурсию ребенок ведет на китайском языке. В этом случае текст экскурсии намного проще, задача учащегося – строить предложения только на китайском языке.

Например: 你好狻 ni3hao3! 欢迎 huan1ying2 欢迎 huan1gying2! 这 zhe4 是 shi4 动物园 dong4wu4yuan2. 你们 ni3men 可以 ke3yi 看 kan4 很 hen3 多 duo1 动物 dong4wu4. 这 zhe4 是 shi4 家畜 jia1chu4: 鸭子 yazi4, 猪 zhu1, 猫 maol, 狗 gou3, 马 ma1, 鸡 ji1, 羊 yang2, 牛 niu2. 这 zhe4 是 shi4 野兽 ye3shou4: 狮子 shi1zi, 老虎 laohu3, 狼 lang2, 大象 daxiang4. 这 zhe4 是 shi4 动物世界 dong4wu4shijie4: 蛇 she2, 老鼠 laoshu3, 蜻蜓 qing1ting2, 龟 gui1, 蜜蜂 mi4feng1. 这 zhe4 是 shi4 猫 maol. 它 ta1 喜欢 xi3huan 吃 chi1 鱼 yu2 喝 he1 牛 niu2 nai. 这 zhe4 是 shi4 兔子 tu4zi. 兔子 tu4zi 喜

欢xi3huan吃chi1白菜bai2cai4.这zhe4是shi4狼lang2.动物dong4wu4都dou1怕pa4狼lang2...

Перевод: *Здравствуйте! Добро пожаловать! Это зоопарк. Вы можете увидеть много животных. Это домашние животные: утка, свинья, кошка, собака, лошадь, курица, баран, корова. Это дикие животные: лев, тигр, волк, слон. Это представители животного мира: змея, мышь, стрекоза, черепаха, улитка, пчела. Это кошка. Она любит есть рыбу и пить молоко. Это заяц. Он кушает капусту. Это волк, все звери его боятся и т. п.*

Урок-проект.

Игровая задача: ученики могут задавать вопросы по интересующему их материалу, это уроки по культуре Китая⁷.

У учеников есть вопросы о культуре Китая, чтобы запланированный урок не срывался из-за постоянных вопросов, вводится час вопросов и ответов.

Педагогическая задача: расширить рамки знаний о стране, язык которой учат дети. Это вариант установления дисциплины на уроке.

Содержание занятия: занятия могут проводиться в разной форме:

1) ученики заранее готовят вопросы по определенной теме, и на уроке учитель отвечает на вопросы;

2) ученики готовят доклады по определенным темам, учитель уточняет и поясняет непонятные моменты;

3) просмотр видео- и фотоматериалов по культуре Китая, обсуждение увиденного.

Дидактические сказки.

Игровая задача: учащиеся объединяются по двое-трое, сочиняют сказки на заданную тему и затем рассказывают их одноклассникам, заменяя знакомую лексику китайскими словами и оборотами.

Педагогическая задача: закрепляется новая лексика; такой урок может служить вариантом контроля знаний; если сказка заранее подготовлена, то от учеников требуется знание слов по теме.

На таких уроках работает принцип открытости. Не только давать знания, но и показать их границы. Сталкивать ученика с проблемами, решение которых лежит за пределами изучаемого курса⁶: ученики наглядно видят, что им нужно еще многое выучить, чтобы говорить по-китайски. Это мотивирует учащихся к овладению новыми знаниями и желанию выучить как можно больше, чтобы заменить как можно больше слов в тексте.

Урок исправления ошибок.

Игровая задача: в начале урока учитель предупреждает учеников о том, что в словах и предложениях, которые будут использоваться на уроке, могут быть ошибки. Ученики должны внимательно следить и исправлять их.

Педагогическая задача: тренировка внимания и реакции; умение находить и исправлять ошибки разного характера (грамматические, письменные, фонетические).

Содержание занятия: можно неправильно называть предметы, писать слова с ошибками, говорить, что ответ (не)правильный. Например, показывая ручку, сказать, что это карандаш. Ребята должны заметить и исправить.

Урок-викторина.

Игровая задача: учащиеся отвечают на письменные или устные вопросы.

Педагогическая задача: закрепление речевых конструкций и фраз.

Содержание занятия «Мудрозавр». На доску прикрепляется изображенный дракон Мудрозавр с крючками. Ребятам предлагаются карточки с вопросами от Мудрозавра (содержание карточек зависит от цели и темы занятия). Каждый ученик должен снять карточку с крючка, прочитать вопрос, написанный по-китайски, и ответить. Остальные ребята оценивают правильность ответа. Если ответ неверный, то Мудрозавр «съедает» отвечающего.

Урок без учителя.

Игровая задача: ученики делятся на пары по уровню успеваемости (сильный / слабый). Ученик, который лучше усвоил материал, помогает однокласснику. На уроке учитель занимает позицию наблюдателя и координирует действия учеников.

Педагогическая задача: используется для заучивания материала в короткие сроки, помогает в работе с детьми с разным уровнем подготовки.

Содержание занятия: заучивание текстов песен, стихов, сценок, перевод предложений, закрепление грамматики, запоминание иероглифов.

Урок-фантазия.

Игровая задача: ученикам предлагается фантастический сюжет, в котором они должны, выполняя определенные задания, достигать фантастическую цель.

Педагогическая задача: контрольный опрос по лексике.

Содержание занятия «Елка знаний». Ребятам предлагается сюжет, в котором им нужно

представить себя во время Нового года. Но школу заколдовали, и Дед мороз со Снегурочкой не смогут прийти на праздник! Необходимо нарядить елку знаний правильно. Только тогда злые чары рассеются и праздник начнется.

На доску крепится елка с крючками для карточек. У детей есть мешок с игрушками-карточками, на которых изображены, согласно программе, предметы, овощи, фрукты и т. п. Необходимо называть по-китайски слова, изображенные на картинке, и вешать «игрушку». Когда елка будет наряжена, задача выполнена – Новый год спасен!

Можно предлагать другой сюжет.

Урок-игра (подвижные игры: соревнования / физкультминутки; настольные игры).

Игровая задача: подвижные игры включают в себя игры-соревнования и игры-физкультминутки.

Содержание занятия «Эстафета». Игра для заучивания и повторения новых слов и букв. Ученики делятся на команды. Команды выстраиваются в шеренгу по одному. У каждой команды свой стол с карточками, на которых написаны буквы транскрипции (слова, иероглифы, картинки). Учитель называет букву, участник команды бежит, ищет нужную букву или слово. Выбранные карточки складываются возле учителя, для проверки.

По окончании эстафеты подводятся итоги и закрепляются буквы или слова, в которых были допущены ошибки.

Педагогическая задача: для закрепления и заучивания материала в начале игры участники всей команды вместе могут выбирать карточки.

Как учебная разминка могут использоваться всем известные подвижные игры: мяч-переводчик; игра с лишним стулом (вместо музыки учитель говорит по-китайски слова и предложения, дети бегают вокруг стульев; ученики должны услышать заданное слово и успеть занять стулья). В зависимости от учебной задачи, можно любую игру адаптировать для изучения или закрепления материала.

Педагогическая задача: Эти игры используются для выработки реакции на знакомые слова и обороты.

Для заучивания новых слов и речевых оборотов используются настольные игры: лото, домино, игры-пазлы.

Урок-путешествие.

Педагогическая задача: проверка пройденного материала на уроках китайского языка.

Задачи игры:

- 1) закрепить пройденный материал;
- 2) способствовать сотрудничеству учеников и общению со сверстниками (работа в команде);
- 3) научить работать по правилам, установленным учителем;
- 4) помочь учителю определить наличие трудностей у детей в освоении материала.

Содержание занятия. Игра «Сокровища китайского императора 皇帝 (кит. Huangdi, хуанди)» рассчитана на участие нескольких команд. Оптимальное количество игроков в команде от 4 до 6.

Игра начинается с рассказа учителя легенды, истории⁸ и демонстрации карты, по которой можно найти заветные сокровища.

Легенда должна заинтересовать учащихся и послужить стимулом для прохождения испытаний. Учащимся выдается карта, на которой отмечены задания, которые ребята должны пройти и получить ключ от сундука с сокровищами.

Чем младше дети, тем активнее должен быть педагог на всех этапах игры. Но постоянно нужно менять свою позицию, на время уходя в тень, чтобы могла формироваться самостоятельность детей и не подавлялась их активность.

На таких уроках работает принцип обратной связи. Учитель на уроке отслеживает настроение учеников, степень их заинтересованности, уровень понимания. У учителя есть свой набор приемов, позволяющих четко сориентироваться в обстановке⁶.

Коллективное участие детей в учебном процессе создает бодрое настроение, придает весомую ценность тому, чем дети овладели и с чем познакомились на занятиях. Ученики чувствуют гордость за свои достижения, а ощущение удачи поддерживает хороший эмоциональный фон, необходимый в любой интеллектуальной деятельности.

Если речь идет о командной игре, то в группе могут возникнуть конфликтные ситуации в связи с тем, что в команде может быть несколько лидеров, которые не хотят принимать чужие решения. Также может возникнуть проблема, связанная с трудностями работы в команде: ребята начинают обвинять друг друга в ошибках. Учителю необходимо остановить игру и попытаться вернуться к правилам игры (законам). Напомнить, что для победы необходимо работать вместе, ведь «одна голова хорошо, а две лучше». Можно привести пример. Если бы они заблудились в тайге, где опасно, бродят дикие звери, нет еды, что бы они делали? Ру-

гались, выясняли отношения или сплотились для того, чтобы выжить? Ребята сами ответят на вопрос и попытаются работать вместе. Может возникнуть ситуация, в которой в команде выделится группа учеников, хорошо усвоивших программу, тогда остальные участники ничего не делают, ждут, когда будут получены призы. Заметив такую ситуацию, учитель объясняет, что награду должны заслужить все! В этой ситуации можно привести и такой пример: если родители работают много и хорошо, делают все, но на фирме (заводе, в кабинете и т. п.) есть люди, которые ничего не делают, но получают зарплату такую же, или даже больше. Это справедливо? Ребята, конечно, ответят: «Нет!». Тогда учитель напоминает, что каждый участник должен принимать участие в прохождении испытаний. От этого напрямую зависит результат!

Важный момент в нетрадиционных формах уроков занимает подведение итогов. Необходимо совместно с учащимися обсуждать победы и огорчения, что получилось, а что вызвало наибольшие трудности. Постоянно возвращать учащихся к тому, что любая игра на уроке – это учебный процесс, а выполнение правил игры предполагает соблюдение дисциплины на уроке. С помощью правил педагог управляет игрой, процессами познавательной деятельности, поведением детей.

Самое сложное – это донести до детей, что игры носят обучающий характер, а не развлекательный. Ученики должны понимать, что находятся на уроке! А разнообразие предложенных работ необходимо для лучшего понимания и запоминания, а не развлечения!⁹

В процессе проведения нетрадиционных форм уроков обнаруживается степень усвоения пройденного материала у каждого ученика. Совершая ошибки, ученики помогают педагогу проанализировать, какой материал или раздел усвоен хуже, а какой лучше, на что необходимо обратить внимание.

Таким образом, наиболее значимыми характеристиками нетрадиционной формы проведения урока китайского языка являются:

- наличие мотивации учащихся;
- коммуникативная направленность процесса обучения;
- создание благоприятного психологического климата на уроке для общения и речевого партнерства между учителем и учащимися и учениками друг с другом;

- использование таких организационных форм деятельности учащихся, которые обеспечивают активное участие каждого ученика в овладении китайским языком;

- выбор оптимальных для каждого класса приемов и методов обучения.

Примечания

¹ См.: Медведева, О. И. Творчество учителя на уроках английского языка : из опыта работы. М. : Просвещение, 1991. С. 3.

² См.: Богданова, О. С. Методика воспитательной работы в начальных классах / О. С. Богданова, В. И. Петрова. М. : Просвещение, 1986. С. 20.

³ См.: Ильинская, Е. С. Использование приемов игровой методики при обучении иностранным языкам на курсах иностранных языков // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL : <http://festival.1september.ru/articles/102746>.

⁴ См.: Тенденции развития форм обучения. Нетрадиционные формы организации уроков // Фестиваль педагогических идей «Открытый урок». URL : <http://paidagogos.com/?p=81>.

⁵ См.: Савина, С. Н. Внеклассная работа по иностранным языкам в средней школе. М. : Просвещение, 1991. С. 128.

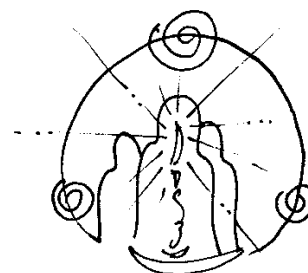
⁶ См.: Гин, А. А. Приемы педагогической техники. Свобода выбора. Открытость, Деятельность. Обратная связь. Идеальность : пособие для учителя. 3-е изд. М. : Вита-Пресс, 2001. 88 с.

⁷ В Восточной школе, где я работаю, из шести часов в неделю, отпущенных на изучение китайского языка, один час отводится для изучения особенностей культуры и быта Китая.

⁸ Примерная легенда: «В развалинах Старого города найдена карта сокровищ, которую когда-то спрятал первый китайский император 皇帝 (кит. Huangdi, хуанди). Но пройти по дороге к сокровищам нелегко, так как на пути встречаются препятствия, выполнить которые под силу не каждому. Пройти эти испытания могут только те, кто хорошо знает китайский язык. За выполнением заданий и прохождением препятствий следит Мастер 老师 (кит. Laoshi, лаоши), который вот уже 2500 тысячи лет ждет самых умных и храбрых Китаистов».

⁹ Ерофеева, Т. И. в шутку и всерьез // Дошкол. воспитание. 2001. № 10. С. 18.

ОТЗЫВЫ И РЕЦЕНЗИИ

В. С. Ким

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ЧАРЛЬЗА УИЛЬЯМСА «КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА (МИФЫ, ГЕРОИ, СИМВОЛЫ)»

Выход из печати книги англоязычного китаеведа Чарльза Уильямса «Китайская культура (мифы, герои, символы)» (перевод С. Федорова. М. : Центрполиграф, 2011. 478 с. Тираж 3000 экз.) основательно дополняет серию изданий, отражающих всплеск интереса к культуре Поднебесной в конце XX века и первое десятилетие XXI века.

В настоящее время издается достаточное количество трудов, где анализируются история культуры, политика, экономика Китая.

В отличие от вышеуказанных изданий, в книге Чарльза Уильямса рассматривается только понятие «культура», которое ученый исследует для определения лишь той области человеческой деятельности, которая включает в себя науку, искусство, религию, идеологию, мораль. В основу книги положены обширные знания, труд исследователя, обобщившего процесс возникновения, эволюцию многовекового пути развития китайской культуры.

Внимание политиков, ученых и средств массовой информации к данной проблематике подогревается еще и тем обстоятельством, что во внешней политике КНР провозглашает основным принципом концепцию «мягкой силы», основу которой, по мнению создателя этой концепции американского профессора Джозефа Ная, составляет авторитет и признание национальной культуры в мире.

Китайские ученые с целью усиления интереса к культуре страны указывают, что понятие «мягкой силы» встречается еще в знаменитом трактате Лао Цзы «Дао дэцзин» IV века до н. э.: «В Поднебесной мягкая сила всегда одолевает твердую». Таким образом традиционная китайская культура относится к «культуре гар-

монии», «культуре покоя», олицетворяя собой Китай, стремящийся к «совместному строительству гармоничного мирового сообщества».

Книга «Китайская культура (мифы, герои, символы)» построена по принципу энциклопедического словаря (хотя сам автор в предисловии просит не считать книгу энциклопедией – В. К.), где статьи расположены согласно порядку построения русского алфавита. Написать обзор китайской культуры – дело практически чрезвычайно сложное, ведь сюда входит много областей, разделов, где сложно быть специалистом. Однако автор достойно решает эту проблему.

Многочисленные факты, события, имена, различные легенды, повествования, истоки возникновения пантеона божеств, географических названий, происхождение музыкальных инструментов, великие открытия – все это нашло отражение в труде Чарльза Уильямса.

На наш взгляд, заслуживают особого внимания статьи, посвященные китайской архитектуре, где отражены история развития традиционного стиля, дворцовой, храмовой, садово-парковой архитектуры, причины возникновения специфической конфигурации китайских крыш, отличие китайского стиля в архитектуре от западного, отражены особенности используемых строительных материалов, изобретение черепичного покрытия, самобытная архитектура городов Китая и величие самого грандиозного сооружения страны, символа Поднебесной, – Великой Китайской стены.

Интересны, насыщены новыми подробностями и комментариями, иллюстрациями статьи о пантеоне китайских божеств – божестве

богатства, боге войны, боге долголетия, боге домашнего очага, боге литературы (как знак особого уважения китайцев к письменному знаку), боге огня.

Описание китайской иероглифики дается начиная с истории возникновения первых письменных знаков, подробно описаны все категории китайских иероглифов, эволюция китайской письменности с многочисленными примерами и иллюстрациями.

Вместе с тем при написании иероглифов большей частью используется вариант написания сложных, отсутствуют варианты упрощенного написания иероглифов, практикуемые в КНР. Иероглифы транскрибируются буквами русского алфавита, которые, по общему признанию, передают лишь приблизительное звучание китайских слов. В настоящее время в Китае широко применяется латинизированная транскрипция иероглифов (пиньинь), введенная согласно реформе 1958 года.

Хорошо воспринимаются и легко читаются статьи о «12 земных ветвях» и «10 небесных стволах», где читатель найдет много нового.

Четко и доходчиво даются комментарии 60-летнего цикла летоисчисления китайцев.

О мифических символах Китая, каковыми являются Дракон и Единорог, в книге имеется много до сих пор неизвестного.

В целом, словарные статьи о мифах (про возникновение мира, происхождение людей) построены логично, вызывают неподдельный интерес.

Вместе с тем в книге есть сведения, в достоверности которых китаеведы засомневаются. Речь идет о происхождении Учителя нации Конфуция, социальном положении его родителей, других членов семейства, где допущены, на наш взгляд, неточности этического характера.

Автору не удалось избежать триединой проблемы, которую решают все составители китайских словарей: оптимальное количество слов, их расположение и чтение. Подача материала в виде словарных статей, расположенных по алфавиту, а не в хронологическом порядке, позволяет легко найти необходимую информацию. Вместе с тем оказались разбросанными по многим статьям описание животных, птиц, рыб, насекомых, которые могли бы быть размещены вместе в соответствующих статьях.

К тому же, говоря о цветах государственного флага Китая, автор почему-то подробно описывает флаг Тайваня, утверждая, что он и ныне является государственным флагом Китая. Создается впечатление, что на момент написания книги КНР официально не существовала, видимо, поэтому нет ни слова о флаге Китайской народной республики, создание которой провозглашено 1 октября 1949 года.

Собранные в книге материалы с интересными комментариями проиллюстрированы специфическими рисунками, схемами, таблицами, что, несомненно, заинтересует как специалистов, изучающих историю, литературу, культуру, религию Китая, так и широкий круг читателей.

ABSTRACTS

GEPOLITICS AND PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS

KOZLOV L. E. Using of Cultural Instruments in Contemporary Foreign Policy.

The globalization of culture and mass media stimulates national governments to greater use of cultural instruments in their foreign affairs. The cultural diplomacy became an obligatory part of contemporary foreign policy equally with military and economic forces. In the article the foreign-policy role of culture is analyzed in the light of social changes conditioned by the technological progress in culture production and transmission its results.

Keywords: cultural diplomacy, foreign policy, international relations, globalization, popular culture.

KIM V. S., BOKHAN Ya. A. Transformation of “Soft Power” Strategy of China in Modern Conditions.

The article analyses different aspects of “soft influence” of China on other world, the main areas of Chinese foreign policy in realizing the concept of “soft power” with an emphasis on cooperation with developing countries of Africa, Latin America, South-east Asia aiming at getting recourses of these countries. The classification of main groups compiling the Chinese “soft power” is given.

Keywords: Chinese culture, political values, economic instruments of “soft power”, Diaspora, investment policy.

MUKHAMETOV R. S. Georgia in the Politics of NATO.

In this paper the main reasons of NATO’s close attention to the South Caucasus are given. Much attention is paid to the factors impeding Georgia’s integration into NATO. The article deals with long-term outlook of Georgia’s membership in NATO. The author considers inter-state cooperation between Georgia and the North Atlantic Treaty Organization.

Keywords: South Caucasus, Georgia, NATO, Georgian aggression against South Ossetia, regional conflicts.

GERDT Ya. V. The Beginning of Russian Geopolitics.

In this article the author considers the origin of Russian geopolitics, analyzes geopolitical ideas of Russian publicists and scientists of the second half of the XIX–beginning of the XX centuries, names the main types of space understanding.

Keywords: Russian geopolitics, space, military statistics, Pan-Slavism, founders of geopolitics.

POLITICAL THEORY AND IDEOLOGY

SMIRNOV M. G. To the Question of Development of Political Ideologies. Ideology of Naturalism.

In this paper we offer an alternative to the popular view on the stages of political ideologies development. Nowadays most political analysts consider the political ideology a relic of a bygone era of ideological confrontation and either deny their significant impact on the modern political processes, or state the world victory of neoliberalism. Nevertheless, there is reason to believe in the development of a new ideology nowadays. This complex political ideology can be called naturalism. And it marks a new stage in the development of ideologies in general. The authors point of view does not claim to be the “new truth”, and is only an attempt to look at the familiar political phenomenon from a totally different standpoint.

Keywords: political ideology, religion, Christianity, social values, ideology of naturalism, freedom, equality, fraternity, liberalism, socialism, fascism, conservatism.

LAVRENTEVA T. V. Special Features of Defensive Functions of Social and State Institutions in the History of Kievan and Moscow Russia.

The article analyses defensive institutions in Kievan and Moscow Russia: public “veche” in Russian principalities, elected bodies of Medieval republics, peasant communities, right of administrative complaint. Their defensive functions and direction of development is described. Scientific and practical

importance of the project is to discover the basic mechanisms of forming, developing and transforming institutions of protection of human rights at different stages of historical development of Russia and possibility of using great historical experience of our country for creating modern protection institutions.

Keywords: human rights, protection of human rights, institutions of protection of human rights.

APPLIED POLITICAL SCIENCE AND POLITICAL PROCESSES

DUBINA Y. A. Educational Policy of Modern Russia and the Problem of Forming Free Proficiency in Foreign Language of Scientific Workers in the System of Postgraduate Education.

Free proficiency in foreign language is necessary for a scientific worker not only for communication. It is a criteria of professional level, because it determines the rapidity of orientation in special literature and obtaining the information. Free proficiency in foreign language depends on scientist's existing stock of knowledge.

Keywords: Educational policy of modern Russia, foreign language, scientific worker, communication, special literature, language competence, information.

SACHKO G. V. Why do Similar Reforms of Higher Education in Russia and China Lead to Different Results?

The article gives a comparative analysis of higher education reforms in the Russian Federation and China. Entering the European Higher Education Area, transfer to two-tier system of education, cooperation of government and higher education institutions in both countries are examined. The author comes to the conclusion that the educational reforms in China are more effective for the modernization of the country and social life of society. Factors which have led to this positive result are pointed out.

Keywords: higher education, reform, modernization of the society, comparative analysis, Bologna process, two-tier system.

PASTUKHOV A. L. Knowledge Management in Education: International Experience.

The article is devoted to the research of international experience of knowledge management in education and its development in Russia. Knowledge management principles, methods of knowledge management and the basic problems of knowledge management in education are reviewed.

Keywords: knowledge management, education, international experience, tendencies, principles and methods of knowledge management.

ZYKOV A. A. Russian Far East as the Actor of Transboundary Cooperation.

This article considers the prospects of formation of transboundary regional system North-Eastern Asia. Problems of transboundary and frontier cooperation in Russia are analyzed in the context of recent trends in global policy. Special attention is given to the level of autonomy of subnational actors during integration of the Far East into North-Eastern Asia and the prospects of construction an effective regional strategy of Russian East regions.

Keywords: transboundary cooperation, subnational actors, integration, Russian Far East, North-Eastern Asia.

VELIKAYA O. V. The Political System of Modern Kazakhstan: Political and Methodological Analysis.

The article considers the problem of modern Kazakhstan multi-partied system in political and methodological aspect. It gives a political and methodological comparison of existing parties. A comparative analysis of ideological content of the political parties' programmes and possible prospects of further development of the political system of Kazakhstan are also given.

Keywords: political party, party system, multi-partied system, methodology of analysis of political parties.

VASILEVA S. A. Special Features of Innovative Political Processes in Republic of Turkey.

The article highlights the special features of innovative political process to lay down in Turkey in the Republican period. The author pays much attention to the processes of change of power in the coun-

try, as well as the process of formation of parties, closure of political parties and their recovery, which fully reflect the specifics of the political process of innovation in general.

Keywords: Turkey, political processes, innovation processes, a coup d'état, the Grand National Assembly of Turkey, the Justice and Development Party, the People's Republican Party.

VERSHILOV S. A. Culture of Military Safety: in Search of its Main Contradiction.

Today the culture of military safety acquires new contours. It is not difficult to notice, that globalization has ambiguous influence on it. Sometimes this influence generates military and political processes with unpredictable results. The mission of military safety culture must be done always. It is necessary to recognize, that present reality is a main factor of military safety culture's development. This thesis is substantiated in this article.

Keywords: culture of military safety, globalization, war, military conflict, terrorism, contradictions.

EASTERN HISTORY

SUROVEN D. A. Marriage Connections of Sovereign Ō-Sazaki (Nintoku) and Internal Political Struggle in Yamato in the End of 10–Beginning of 20 Years of V Century.

In this article, on the basis of materials of the Japanese sources, the marriage connections of sovereign Ō-sazaki (Nintoku, 418–425 / 427 years of the corrected chronology) are analyzed. Political struggle in the end of 10th–the beginnings of 20th years of the V century had found reflection in this marriage connections. Features of the status of the main wife (“Empress”), forms of struggle of the communal nobility for the power and the confidants of Yamato monarch are analyzed. The objective and subjective reasons of the change of the marriage connections system in the Japan rulers clan in beginning of the V-th century were researched.

Keywords: ancient Japan, Yamato, Jingū, Homuda, Ōjin, Ō-sazaki, Nintoku, mutiny of Hayabusa-wake, «Nihon-shoki», «Kojiki», «Kuji-honki», «Ki-uji-no kachō».

DJURAEV D. A. Historian Komyob from Khiva and his Works as a Contribution to Study of History of Central Asian Nations.

This article is devoted to the personality and historical works of unfamiliar historian Komyob from Khiva Khanate. The information about manuscript lists, structure and scientific importance of his works in the study of history of Central Asian nations is given in the article.

Keywords: manuscript, literary genres, Turkic peoples, the Khiva Khanate, folk material, Sufi teachings.

ORIENTAL TRADITION AND CROSS-CULTURAL INTERACTION

BULTAKOV I. Y. Formulaicity as a Stylistic Peculiarity of Arabic Heroic Epos (according to Parrie-Lord's theory).

The article is devoted to analysis of peculiarities in heroic and romantic epos of Medieval Arabic literature according to Parrie-Lord's theory.

Keywords: folk novel, epic monuments, writing traditions, “formula” as a folklore theory.

BEGMATOV E. A., ISLAMOV A. Kh. Al-Farabi about Language and the Culture of Speaking.

The article is devoted to works of one of the outstanding world thinkers – Abu Nasr Al-Farabi, whose name is connected not only with some number of scientific discoveries, but also with the development of educational social and philosophic thought of the Middle East. In his works Al-Farabi touches on one of the problems of the modern linguistics – the culture of speaking, particularly oratorical qualities of poets, culture of speaking of rulers, imams. The article considers requirements connected with speech, culture of speaking, oratory which should be met by a moral man, from the point of view of Al-Farabi.

Keywords: Al-Farabi, culture of speaking, Oriental philosophy, linguistics, oratory.

BEKMIRZAEV I. I. Codicology of Manuscript Works on Fiqh «al-Muhit» Written in Maverannahr.

In this article for the first time an effort to research the scientific heritage of Makhmut al-Bukhari and Raziyuddin al-Sakhrasi on the basis of work “al-Mukhit” is made. History and the order of writing documents in institution of kaziyat in Maverannakhr are analysed. Besides a comparative analysis of unexplored until the present time manuscripts of work “al-Mukhit”, which are kept in Manuscript Fund of Institution of Oriental Studies Academy of Sciences Republic of Uzbekistan, libraries al-Azkhar (Egypt) and Suleimania (Turkey), is conducted.

Keywords: Burkhanuddin Maknmud al-Bukhari, Raziyuddin al-Sakhrasi, al-Muhit, Maverannakh in XI–XIII centuries, shurut, makhzar, sijil, fatovo, madrasah, janaza.

ESHANKULOVA S. I. Poetic Interpretation of Hyzr Image in the Lyrics of Poetess Nadira Begim.

This article deals with works of outstanding poetess of the first half of XIX century Nadira begim. The research of art images of Nadira’s lyrics is still an actual problem in Uzbek modern literary criticism. In this article the style and the image of Hyzr in the lyrics of the poetess is considered. Also it studies the originality, skills and grace with which Nadira used the image of Hyzr in art and esthetic purposes.

Keywords: Hyzr, Islam, obi hayvon, Kahf, Kalimullah, myth, Sufi teachings.

NASYROVA M. A. Maverannakhr in the Context of Arabic Linguistic Schools.

This article is a part of research for the first time describing the activity of linguistic school of Maverannakhr in the Middle Ages. Extensive spreading of Arabic language (IX–XI), unprecedented in the history rise in science and culture in Maverannakhr favoured the development of Arabic language and Arabic linguistics to a considerable extent. The evidence of this is the activity of great number of famous linguists, such as Iskhak al-Bukhari, Makhmud az-Zamashkhari, Ibn al-Khayat, Iskhak Saffar al-Bakhari, Nasr b. Abu as-Saiid al-Mutarrizi, Mukhammad al-Kharezmi, Umar al-Jandi, Masud at-Taftazani and many others. They took an active part in development of Arabic linguistics in Maverannakhr.

Keywords: Maverannahr, linguistic school, Arabic grammar, madrasah, literary language, questions of morphology and syntax, linguistic research, theory of Arabic grammar, manuscript copier, source

KASYMOVA S. S. Ways of Exposition of Syntax Relations in the Work “Mukaddima” of Khamiduddin Dariri.

This article is devoted to defining the way of exposition, used in the elucidation of grammar themes in the work of Bokharan linguist Khamiduddin Dariri. Besides a comparative analysis of Khamiduddin Dariri’s approaches to exposition of the syntax of Arabic language with approaches of other grammarians is carried out in this article.

Keywords: syntax, morphology, name, verb, adverbial modifier, isolation, exception, banner word, attribute, government, govern, definite state, indefinite state, complete declension, incomplete declension.

TOURSUNOVA D. Sh. Semantic Peculiarities of Complex Verb in Persian Language.

Research in the field of semantic of complex verb in Persian language in one of the most important problems of Iranian studies. In spite of considerable success in solving this important question, there is no single and consistent theory in Iran and other Iranian states. In this article the main semantic types of complex verbs are examined on the basis of modern sources of Persian language.

Keywords: semantic, complex verb, linked, simulated, unsimulated, motivated, unmotivated, partially motivated, prepositional verb, non prepositional verb.

ABDULKHAIROV M. Kh. Methods of Alisher Navoi’s Texts Analysis.

The article is devoted to the analysis of methods of Alisher Navoi’s works, one of which is prose interpretation of the poem “Farkhad and Shirin”. Also the method of hermeneutics is examined.

Keywords: method, history of text, work, gloss, conjecture, dictionary.

SULTANKHODJAEVA S. U. Model forming verbs in somatic phraseological units of Persian language.

The article is dedicated to the model forming verbs in somatic phraseological units of Persian language. The author analyses a potential possibility of verbs to form somatic phraseological units and examines their compatibility with somatic lexemes. The presented analysis of model forming verbs contributes to the scholarship of research related to issues of compatibility of verbs with somatic units.

Keywords: model forming units, somatic units, somatic phraseological formations, productivity, compatibility.

EROFEEVA Y. A. Alternative Forms of Conducting Chinese Language Lessons in Primary School.

In the article “Alternative forms of conducting Chinese language lessons in primary school” the author summarizes the problems of teaching Chinese language to primary school children and describes the basic characteristics of children of this age group and the problems associated with the perception of Chinese language.

Besides general characteristics of teaching Chinese language in primary school, in this article you can find methods, which teachers can use for preparing and organizing their lessons.

The article presents the definition and characteristics of the forms of lessons. There are also some examples of alternative lessons which have been used by the author of this article. The author presents some results and recommendations to teachers based on monitoring children during these lessons. All examples are given with the illustrations, which help to understand the presented material.

This material will help teachers in preparing and organizing Chinese language lessons in primary school and also let to diversify the methods of presenting material to pupils. All this directly influences on the perception, understanding and memorizing the programme of learning Chinese language by the children of primary school.

Keywords: Chinese language in primary school, teaching games, alternative forms of lesson, Chinese language lessons, from teaching experience.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Абдулхайров Манзар** кандидат филологических наук, доцент кафедры теории перевода и сравнительного языкознания факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека.
mabdulxayrov@gmail.com
- Бегматов Эрнст Азимович** доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом современного узбекского языка Института языка и литературы Академии наук Республики Узбекистан.
pnv@csu.ru
- Бекмирзаев Илхамджан Исраилджанович** кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры исламоведения Ташкентского государственного института востоковедения.
ilhomorient@gmail.com
- Бохан Ярослава Андреевна** преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков Челябинского государственного университета.
yara_slava@mail.ru
- Бултаков Икром Юсупович** кандидат филологических наук, проректор Ташкентского государственного института востоковедения.
pnv@csu.ru
- Васильева Светлана Анатольевна** преподаватель кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
lana86@pochta.ru
- Великая Ольга Викторовна** старший преподаватель кафедры философии Костанайского государственного университета имени А. Байтурсынова, магистр истории.
velikay_o@mail.ru
- Вершилов Сергей Анатольевич** кандидат философских наук, доцент кафедры боевой подготовки и безопасности полётов Краснодарского высшего военного авиационного училища лётчиков.
vershil@mail.ru
- Гердт Яна Владимировна** преподаватель кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
yanagerdt@mail.ru
- Джураев Джалолиддин Аминджанович** преподаватель кафедры языкознания Джизакского государственного педагогического института имени А. Кадири.
ouqog@mail.ru
- Дубина Юлия Анатольевна** кандидат медицинских наук, старший преподаватель кафедры педагогики и психологии Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова.
559055@rambler.ru
- Ерофеева Юлия Анатольевна** учитель китайского языка Восточной школы Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
youliya_1983@mail.ru

- Зыков**
Александр Александрович аспирант кафедры государственного и муниципального управления Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
Sunych_84@mail.ru
- Исламов**
Уткиржон Хосилжонович научный сотрудник Института языка и литературы Академии наук Республики Узбекистан.
pnv@csu.ru
- Касымова**
Сарвиноз Сайфуллаевна преподаватель кафедры арабского языка Ташкентского государственного института востоковедения.
pnv@csu.ru
- Ким**
Валерий Семенович доктор политических наук, профессор кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
pnv@csu.ru
- Козлов**
Леонид Евгеньевич кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения Владивостокского государственного университета экономики и сервиса.
leonidkozlov@yahoo.com
- Лаврентьева**
Татьяна Владимировна кандидат политических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых.
lavrentevtatyana@yandex.ru
- Мухаметов**
Руслан Салихович кандидат политических наук, ассистент кафедры теории и истории политической науки Уральского государственного университета.
muhametov.ru@mail.ru
- Насырова**
Малика Анваровна кандидат филологических наук, доцент, докторант Ташкентского государственного института востоковедения.
m.nosirova2005@mail.ru
- Пастухов**
Александр Львович кандидат философских наук, доцент кафедры менеджмента таможенного и страхового сервиса Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики.
alpast@yandex.ru
- Сачко**
Галина Владимировна кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и регионоведения, декан факультета Евразии и Востока Челябинского государственного университета.
east@csu.ru
- Смирнов**
Максим Георгиевич кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и регионоведения Челябинского государственного университета.
smirnov771977@mail.ru
- Султанходжаева Саида**
Убайдуллаевна аспирант кафедры ирано-афганской филологии Ташкентского государственного института востоковедения.
sultans@bk.ru

-
- Суровень**
Дмитрий Александрович кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии.
Yamato.ur@mail.ru
- Турсунова**
Дурдона Шарафитдиновна соискатель ирано-афганской кафедры Ташкентского государственного института востоковедения.
lady.tursunowa@yandex.ru
- Эшанкулова**
Сурайё Исомиддиновна преподаватель кафедры языкознания Джизакского государственного педагогического института.
Surayyo.Yogdu@mail.ru